

НОВОЕ ВРЕМЯ

июль 1991

Пятеро
в «бункере»:
с американцами
легче
договориться,
чем
со своими

27

Цена 60 коп. 63
Индекс 70621

ЧП

кому еще
чрезвычайные
полномочия?

ISSN 0137 - 0723

Читайте в этом номере:**СТРАНА**

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НВ» ИНТЕРВЬЮ Э. ШЕВАРДНАДЗЕ ЕСТЬ ТАКАЯ... ПАРТИЯ?	4
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ М. Шакина БОРЬБА В ЦЕЙТНОТЕ	6
ФЕДЕРАЦИЯ В. Лукин ОТ НОВО-ОГАРЕВА ДО ЛОНДОНА РУКОЙ ПОДАТЬ	8
ПАРЛАМЕНТ И. Лагунина ПЕРВАЯ УТЕЧКА	10
ЭХО ВЫБОРОВ В РОССИИ П. Карп У ВРАТ ДЕМОКРАТИИ	12
ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ Н. Петрова В БУНКЕРЕ НА ПЯТЕРЫХ	14

МИР

ЮГОСЛАВИЯ Г. Сысоев ЧЕРНЫЕ ДНИ	18
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НВ» Ю. Кудимов КАК ДОЛЖНИК ДОЛЖНИКУ...	22
СССР-ИНДИЯ Л. Жегалов РОМАН С НЕОЖИДАННЫМ ПРОДОЛЖЕНИЕМ	23
ДИАЛОГИ НА ЮГЕ АФРИКИ А. Пумпянский, Н. Решетняк ПОСЛЕ АПАРТЕИДА	24
ИРАН В. Житомирский ЧТО СКРЫВАЕТ ХИДЖАБ	28

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В. Тишков ОСТАВЬТЕ СЕБЕ ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ!	30
ЭССЕ Л. Ионин ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	34
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В. Абрамкин, В. Чеснокова БУНТ В ЗОНЕ	36
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ Т. Манн БРАТ ГИТЛЕР	41
КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА В. Байдин «ДОМ МОЙ ДОМОМ МОЛИТВЫ НАРЕЧЕТСЯ»	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ Ю. Соколов САНКТ-ЛЕНИНБУРГ	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

Эдуард Шеварднадзе.
Надежды на КПСС
не оправдались...

Стр.4

Югославия. Гражданская война

Стр.18

Как подавляют бунт заключенных

Стр.36

Главный редактор

**Александр
ПУМПИАНСКИЙ**

Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ,
коммерческий директор,

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Алексей БУКАЛОВ,
ответственный секретарь,

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

**Дмитрий
ПОГОРЖЕЛЬСКИЙ,**

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА,

Игорь ШЕИН,
главный художник

**Собственные
корреспонденты
журнала работают в:**

Белград, Бонне, Бухарест,
Варшаве, Вене, Дели, Лондоне,
Праге, Претории, Мехико,
Нью-Йорке, Риме, Стокгольме,
Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском, английском,
французском, немецком, испанском,
итальянском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.**

Тел. 229-88-72, 209-07-67

Телексы: 411164a newt SU,

411164b newt SU

Телефаксы: 200-42-23;

200-41-92

Отдел рекламы: 209-92-82

Печатается в типографии

«Московская правда»

© «Новое время»

П О Ч Т А

■ В программе «Время», а затем и в нескольких газетах прозвучало сообщение о встрече председателя КГБ Крючкова с обществом «Мемориал». Эта информация, распространенная, видимо, пресс-службой КГБ, не соответствует действительности. Общество «Мемориал» не обращалось с просьбой о встрече с Крючковым и не получало приглашения на такую встречу.

Во встрече участвовали представители комиссий Моссовета по делам репрессированных и по местам захоронений, объединения лиц, пострадавших от необоснованных репрессий, ассоциации жертв репрессий, репрессированных старых членов партии, организации «Репрессированное детство». Многие из этих людей являются членами «Мемориала», но никто из них не выступал от имени общества.

Мы неоднократно заявляли о том, что единственной формой «общения» с КГБ могут быть только направляемые нами запросы о судьбах конкретных людей. Мы считаем абсолютно неприемлемым предложение об участии КГБ в установке памятных знаков в местах мас-

совых захоронений жертв того же КГБ.

Мы не считаем, что КГБ «перестроился». Свидетельством того, что КГБ не изменился, могут служить недавние заявления сотрудников комитета («Правда» от 10.06) о том, что диссиденты 60–80-х годов были осуждены в соответствии с законом. Несмотря на многочисленные требования, по-прежнему закрыты архивы КГБ, в том числе 50–70-летней давности. Разработанный недавно самим КГБ закон о КГБ свидетельствует о неизменной сущности этого ведомства. КГБ по-прежнему остается практически неподконтрольным.

Мы считаем, что КГБ в его нынешнем виде должен быть упразднен и на его месте созданы несколько служб (контрразведывательная, по борьбе с терроризмом и так далее), подотчетных демократическим институтам.

**Рабочая коллегия
«Московского мемориала»**

■ Благодарю Юрия Старостенко за статью «Сокровища горы Мехян» (№ 22/91). Это одна из немногих (если не первая) за последний год-полтора статья, которая спокойно и объективно рассказывает о КНДР.

Наша пресса преуспела в суетливом охаивании наших бывших друзей и союзников, в том числе и Северной Кореи. Я переписываюсь с корейскими друзьями уже 8 лет. Читаю «опусы» об этой стране в наших изданиях. Все материалы объединяет злобная неспособность понять северных корейцев, исходящая от незнания их культуры, уклада жизни. И идеи чужие плохи, и все остальное тоже. А у меня вызывают восхищение Трудовая партия Кореи и ее вождь — Ким Ир Сен. Да, у них есть трудности. Но не надо акцентировать внимание на том, что противников режима в Северной Корее как-то раз расстреляли принародно на стадионе. Мы сами этого не видели, а если это и было, то ведь у нас вешали и расстреливали десятилетиями. Что ни говорить, но, если бы не было на Востоке Северной Кореи, было бы гораздо хуже. И не случайно Ким Ир Сену шлют подарки со всего мира, о чем рассказано в материале Старостенко. Почему шлют эти подарки? Наши писатели даже не пытаются задуматься над этим вопросом. Света нет в Механсане? Так это просто у них такой уклад жизни! Зубоскалим по поводу

Пятьдесят лет пытаюсь вернуться на Родину

■ Читательские отклики на материал Л. Млечина «Власов и власовцы» заставили меня вспомнить годы войны.

Я внук генерала артиллерии Е. Есаулова (по отцу) и камергера князя Оболенского (по матери). Одна моя бабушка — внучка декабриста И. Поджио, другая — сестра народовольца М. Триго-ни. Родился я в Санкт-Петербурге в 1912 году. В 1920-м вместе с родителями эмигрировал — сначала в Югославию, потом в Италию.

Мои родители ждали скорого падения советской власти и возможности вернуться на Родину. В тогдашнем понимании отца и матери Россия пребывала во власти евреев, которые убивали, грабили и унижали русский народ. Шли годы, меркла надежда на возвращение. Мать стала религиозной, отец пробовал заняться бизнесом, но безуспешно. Они все время ждали чуда, которое позволит им вернуться.

Я рос в русской, но антисоветской среде. Была одна мечта — служить России, участвовать в освобождении ее от большевиков. Фашистская Италия была враждебно настроена к

большевикам — и этого было для нас достаточно. Началась испанская гражданская война. Газеты писали, что это война с коммунизмом. И я со своим юношеским легкомыслием увидел возможность бороться против советской власти. В 1937 году прибыл в Испанию, был принят братом генерала Франко. Выступал по радио с обращением к солдатам Красной Армии — призывал их сбросить Сталина, освободить нашу Родину. Потом стал солдатом иностранного легиона, уехал на фронт. В 40-х годах я жалел о моей испанской авантюре, но тогда это было наивным проявлением любви к России.

Вернулся в Италию, меня мобилизовали и отправили в Ливию. Когда Италия вступила в войну, я попал в плен к англичанам, оказался в лагере в Индии. Условия были отличные, англичане относились ко мне приветливо.

О нападении Германии и Италии на Советский Союз узнал почти сразу же. Нехорошо было на душе: одно дело — участвовать в гражданской войне, совсем другое — быть во вражеской армии. И тогда я остро осознал: еще

У Ким Ир Сена есть свои люди в Мурманске

Не
революционеры,
а уголовные
преступники

«Мемориал»
КГБ
не товарищ...

жизни в Корее. А мне вчера выдали талон на 600 граммов колбасы, и я ее должен есть целый месяц! А макарон в Мурманске — 500 граммов на квартал! То есть 5 граммов в сутки... Разве никому не приходило в голову, что раньше мы жили не столь скудно? И красного цвета кругом было полно. А сейчас нам, северянам, тоже предложили вариант чучхе: самим сажать картофель, чтобы «пережить зиму». Это у нас-то...

Давайте оставим в покое КНДР. Пусть они живут так, как хотят. А мы не будем лезть с комментариями, и так уже везде опростоволись.

Сергей Шустров
Североморск

■ В № 10 опубликовано интервью Елены Горовой с Раулем Роа Кюри, министром иностранных дел Кубы, а в «Новом мире» — статья А. Ав-

торханова «Ленин в судьбах России». Эти две публикации заставили меня взяться за перо с криком: «Помогите!» Не стану пересказывать их содержание: долго, трагично и печально. Я спрашиваю: где же истина? Кто виноват конкретно? Коммунистическое учение виновато? Теория или те, кто приложил к этим идеям руки?

Авторханов заканчивает свою статью приговором Ленину: он «изобрел... тоталитарный механизм государственной власти, пользуясь

которым его наследники увековечили физический и духовный террор и почти на целый век выключили Россию из семьи цивилизованных... государств». Рауль Роа Кюри защищает революцию, которая основывается как раз на том, о чем писал Авторханов. Куба, оказывается, с нашей помощью вела и будет вести беспощадную борьбу с врагами социализма, врагами революции.

Так кто же виноват? Может, уже настала пора сказать, что виноваты не Ленин

и Сталин, а сама теория, сама идея, так как она была и остается утопией? Или все же виноваты конкретные лица, а коммунистическое учение научно? Может, те, кто применял его в жизни, извратили все до беспридела? Извратили потому, что им было выгодно дурачить народ, травить души, губить жизни. Но тогда они не революционеры, а уголовные преступники. Ведь если я подам идею, как ограбить редакцию «Нового времени», идейно вдохновлю грабителей, а сам в этой операции участвовать не буду, — все равно меня посадят, и по делу.

Я коммунист. Как и Рауль Роа Кюри. Но какие мы разные люди. Я не хочу выискивать врагов. Мы можем не быть единомышленниками, но мы не должны быть врагами. Министр говорит, что на Кубе отдаются под суд или трибунал только те, кто нарушает государственные законы. То есть те, добавлю я, кто думает по-другому. Это мы уже не раз проходили и даже по колени в крови...

Иван Бельговский
Верхнеднепровск

Подборку подготовила
Т. Чернова

Я ТАК ВИЖУ

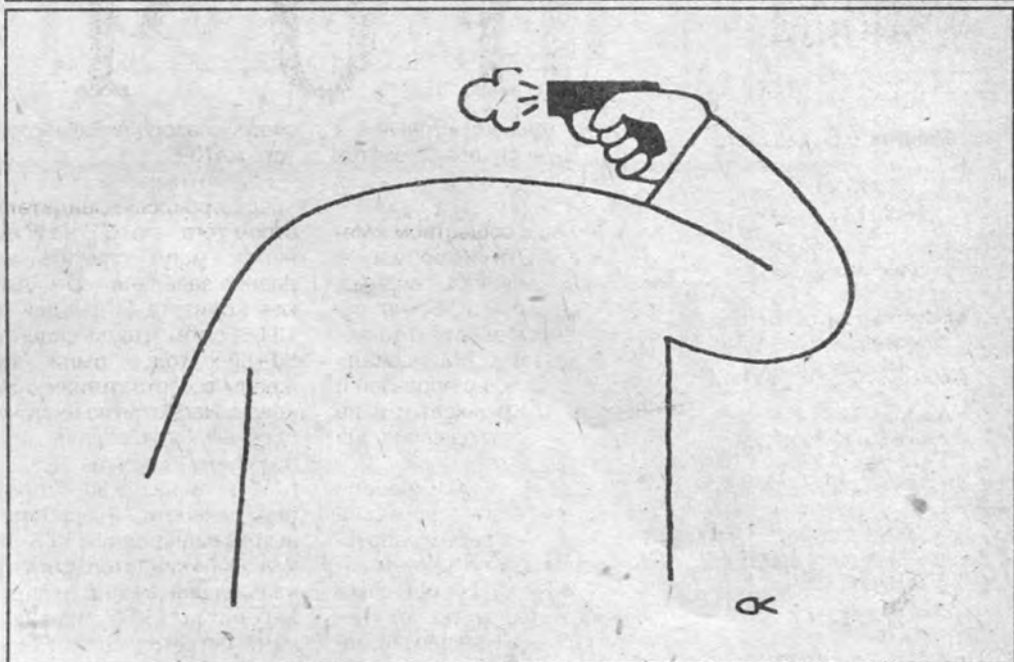

Рисунок Сергея Куприна

вчера ненавистный мне Советский Союз и есть Россия, моя Родина. Кутузов, Сталин, Россия, Советский Союз — все это мое, русское, родное, моя кровь. Мне надо быть там, а не здесь, среди итальянцев. Мне даже приснился Сталин в мундире Кутузова, на коне, на поле битвы. Я добился встречи с английским генералом и заявил, что отказываюсь от итальянского гражданства и прошу отдать меня советским властям. Мне ответили, что на это надо время и к тому же белому русскому не пристало проситься в Советскую Россию... Я долго ждал, но, потеряв надежду, дважды пытался бежать из лагеря. Оба раза меня возвращали, заключали в тюрьму.

Я послал заказное письмо Сталину с просьбой разрешить мне возвращение на Родину. Из Кремля пришло уведомление о получении письма, но ответа не последовало.

Вернуться на Родину удалось только в 1958 году. В Индию, где я тогда жил, приезжал Хрущев, я обратился к нему с письмом. Я, моя мать и сын (жена не захотела уезжать) приехали в совхоз «Комсомольский» Оренбургской обла-

сти. Приняли нас очень сердечно, преподнесли подарки: творог, куличи, яйца, 50 поллитровок. Дали трехкомнатный домик. Потом перевели в шахтерский городок около Чимкента. Незнакомые люди говорили на улицах: «Правильно сделали, что вернулись. Лучше нищим на Родине, чем миллионером в чужих краях». Но, к сожалению, по семейным причинам пришлось вернуться в Индию: жена требовала вернуть ей сына, а я не хотел его терять.

Все, что я видел в Советском Союзе, было прекрасно. И больницы, и школы, и совхоз, и рабочий городок... Мои жена и мать умерли. Оставшись один, я несколько раз подавал ходатайства о репатриации, но без успеха. Говорят, теперь, при перестройке, легче вернуться на Родину. Но беда в том, что я не знаю, на какие средства жить в России: пенсию я получаю в рупиях — неконвертируемой валюте. Но очень хотелось бы умереть на Родине. С июня 1941 года понятия «русский» и «советский» стали для меня однозначными.

Александр Есаулов
Дели, Индия

Есть такая... партия?

Партия, которой так боялись в ЦК КПСС и о которой устали мечтать некоторые демократы, родилась. Точнее, основа для партии — движение

Политический обозреватель «Нового времени» Галина Сидорова в день рождения новой партии встретила с одним из ее создателей Эдуардом ШЕВАРДНАДЗЕ

Клич брошен. С призывом к согражданам провести осенью 1991 года Учредительную конференцию для объединения демократических движений и партий в республиках и регионах обратились Аркадий Вольский, Николай Петраков, Гавриил Попов, Александр Руцкой, Анатолий Собчак, Иван Силаев, Станислав Шаталин, Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев.

«Новое время». Я знаю, вы давно вынашивали идею создания оппозиционной партии. Почему вы и ваши единомышленники решили реализовать ее именно сейчас?

Э.Шеварднадзе. Публично я раньше об этом не заявлял. Но в беседах с коллегами действительно говорил: если мы всерьез хотим построить правовое демократическое государство, надо способствовать созданию серьезной конструктивной оппозиции. Это не нашло поддержки. Все надеялись, что КПСС будет трансформироваться и сама станет олицетворением демократии, демократизма. Не получилось.

Почему сейчас? Начну с того, что мы опоздали. В декабре я говорил об опасности надвигающейся диктатуры. Наверное тогда и надо было ставить вопрос об организационном объединении демократического движения. Угроза возвращения тоталитаризма остается. Психология людей формировалась десятилетиями. Консервативные, реакционные силы довольно хорошо организованы. У них свои структуры. Есть реальная сила, включая военную. Посмотрите, какие

действия они предприняли после моей отставки: события в Вильнюсе — открытое вооруженное выступление против законно избранных представителей власти. Нравятся они кому-то или нет, но, если КПСС считает себя конституционной партией, как она может допускать применение силы против конституционного правительства? Потом — Рига, и в последние дни — опять Литва. А вспомните осажденный Кремль в конце марта. Если бы не принципиальная позиция депутатов России, никто не знает, как бы все обернулось...

«НВ». Тогда в декабре вы сказали, что демократы «ушли в кусты». Видимо, сегодня они перешли к активным действиям...

Э.Ш. Все убедились, что демократические силы способны завоевать доверие людей. Об этом свидетельствуют результаты выборов президента России, итоги выборов в Москве, в Ленинграде. Это крупный успех демократических сил. Но я допускаю, что именно на таком фоне произойдет дальнейшее сплочение реакции, ожесточение борьбы. Боюсь даже, как бы демократы не успокоились раньше времени, не почили на лаврах. Наши оппонен-

ты не спят. Вот поэтому на нынешнем этапе мы и выступили с призывом к согражданам объединиться в Движение демократических реформ.

«НВ». Что вы подразумеваете под конструктивной оппозицией? Какую программу намерены предложить?

Э.Ш. Когда я говорю о конструктивной оппозиции, я имею в виду не столько программу — ее конкретизация еще предстоит, — сколько образ действий. Есть оп-

Рисунок Аркадия Гурского

позиция, которая старается торпедировать любое решение правительства, руководителя страны. Мы же намерены, если правительство проводит разумную, правильную, с нашей точки зрения, политику, его поддерживать. Если убеждаемся, что есть более-подходящая альтернатива, будем формировать общественное мнение, бороться в парламенте.

«НВ». И все-таки, вы рассчитываете создать массовую партию или небольшую организацию единомышленников?

Э.Ш. Предположим, мы бы ограничили созданием партии интеллектуальной элиты. Но тогда мы бы просто не получили достаточной поддержки. Особенно на нынешнем сложном этапе, когда, на мой взгляд, люди нуждаются в организации, учитывающей интересы каждого, апеллирующей к каждому человеку, к каждой личности. Для нас личность превыше всего. И, как ни парадоксально, именно поэтому мы стремимся к массовому движению.

«НВ». Значит, не партия, а движение?

Э.Ш. Пока — движение, объединение. Почему? Хотим открыть двери как можно более широкому кругу людей. Опираемся на массы...

«НВ». Массы — понятие резиновое. На чью конкретно поддержку вы рассчитываете?

Э.Ш. Не хотелось бы опираться на какой-нибудь определенный класс, группу. Мы приглашаем всех сограждан, разделяющих наши идеалы и принципы. Вот они: духовная, экономическая и политическая свобода человека, его социальная и экономическая защищенность; пар-

ламентская республика, законность, правопорядок; коренное преобразование экономического уклада, конкуренция и равные возможности, превращение граждан страны в хозяев собственности и результатов своего труда; сотрудничество между нациями, сохранение исторического ядра нашего государства как союза свободных и суверенных народов; осуждение и отторжение любых форм национал-экстремизма, шовинизма, расизма; здравый смысл, конструктивное сотрудничество всех ответственных граждан, противников хаоса и анархии; равноправие и заинтересованное сотрудничество во внешнеполитических и внешнеэкономических делах, мирное развитие цивилизации. Повторяю, мы хотим обращаться к личности и по возможности учитывать интересы всех слоев.

«НВ». Собираетесь ли вы создавать свои форпосты на предприятиях, в учреждениях? Или нечто вроде клубов избирателей?

Э.Ш. Пока я представляю это так: оргкомитет или оргбюро в Москве и аналогичные организации в районах, городах, республиках, там, где наш призыв получит позитивный отклик. Что дальше? Создавать ли организации на предприятиях, в ведомствах? Я считаю, что пора уже ставить вопрос о деполитизации, департизации. Пока же КПСС сохраняет свое присутствие на предприятиях, в государственных структурах, в органах безопасности, в армии. Причем сохраняет монополю. 90 процентов работающих в этих системах — члены компартии. Мы будем ставить вопрос о департизации. Если это будет поддержано, тогда, естественно, речи быть не

может о создании наших ячеек по месту работы. Будет что-то другое — по месту жительства, в масштабе района. Но если КПСС сохранит свои организации на предприятиях, тогда и мы на это пойдем. Почему, скажем, не создать в министерстве обороны ячейку демократического движения? Я знаю многих офицеров и даже генералов, которые придут к нам. Почему не создать нашу организацию в органах госбезопасности или в министерстве иностранных дел?

«НВ». Как вы намерены бороться за власть?

Э.Ш. Через парламент. Выборы для нас — самое главное. Но выборы нельзя выиграть без реальных дел и конкретных программ. Собственно, и программы уже не спасают. Люди устали от концепций, риторики, обещаний. Нужны дела. И в этой борьбе по конкретным вопросам в реальных действиях будет утверждаться наш авторитет. Мы — парламентская партия. Но это не значит, что мы не претендуем на массовость. Наоборот, только имея как можно более широкую поддержку избирателей, мы сможем провести в парламент максимальное число своих депутатов.

«НВ». В обществе действительно заметна усталость, в том числе и от постоянно возникающих новых партий, движений. Проблем на переходном этапе к новой экономической системе, к новым правилам жизни людям поначалу прибавится. К тому же у КПСС по-прежнему остаются рычаги. Вы не боитесь, что за вами не пойдут?

Э.Ш. Мы не собираемся переутомлять сограждан риторикой, новыми нереальными программами. Их и так больше, чем нужно. Надо учитывать элемент усталости. Если люди убедятся, что мы — реальная сила и боремся за интересы каждого человека, думаю, за нами пойдут.

«НВ». В советском обществе сложился определенный стереотип партии — если уж была партия, то это некий идеологический колосс. Ваши отношения с идеологией?

Э.Ш. Мы хотим уйти от этого. Даже если наше движение впоследствии станет партией. Главный критерий для определения отношения к нам вступающего и нашего отношения к нему — верность идеалам де-

мократии. Он может верить в социалистическую идею, и мы будем с ним работать в одной партии. Он может быть по убеждениям христианским демократом, и мы тоже будем сотрудничать.

«НВ». Это уж поистине партия нового типа...

Э.Ш. Да, как в свое время говорили большевики.

«НВ». К вам тяготеют представители «Демократической России», некоторые республиканцы, не говоря уже о бывших и нынешних членах КПСС. Как все-таки вы собираетесь решать вопрос о двойном членстве, о членстве в КПСС, например?

Э.Ш. Я думаю, что сейчас даже не надо настаивать, чтобы те, кто идет к нам, обязательно уходили, скажем, из КПСС. Во всяком случае, пока мы — движение.

«НВ». Иначе говоря, вы допускаете, что сначала вы будете разнообразным в плане политических пристрастий движением, а потом преобразуетесь в партию?

Э.Ш. Если станем партией, тогда к вопросу о членстве надо относиться по-другому. Но я не исключаю, что некоторые существующие партии захотят прийти к нам, сохранив определенную автономию. То же самое в отношении членов КПСС, которые изъявляют желание присоединиться к нам, но расстаться с КПСС им тяжело. Мы должны найти какую-то форму включения их в нашу деятельность и в том случае, если станем партией.

«НВ». Обращение подписали единомышленники. Но, наверное, и у вас были и неизбежно будут возникать разногласия. В компартии с ними поступают жестко. А у вас?

Э.Ш. Мы хотим построить движение или партию с учетом опыта, накопленного политическими движениями в различных странах. Это первое. Второе, и главное: создаваемая партия должна стать образцом демократизма. Если это не удастся, мы потерпим крах. Мы будем даже поощрять фракции — чем больше разных мнений, тем лучше. Другой вопрос — парламентская дисциплина. Безусловно, человек, которому мы помогаем пройти в парламент, должен будет проводить согласованную политику. Иначе никакой действенной оппозиции не получится.

«НВ». Ревностные коммунисты называют создание вашей партии «бунтом бывших»...

Э.Ш. В нашем обращении есть одна фраза, специально адресованная молодым. Именно молодежь должна стать главной опорой, движущей силой демократизации. И, на мой взгляд, наше движение должно помочь молодым стать по-

литиками в самом лучшем и в самом широком смысле слова. Пока у нас есть силы, а опыт определенный существует — и плохой, и кое-какой хороший, — мы хотим посвятить себя этой миссии: сделать так, чтобы молодые признали это движение своим.

Теперь о бывших и действующих. Знаю, подобное мнение существует, и готов к тому, что будет пущен в ход весь арсенал средств, чтобы скомпрометировать, дискредитировать не только инициаторов, но и участников движения. Все это мы уже не раз проходили. Этого бояться не надо. В том числе и ярлыка «бывшие». Слава богу, среди нас не только «бывшие». Разве мэр Москвы Гавриил Попов бывший? Бывший член КПСС, но действующий мэр. А мэр Ленинграда Анатолий Собчак? А Александр Руцкой, вице-президент России, человек молодой, воевавший. Я его знаю и хочу сказать: это политик с большим будущим, решительный, смелый, умный. Или Иван Силаев, российский премьер, отнюдь не бывший...

«НВ». Как вы думаете решать вопрос о лидере?

Э.Ш. Будем советоваться в оргкомитете. Полагаю, драки из-за должности лидера не будет. Возможно руководство на коллегиальной основе, несколько руководителей.

«НВ». Оргкомитет — это подписавшие обращение?

Э.Ш. Нет, в него войдут и другие, те, кто уже выразил готовность работать в оргкомитете. Нам еще надо и о материальной стороне подумать, где работать. Нужна своя газета...

«НВ». И где же? На какие средства?

Э.Ш. Это будет обсуждать оргкомитет. Но я себе представляю это так. Четко установленного порядка вроде: не уплатил членские взносы — вон из партии не будет. Возможно, достаточно будет подписаться на нашу газету. И даже это не обязательно. Ну нет у человека возможности платить взносы. Тогда не будем настаивать. Зато другой может внести солидный вклад.

«НВ». Вы имеете в виду пожертвования?

Э.Ш. Обязательно. Мы уже призвали в индивидуальном порядке и коллективно поддержать новое движение. Я предварительно это обговаривал и знаю: многие готовы внести свой вклад — и коллективы, и отдельные люди.

«НВ». А помещение уже есть?

Э.Ш. Я сам не смотрел, но говорят, что есть. В крайнем случае приютим здесь, на улице Елизаровой, в нашей Внешнеполитической ассоциации.

Фото Эдуарда Песова

Президент, собирающийся в Лондон, стоит перед выбором: программа Явлинского или программа Павлова. «Союз», нимало не смущенный тем конфузом, которым закончился бунт в Верховном Совете, продолжает многомесячную акцию — сбор подписей народных депутатов под требованием созыва внеочередного съезда, с тем чтобы заслушать отчет Горбачева, а затем послать его в отставку. Секретари сибирских обкомов «подперли» эту акцию с другой стороны, потребовав созыва съезда КП РСФСР. Объект нападения — все тот же Горбачев, чья вторая ипостась — генеральный секретарь ЦК КПСС — давно и успешно раздражает как радикальных демократов, так и ярых ортодоксов.

Любопытно, что заявление сибиряков появилось на следующий же день после «укрощения» парламента. Такое впечатление, что после поражения в Верховном Совете дан ход запасному варианту — партийному.

Но самой главной и волнующей новостью последней недели стали слухи о демократической партии, которую собираются создать люди, принадлежащие к верхушке КПСС. В упоминаемом наборе имен на первом месте — Александр Яковлев и Эдуард Шеварднадзе.

Три партии — в одной

Внутри КПСС заметно усилилось брожение. Слова генерального секретаря на последнем пленуме ЦК о том, что он видит в зале по крайней мере три-четыре партии, стали почти крылатыми.

Еще год назад генсек крепко держал в руках партию: под давлением Горбачева коммунисты жертвовали своей конституционной ведущей ролью, на XXVIII съезде приняли курс на демократизацию и рыночное хозяйство. На последнем пленуме опять-таки Горбачев не дал разгореться скандалу и партийной междоусобице. Но слова о трех партиях были все-таки сказаны...

В последний месяц произошло несколько примечательных событий. Во-первых, на чрезвычайном Съезде народных депутатов РСФСР от парламентской группы «Коммунисты России» откололись «Коммунисты за демократию». Появление новой депутатской группы многие в КПСС восприняли на «ура». Создание фракций «Коммунисты за демократию» началось в Советах разных уровней.

Во-вторых, резко активизировались деятели инициативного съезда коммунистов — их теоретик Алексей Сергеев был одним из кандидатов в вице-президенты России. Во всех интервью, дебатах и на пресс-конференциях он без усталости пропагандиро-

Борьба в цейтноте

Похоже, жаркое лето 1991 года основательно изменит наш политический пейзаж

вал ортодоксальные взгляды — собственные и своих сторонников. Продолжала популяризаторскую миссию группа Нины Андреевой — правда, кажется, с обратным эффектом.

И вдруг стали просачиваться сведения о том, что коммунисты из верхушки КПСС, стоявшие у истоков перестройки, готовы организовать свою демократическую партию. Сначала «проговорился» в Вене Эдуард Шеварднадзе. Центральная контрольная комиссия КПСС тут же завела на бывшего министра «дело». После возмущенно-насмешливой реакции в стране для «баланса» в ЦКК вызвали представителей трех платформ — марксистской, демократической и «инициативников» Сергеева — и предупредили о неполном соответствии их действий линии партии...

Сразу обозначилась реакция внутри страны. Ортодоксы, конечно же, обвинили раскольников в предательстве. Николай Травкин и Аркадий Мурашев заговорили о возможности создания объединенной демократической партии. Республиканцы (бывшая «демплатформа») толковали о грядущем слиянии. Но кое-кто из демократов был отнюдь не в восторге — «умная» коммунистическая партия составит им малопривлекательную конкуренцию. Другие демократы, выбравшие в качестве официальной доктрины антикоммунизм, в сомнениях качали головами — все-таки бывшие коммунисты...

Новая роль Александра Яковлева?

Впечатление такое, что идет закулисная борьба за Яковлева. Интеллигентный Александр Николаевич, практически не показывающийся на публике в последнее время, редко выступающий на страницах печати, очутился в эпицентре партийно-политических бурь. Впрочем, читатели «Советской России» могут оспорить утверждение о том, что Яковлев ушел в тень. Ибо со страниц этой газеты имя Яковлева не сходит. Газета объявила священную войну лично Яковлеву, старшему советнику Президента СССР. Неустанно и размеренно — приблизительно раз в неделю — ее авторы ходят в атаку на Яковлева. Совершенно невозможно понять, в чем цель этого «джихада». Авторы раздраженно обрушиваются на идеолога перестройки, не умея противопоставить его взглядам ни одной идеи, — и только. Рваную деятель-

ность «Советской России» можно назвать публичным самоубийством партии. Если члены КПСС пытаются затравить, «выдавить» из своих рядов самых думающих, самых талантливых и интеллектуальных своих политиков, это действительно напоминает ритуальное самоубийство.

Александр Яковлев остается крупнейшей фигурой в КПСС, духовным лидером значительной ее части. Имя Яковлева привлекает внимание и мировой политической элиты. Участие такого человека в создании новой партии сразу же со старта дает ей несколько очков форы в политическом состязании за популярность, солидность и хорошую международную репутацию.

Вдохновители новой партии Яковлев и Шеварднадзе находятся сегодня в разных позициях. Бывший министр иностранных дел ушел с государственной службы и стал «вольным художником». Он сжег за собой мосты, его сегодня не обременяют обязательства по отношению к Горбачеву, а членство в КПСС для его нынешней общественно-внешнеполитической деятельности только помеха.

Можно представить себе сомнения идеолога перестройки. Александр Яковлев остается главным советником президента. Покинув ряды КПСС, он продемонстрирует нелояльность по отношению к Горбачеву, оставит его без поддержки, а по сути, перейдет в оппозицию к КПСС, а значит, и к своему сподвижнику.

...Помню телесюжет Яковлева после окончания XXVIII съезда КПСС, на котором из партии вышли Ельцин, Собчак и Попов. Грустный Александр Николаевич, будто оправ-

дываясь, извиняющимся тоном сказал тележурналисту: «Понимаете, я вступал в партию на войне, и не могу этого забыть. Не могу...»

Партия для Горбачева?

Развала КПСС ждут уже давно — и демократы, умеющие оценить опыт партий раскрепощенной Восточной Европы, и ортодоксы, которые подстегивают события, стремясь поскорее размежеваться. Ортодоксам кажется, что залог успеха политики партии — в «идеальной чистоте» ее членов. «Лучше меньше да лучше» —

пусть останутся только убежденные марксисты-ленинцы. Тогда восстановится «боевитость паркомов» и все встанет на свои места.

Прагматики не спешат покинуть партийные ряды и увести за собой сторонников, которых было бы немало. Они не спешат это делать, хотя вряд ли можно найти более странных единомышленников, чем Горбачев и Макашов, Яковлев и Андреева. Скорее всего, они понимают, что разложение 16-миллионного гиганта не может пройти без потрясений для общества. Для общества, в котором этот гигант десятки лет был единственной властью, единственным хозяином. И потом, опасно оставлять без присмотра несколько миллионов человек, не привыкших думать, зато привыкших быть проводниками директив.

Какая-то часть коммунистов — сторонники Полозкова, традиционалисты, ортодоксы, марксисты-ленинцы по-андреевски. Другая часть — реформаторы-прогрессисты. Но подавляющее большинство просто привыкло принадлежать к единственной когда-то партии — без особых мыслей, эмоций или пристрастий. Споры и разногласия в партии рождают в душах таких коммунистов психологический дискомфорт. Такие люди «в пиковой ситуации», следуя безошибочному инстинкту, выработавшемуся за десятилетия пребывания в партии, выбирают самый безопасный и потому идеальный для них вариант — голосуют за генерального секретаря. Брошенные на произвол судьбы, повинувшись тому же инстинкту быть непременно «ведомыми», они начнут искать себе другого поводыря. И он появится, ибо спрос всегда рождает предложение.

Будет ли Горбачев до последнего бороться за единство существующей КПСС? Некоторые высказывают мнение, что новая партия создается с ведома и одобрения Горбачева, с его «подачи». Ведь если дела в стране пойдут так, как они идут, то не исключено, что через год мы будем всенародно избирать президента СССР. Вот, дескать, Горбачев и заботится о своей социальной базе — создает ту политическую силу, на которую смо-

жет опереться на выборах. Поддержка КПСС сегодня — не самый верный путь к победе, как показали выборы президента России, где главный кандидат от КПСС Николай Рыжков получил втрое меньше голосов, чем кандидат от «Демократической России» Ельцин.

Что же, если развал неизбежен, то пусть уж он лучше будет контролируемым — не исключено, что именно так посчитали лидеры перестройки. Но это опять-таки домыслы. Горбачев, пока вся страна гадала, что же стоит за слухами о новой партии, заседал и руководил работой группы по выработке программы КПСС.

себя объяснениями собственных действий, оставив позади Верховный Совет и Политбюро. Горбачев ощутил наконец жесткий цейтнот, в который попала страна? Цейтнот, о котором год назад твердили и Ельцин, и Шаталин, и Явлинский?.. Еще год назад, когда очередную бессильную экономическую программу кропотливо разрабатывал кабинет Рыжкова. Когда Прибалтика не хотела отказываться от деклараций о независимости и ее испытывали экономической блокадой. Многие что еще происходило год назад, а сегодня отозвалось усугублением жесточайшего всестороннего кризиса...

Рисунок Геннадия Живуцкого

Судя по некоторым признакам, он в курсе планов своих ближайших соратников по партии, но он не отчаялся преобразить КПСС и использовал все свое влияние, чтобы удержать в своей орбите Александра Яковлева. Можно сказать, что Горбачев получил отсрочку: все инициаторы новой партии объявили о создании демократического движения, съезд которого назначается на осень. Шеварднадзе одновременно поставил публику в известность о своем выходе из КПСС, но у Александра Яковлева остается свобода маневра.

Своя игра

Унитарист-державник Виктор Алкснис не скрывает кредо группы «Союз»: Горбачев должен уйти. Президенту выставляется счет за развал Союза, за унижение державы, за вывод войск из Восточной Европы, за продажу страны капиталистам. Того же добивается радикальная часть демократов, постоянно подозревающая Горбачева в тайных намерениях и скрытом коварстве. А Горбачев? Он действует без оглядки, погоняя себя и других, не утруждая

Акция ОМОНа в Вильнюсе, проведенная традиционно, но, к стати, мягче предыдущих, вызвала наконец ту реакцию президента, которую так давно ожидали от него демократы. Начальник вильнюсского ОМОНа, вроде бы самостоятельно принявший решение об обыске телефонной станции, был вызван в Москву для объяснений. Хотя это был скорее символический жест осуждения, который вряд ли выльется в какие-то жесткие практические действия, но раньше мы от Горбачева и этого не видели — ни когда штурмовали Дом печати и здание МВД в Риге, ни когда пылали таможни. Операция ОМОНа выглядела на фоне нашей внутривнутриполитической жизни слишком уж провокационно. Спутать президенту карты перед поездкой в Лондон? Горбачев, похоже, не склонен позволять кому-либо вмешиваться в свою игру. Он одно за другим преодолевает препятствия на пути в Лондон. Он не собирается слушаться советов Алксниса, у него, судя по всему, совсем другие планы.

Марина Шакина

Владимир Лукин,

председатель Комитета Верховного Совета РСФСР по международным делам и внешним экономическим связям

П ришло время понять — кто мы такие? Единое государство, состоящее из сильных суверенных республик, или некое множество государств, объединенных союзом, федерация или конфедерация? От этой проблемы никуда не уйдешь: развитие советской экономики, наше место в мировом сообществе, наша внешняя и внутренняя безопасность зависят от судьбы Союзного договора.

Подталкивает к срочному решению проблемы и международно-политическая конъюнктура. Вопреки нашему чисто советскому комплексу «мы бедные, но гордые» нам без помощи развитых стран не обойтись, хотя решающие усилия, безусловно, придется сделать нам самим. До совещания семерки развитых стран Запаदा в Лондоне необходимо внести ясность в принципиальные положения Союзного договора и определиться с пакетом реформ — гарвардской программой Явлинского и планами Павлова, иначе эффективность поездки нашего президента будет невелика. Поэтому президент и торопится, стремясь решить вопрос «здесь и сейчас».

С чьей-то легкой руки в прессе и в умах людей укоренилось убеждение, что будут подписывать тот проект Союзного договора, который появился в Ново-Огареве. Это не так. В том-то и дело, что этот последний текст проекта будет подвергнут тщательному разбору, ревизии во всех парламентах, а уже этот процесс, мы надеемся, и приведет республики к согласию по принципиальным вопросам. Не секрет, что целый ряд положений проекта малопривлекателен для некоторых республик.

Сейчас главное — добиться согласия по принципиальным вопросам, коих я насчитываю два: проблема субъективности (кто субъект Союза, кто подписывает договор) и проблема разделения полномочий (очертить компетенцию центра и республик). Вопрос субъективности исключительно важен для России, так как она сама — федерация. Но он также важен для всех республик, имеющих в своем составе другие республики. Руководство России выступает за то, чтобы все российские республики были полноценными субъектами и России, и Союза, но с одной оговоркой — не ценной распада России.

Надо сказать, что свою лепту в

От Ново-Огарева до Лондона рукой подать

Споры вокруг Союзного договора показали: демократам зачастую не хватает государственного чувства, а государственным чиновникам — демократичности...

возникновение этой проблемы вне-сли и центр, и в какой-то мере российское руководство. Памятное всем заявление Бориса Ельцина, обращенное к бывшим российским автономиям: «Берите столько самостоятельности, сколько можете проглотить», было несколько неожиданным. И сам Ельцин уже признал свою ошибку.

Для России было бы предпочти-

чается, что России нет, а существует лишь ряд «безгласных» русских областей...

Вторая ключевая и пока не решенная проблема — разделение полномочий между республиками и Союзом. Центр настаивает на существовании двух типов полномочий — союзных и союзно-республиканских.

Мы — рабочая группа по разра-

Споры в Ново-Огареве. Конституция США тоже не сразу принималась...

тельное сначала заключить свой Федеративный договор. Однако Федеративный договор тоже дело не одного дня. Поэтому сегодня надо как-то в принципе договориться с российскими республиками. Но наша беда в том, что демократам зачастую не хватает государственного чувства, а государственным бюрократам — демократичности. Если Совет республик, в который планируется преобразовать нынешний недееспособный Совет национальностей, будет состоять из представителей 40 республик — субъектов Союзного договора, то где же в нем место собственно для России? Полу-

ботке Союзного договора ВС РСФСР — собираемся предложить на обсуждение в российский парламент такую концепцию разделения полномочий: нет ни союзных, ни союзно-республиканских полномочий, которые способны создать «серую зону неясности» — потенциальный источник недоразумений и конфликтов между республиками и центром. Существуют лишь исключительные республиканские полномочия и совместные республиканские полномочия, для осуществления которых создаются союзные органы власти. Это и будет тот самый центр — олицетворение Союза: В

Ново-Огареве же центр, образно говоря, предлагает такую схему: что мое — то мое, а что ваше — об этом еще поговорим.

Остальные же разногласия — налоги, формула выбора президента — можно устранить путем заключения быстрых компромиссов.

Некоторые республики выступают за двух-трехканальное налогообложение — местные налоги, республиканские налоги, союзные налоги. Россия выступает за другой вариант — налоги собирают республики и часть передают в Союз на финансирование целевых программ. Могу сказать, что подобная система существует в ФРГ, где немецкие земли из своих бюджетов выделяют средства центру. Германия, как видите, не только не развалилась, а как раз наоборот, процветает. В конце концов возможна и комбинация двух принципов.

Проблематичной остается структура власти. Скажем, как избирать Президента СССР? Всенародно, в парламенте, в Совете федерации?

Что будет с шестью республиками, оставшимися вне нового Союза? Они будут существовать в «параллельном мире» в рамках старого Союза? Останутся неоговоренными проблемы присоединения новых республик и так далее.

Ни одной республике не удастся в одиночку выбраться из той ямы, где мы сейчас оказались. Правда, кое-где царит наивная вера в то, что стоит отделиться от Советского Союза, как Запад уже за одно это если не осыплет их золотом, то уж по крайней мере выделит помощь. Это глубокое заблуждение: Запад не заинтересован в распаде СССР. Я недавно побывал в США в составе делегации Ельцина, участвовал во встрече с президентом Бушем. Он четко заявил: у нас специфическая позиция по Прибалтике, остальное — ваши внутренние дела, и мы заинтересованы, чтобы вы их решили таким образом, чтобы мировая стабильность не пострадала.

Мне кажется, следует понять, что в июле история не заканчивается. Мы сможем постепенно совершенствовать договор — путем поправок, дополнительных приложений и протоколов. В конце концов конституция США принималась в течение десяти лет после провозглашения независимости, и на качестве демократии это негативно не отразилось.

После согласования проекта Союзного договора работа только начинается, причем главные договоренности будут достигнуты в поле отношений «республика — республика», а не в направлении «республика — центр».

Первая утечка

Содержание закрытого заседания Верховного Совета СССР стало известно всем. Что это — нарушение закона? Провокация? Или забота о благе общества?

Первым получило огласку выступление на закрытом заседании сессии Верховного Совета страны 17 июня этого года председателя КГБ Владимира Крючкова. «Не важно, кто дал эту пленку», — сказал Александр Невзоров и включил магнитофонную запись речи председателя. Через несколько дней в газете «Политика», учредителем которой является депутатская группа «Союз», появилось изложение всех трех выступлений — председателя КГБ, министра обороны и министра внутренних дел СССР. Материал из «Политики» перепечатали «Советская Россия» и «Литературная Россия». Три закрытых выступления руководителей трех ведомств пошли в печать. В переводе на политический язык это называется утечкой закрытой информации.

Дотошные журналисты пытались выяснить, кто дал ему пленку, гадали, не полковник ли Алкснис, который выступал в той же телепередаче, принес с собой кассету в студию Ленинградского телевидения. Ходили слухи, что Центр общественных связей КГБ сам предоставил «материал» ленинградскому журналисту. Их обоснованность подтвердили «Эхо Москвы» и российские «Вести». Что же, КГБ взял на себя ответственность за разглашение по крайней мере одного выступления — выступления своего председателя? Имел ли он право это делать?

Механизм проведения закрытых заседаний парламента отточен уже достаточно хорошо. Закрытым считается заседание, на которое не допускаются журналисты, которое не транслируется по радио и телевидению и стенограммы которого не печатаются для общего пользования. Это отработано за время всех заседаний по проблеме Нагорного Карабаха и в ходе обсуждения отдельных статей бюджета страны. Механизм же принятия решения о том, будет ли заседание

закрытым, до сих пор не очень ясен и документально не оформлен. Обычно это происходит так: председательствующий говорит, что поступило предложение заседание закрыть, согласны ли с таким предложением депутаты? Затем следует голосование либо же ответ на этот вопрос дает положительное или отрицательное гудение зала. Как бы то ни было, право решать, является ли информация закрытой или нет, принадлежит Верховному Совету. Соответственно право предавать эту информацию огласке тоже принадлежит исключительно парламенту страны.

Предложение закрыть заседание 17 июня поступило от депутатов. Основание: разговор с министрами и председателем должен быть более доверительным, а информация, полученная из трех ведомств, более полной и объек-

тивной. Выслушав выступления и задав вопросы трем членам Совета безопасности страны, депутаты не изменили своего решения о характере заседания: вопрос о том, можно ли публиковать его материалы, в повестке дня не стоял.

Однако Комитет государственной безопасности знакомит журналиста с речью своего председателя. На каком основании? Этому факту можно дать только два объяснения. Теоретически можно представить себе, что сотрудники КГБ, занятые связями с общественностью, прослушав пленку и решив, что секретов ведомства в ней не содержится, самовольно выдали ее Невзорову, который, как выяснилось, первым обратился в КГБ за информацией о закрытом заседании. В этом случае мы скоро услышим (или должны были уже услышать) о том, что виновные в разглашении закрытой информации наказаны. Подставляя высшее начальство под удар — такое никому не сходит с рук. Однако в версию о «самбошке» верится с трудом — в столь режимном учреждении. Скорее можно предположить, что санкцию на огласку себя дал сам оратор. В любом случае получается, что КГБ нарушил этику и порядок работы высшего законодательного органа страны.

Кстати, попутно возникают и вопросы поменьше. В выступлении председателя КГБ было рассекречено составленное в 1977 году донесение Комитета госбезопасности в ЦК КПСС — документ с грифом «особой важности». На каком основании? Согласен ли ЦК КПСС, в котором этот документ наверняка до сих пор хранится засекреченным, со столь неожиданным рассекречиванием своих архивов? Поставил ли В.А. Крючков в известность Центральный Комитет о том, что собирается рассекречивать рапорт разведки? И вообще, какими канонами руководствовался оратор, рассекречивая этот документ, если у госбезопасности, как и у всех остальных государственных органов, нет четкого определения, что является секретной документацией, а что нет и каков порядок рассекречивания бывшей секретной документации?

Что же касается парламента, то ему, по-видимому, небезынтересно, как просочились в печать еще два материала

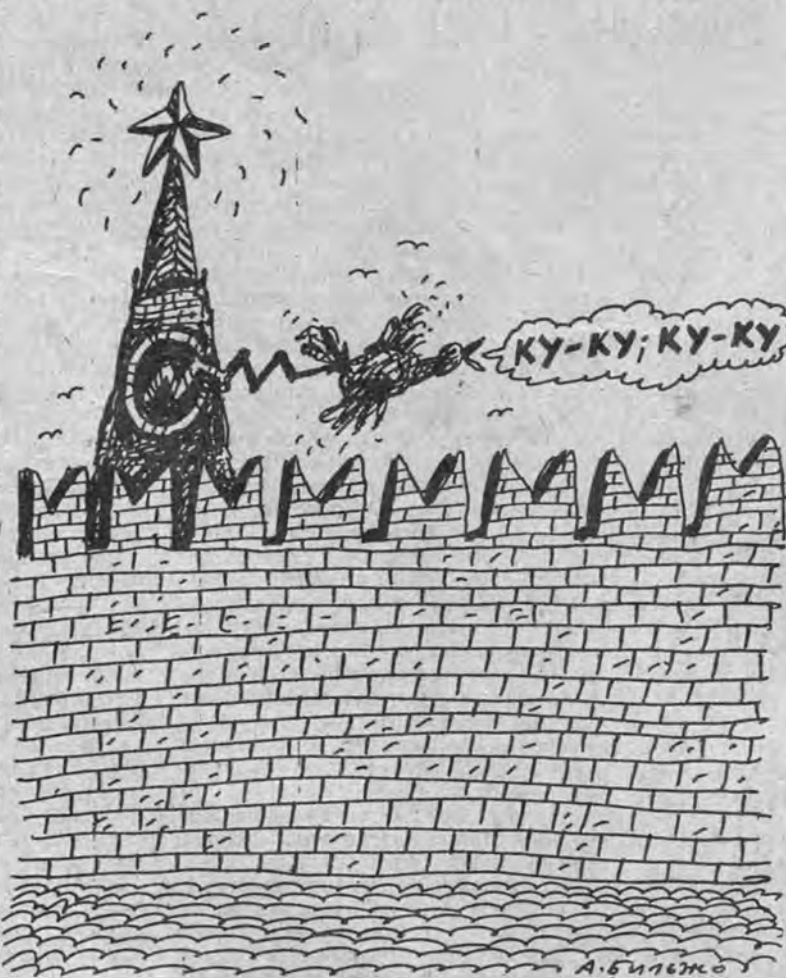

Рисунок Андрей Билжов

закрытого заседания — выступление министра обороны Язова и выступление министра внутренних дел Пуго. В Верховном Совете СССР существует Комиссия по депутатской этике, которая, по всей видимости, и должна была бы заняться подобным расследованием — ведь публикация появилась в газете, учредителем которой является депутатская группа «Союз».

— Мы вообще никаких расследований не проводим, — объясняет молчание комиссии ее председатель Анатолий Денисов. — Мы разбираем только явные нарушения депутатской этики конкретными депутатами. И то только в том случае, если получаем заявление о том, что этика была нарушена. Самостоятельно проявлять инициативу мы не можем по своему статусу. Мы не можем начать разбирательство, почему были разглашены материалы закрытого заседания, потому что к нам никто не обращался с просьбой начать такое разбирательство — заявлений ни от кого не поступало. Ни министры, ни депутаты своего возмущения не высказывали.

В парламенте есть еще и подкомитет по процедуре. Вот что думает по поводу происшедшего его председатель Ким Ен Ун:

— Наш подкомитет сейчас внес в новый регламент Верховного Совета предложение о том, чтобы тот, кто разгласил материалы закрытого заседания, отвечал по закону за нарушение процедуры. Но пока ни в статусе народного депутата СССР, ни в каких-либо других документах не говорится, какую ответственность несет депутат за разглашение подобной информации. Вообще нигде не записано, что материалы с закрытых заседаний выносить нельзя. А это означает, что депутат в принципе может предавать огласке любую информацию, даже содержащую государственную тайну, поскольку он еще дополнительно защищен депутатским иммунитетом. Ни наш подкомитет, ни Комиссия по депутатской этике не могут лишить его депутатских полномочий ни за какой совершенный проступок. Мы можем лишь дать добро прокуратуре на проведение расследования уголовного преступления, если депутат такое совершил, а по завершении следствия, если депутат признан виновным, дать согласие на привлечение его к уголовной ответственности Верховным судом СССР.

Словом, в Верховном Совете нет процедуры решения подобных вопросов. Что говорит международный опыт? В конгрессе США мы не смогли вспомнить случая закрытого заседания обеих палат — не слишком они там практикуются; хотя в комитетах и комиссиях это принятая практика.

Комиссия по депутатской этике наделена намного более широкими полномочиями. За период существования конгресса США предыдущего созыва его комиссия по депутатской этике на своих закрытых заседаниях разбирала 11 случаев нарушения этики в конгрессе. В четырех случаях конгрессмены

Агентом влияния может стать каждый

Закрытое заседание Верховного Совета СССР 17 июня этого года внесло в политическую лексику страны новый термин — «агент влияния». Что же он означает?

По «классическому» определению КГБ, агент влияния — это человек, работающий на разведслужбу другой страны за деньги, из идеологических соображений или поддавшись шантажу и при этом занимающий достаточно высокий государственный пост, чтобы влиять на выработку политической или экономической стратегии государства, против которого работает.

Из доклада председателя КГБ В.А.Крючкова следует, что агенты влияния — лица, способные «по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи». При их подготовке и подборе ЦРУ «исходит из того, что деятельность отдельных не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривление руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки».

Полковник Алкснис дал следующую формулировку: «Это не значит, что человек является агентом ЦРУ, шпионом, который под одеялом ночью фотографирует секретные документы. Нет, агент влияния — это просто человек, с которым налаживаются добрососедские отношения и ему советуется, рекомендуется — не за деньги, конечно, — поступать тем или иным образом».

Как видим, понятие «агент влияния» становится все более и более всеохватывающим. А исходя из последнего определения, «агентом» уже может быть любой гражданин СССР, испытывающий добрые чувства к другим народам и странам. Так что вместо обычного определения «враг народа» в разговорной речи можно употребить «агент влияния».

вынуждены были сложить с себя полномочия.

Но в Верховном Совете еще не пришли к выводу о том, что надо делать в случае, если разглашены материалы закрытого заседания. Народный депутат СССР Николай Энгвер, например, считает, что парламент должен провести расследование того, как были опубликованы тексты выступлений.

— Я считаю, что Верховный Совет должен сейчас обратиться в правоохранительные органы с тем, чтобы те выяснили, кто предоставил пленку для публикации, — говорит Энгвер. — А затем надо решать вопрос по всей строгости, которую предусматривает наше уголовное законодательство. Ведь Владимиру Крючкову специально на заседании задали вопрос: открывает он нам закрытую информацию или нет? Крючков ответил, что все, что он говорит, готовилось специально для депутатов. Расследование надо начать, потому что речь идет об оскорблении достоинства не просто отдельного депутата, речь идет об оскорблении достоинства всего парламента. Мы же своим бездействием сейчас демонстрируем, что мы не те люди, которые могут отстаивать правовые ценности государства. К тому же подобные утечки информации снижают престиж высшего законодательного органа страны — депутаты превращаются в игрушки в руках людей, ведущих какие-то политические игры.

Не все депутаты считают так, как Николай Энгвер. Некоторые задают сардонический вопрос: а что было бы, если бы утечку совершили не правые, а левые? Не обвинили бы их в разглашении секретов и действиях по подрыву государственной безопасности? Кое-кто добавляет при этом, что в следующий раз, когда утечка произойдет

слева, к демократам невозможно будет предъявить претензии.

Интересы общественности вовсе не полностью совпадают со специфическими заботами парламентариев. Обществу важно ответить на вопрос: не кто и каким образом допускает утечку, а кому и зачем понадобилась акция с грозной «секретной» речью и дальнейшей ее популяризацией?

Председатель КГБ, как выяснилось, не сообщил ничего нового. Напротив, он запугивал парламентариев старыми, давно изжитыми страхами о всемогущем ЦРУ и коварстве Запада. Этого, по-видимому, показалось мало. И воинственные консерваторы (группа «Союз» при поддержке своей прессы — Невзоров, «Советская Россия», «Литературная Россия»), явно переоценив эффект воздействия, бросились запугивать народ. Получился конфуз.

А вообще можно лишь испытывать признательность к тем, кто организовал утечку закрытой информации с сессии парламента. Какими бы намерениями они ни руководствовались, объективно они сделали полезное дело.

Теперь мы доподлинно знаем, что нынешнему руководству нашего самого секретного ведомства просто нечего сказать ни слугам народа, ни самому народу по существу — ни добротной информации, ни реального компетентного анализа. Вместо этого оно явно пытается перенести методы секретных служб в политический процесс. Вряд ли нашему молодому парламенту стоит подыгрывать в этом, засекречивая без нужды свои пленарные заседания. Ибо то, что мы услышали, можно квалифицировать как шантаж. Шантаж парламента, шантаж президента, шантаж общества. А лучшее средство против запугивания и шантажа — открытость.

Ирина Лагунина

У врат демократии

Провалившаяся на выборах партия должна уйти. Но не в тюремные камеры, как бывало, а в оппозицию

Поэль Карп

Борис Ельцин победил, потому что народ России хочет безотлагательных перемен. При всем разнообразии отдавших голос Ельцину один довод был общий: Ельцин явно противостоял остальным кандидатам, желавшим в смягченном или ужесточенном виде удержать прежний порядок.

Но вера в необходимость всеобщего морально-политического единства, в существование одинаково приемлемого для всех выхода из кризиса еще жива. В массовом сознании трагически переплелись уцелевшая от государственной идеологии уверенность в бесклассовости нашего общества и неприятие напоминаний о связи социальных и хозяйственных отношений. Политологи опять вытесняют социологов. Говорить об общественных классах стало почти неприличным. Но мало уже обнаружить в советской социальной структуре новации, — да и Джилас, на весь мир загворивший о них почти сорок лет назад, не был первооткрывателем. Необходимо понять, что классовая борьба вовсе не должна быть непременно бескомпромиссной, что шеренжки социальной структуры эффективны лишь во взаимодействии, но не порознь. Маркс по крайней мере полагал, что наемные рабочие смогут обойтись без предпринимателей, когда потенции последних исчерпаются. Его отечественные последователи вообразили, что, совершив социалистический выбор, можно в любой момент заставить часть прежней структуры быть эффективной целого. И это крепко заело в головах.

Бедная палитра

Разорение страны многие нынче объясняют утопическим мышлением Ленина, свирепостью Сталина, невежеством Хрущева, бездарностью Брежнева, мнимой нерешительностью Горбачева, а сами по-прежнему отождествляют свои классовые интересы с всеобщими, не желая замечать объективные потребности других общественных слоев, что как раз и подрывает организационное функционирование со-

циальной системы и создает нужду в искусственных стимуляторах.

Всенародные выборы затем только и нужны, чтобы прийти к социальному компромиссу, без которого общество нежизнеспособно. В избирательном состязании должны участвовать все социальные группы — лишь тогда выясняется, кто способен лучше учесть противоречивые интересы разных, необходимых обществу слоев. Ельцин тут явно превосходит остальных, однако сама эта задача не была по ходу выборов отчетливо выявлена, поскольку соперничали лишь разные люди, но не прямые представители разных сословий и классов или, если угодно, разных партий с определившимися программами.

Нас уверяли, что партия, правившая семьдесят лет, отказалась от монополии на власть. А ведь и без 6-й статьи она по-прежнему правящая, в ней состоят и президент, и председатель Верховного Совета, и премьер-министр, и Генеральный прокурор, и председатель Верховного суда, и, за единственным, кажется, исключением, все союзные министры. Да и вышедшие из партии — это беспартийные большевики, не свободные от стереотипов прежнего мышления. Конечно, как заметил на пленуме ЦК Горбачев, внутри КПСС сегодня действуют три или четыре партии. Но у этих партий общий генеральный секретарь. Произойди на 19-й партконференции или на XXVIII съезде раскол на сторонников и противников нового курса, политическое содержание избирательных кампаний стало бы отчетливее. Бакатин не оказался бы оппонентом Ельцина, и два генерала — простодушный Макашов и более политичный Громов, озаренный сладкими улыбками Рыжкова, — тоже вряд ли бы соперничали.

В Польше избирательная палитра была все же полней. И там возникла странная линия на первый взгляд фигура Тыминьского, аналогичная вырвавшему третье место Жириновскому, и там баллотировались сторонники прежнего порядка. Но дальше сходство слабеет. Рабочему лидеру Валенсе, открыто противостоявшему прежнему порядку, к которому он был не причастен, наш Ельцин соответствует лишь отчасти — все-таки из секретарей обкома. И, главное, вовсе отсутствовал у нас

кандидат, аналогичный Тадеушу Мазовецкому, непосредственно представлявшему демократическую часть общества. Конечно, он и в Польше собрал лишь 17 процентов и призвал своих сторонников во втором туре голосовать за Валенсу против Тыминьского. Скажем, будь у нас выдвинут кандидатом в президенты России Сергей Ковалев, в подобной ситуации он тоже наверняка призвал бы нас, отдавших ему голоса, во втором туре голосовать за Ельцина, что мы бы и сделали, и результат был бы таким же. Но демократическая тенденция обрела бы определенность и стала бы залогом того, что реформы не будут принесены в жертву никаким другим соображениям. Ведь и позиция Горбачева в начале нынешнего года сместилась не под давлением «злых» генералов, на деле лишь исполнявших приказы, иначе они давно были бы разжалованы, а от того, что за Горбачевым изначально не было демократической организации, хотя бы организации демократически настроенных коммунистов, избавлявшейся не от реформатора Шаталина, а от консерваторов, не поступающих принципами.

О пользе благонамеренных консерваторов

И наша, и зарубежная печать записывала в демократы всех желавших перемен. Между тем цель перестройки состояла в спасении терпящего крушения общественного устройства. Наивно думать, что, не начнись она тогда, все еще длились бы веселые брежневские дни. Хозяйственная нескладница ускоренно углублялась с середины 70-х, и даже такой любитель порядка, как Романов, не мог его навести. При нем Ленинград — лучшее воплощение нашего государственно-промышленного комплекса — скудел неотвратимо. Конечно, большинство консерваторов — а так везде называют сторонников терпящего фундаментальный кризис общественного устройств, — как и до 1917 года, верило, что зло — от смутьянов, диссидентов, а на них управа найдется. Но мыслящая часть высшего эшелона — то есть и Горбачев, и Яковлев, и Ельцин, и их единомышленники — видели свой долг в том, чтобы спасти от надвигающейся катастрофы страну и вместе с ней партийных реакционеров, которые по слепоте своей их же и поносили.

В недемократических обществах реформы обычно и проводят мыслящие консерваторы. Прусские министры Штейн и Гарденберг, люди довольно консервативные, сознавали, что война с Наполеоном и крепостная зависимость крестьян-

ства, даже не столь тяжкая, как в России, несовместимы. Их реформы предопределили возвышение Пруссии и возглавленное ею потом объединение Германии. Россия нуждалась в реформах еще острее, но они так и не были проведены, и Крымская война подтвердила, что храбрая и талантливая армия обречена на поражение, если общественный строй тормозит развитие хозяйства.

Приход к власти хотя бы в одной РСФСР такого человека, как Ельцин, из мыслящего консерватора выросшего в явные либералы, весьма отраден. Политика либеральных реформ, не только провозглашаемых, но и на деле осуществляемых, послужит формированию подлинного политического центра, по отношению к которому консерваторы — и мыслящие, прогрессивные, и неразумные, реакционные, — составляют правый фланг. Но для устойчивости либеральному центру недостает левого, демократического фланга, и его отсутствие может стать роковым.

Пора бы признать, что без возрождения во всей полноте политического спектра, без равных возможностей для консерваторов, либералов и демократов отстаивать свои пози-

ции в рамках одинаковых для всех правил о создании политических условий для выхода из кризиса не может быть и речи. Избрание Ельцина — важнейший, но лишь первый шаг в этом направлении.

Обком — за монархиста

Смысл демократии в мирном обретении социального компромисса, в мирном уходе провалившейся партии от власти, но уходе не в тюремные камеры, как бывало, а в оппозицию. Демократия — не просто осуществление воли большинства, но и защита меньшинства, то есть защита и желающих самоопределения наций, и малочисленных социальных групп, и каждого отдельного человека от произвола, защита от сведения личных и групповых интересов и прав на так называемые общие интересы, под прикрытием которых стоящие поближе к государственному пирогу врывают от него куски либо прямо для себя, либо для умноженного обогащения по каналам теневой экономики.

Хоть позиция Жириновского куда откровеннее противоречит официальной программе КПСС, чем либеральная позиция Ельцина, ни Рыжков, ни Макашов, ни Тулсеев не

сочли своим долгом внятно сказать о своем отношении к этой позиции и обозначить ее природу. Впрочем, стоит ли удивляться? Вот Невзоров прямо объявляет себя антикоммунистом и монархистом, а его советует слушать секретарь обкома Гидаспов, его хвалит большевик Нина Андреева, и газета ЦК КПСС «Гласность» горько сетовала, что Невзорову недостает года для выдвижения своей кандидатуры в президенты России, и предлагала вопреки закону предоставить ему такую возможность. Понятно, что в пору массовой растерянности Жириновский или Невзоров не менее популярны, чем Кашпировский или Глоба, но примечательно, что особенно их полюбили коммунисты-консерваторы.

Здесь политический спектр замыкается. Между свеженьким антикоммунизмом и окостеневшими сталинскими принципами различий не наблюдается. И те и другие стоят за унитарное государство без самостоятельности народов, без экономической свободы, без человеческих прав. Стремление сохранить прежний порядок под новой вывеской, не обязывающей уже ни к чему, — едва ли не самая опасная тенденция наших дней, которая наглядно проявилась в ходе выборов. Тем выше надо оценить значение демократии как лучшего пути для проведения в жизнь здравых идей и осознания нравственного предела, до которого допустимо отстаивать и самые дорогие ценности.

Недавно, беседуя с корреспондентом «Известий» о своем отношении к памятной Декларации Митрополита Сергия, патриарх Алексей II сказал: «Митрополит Сергий хотел спасти этой Декларацией Церковь. Знаю, что многие, слыша эти слова, возражают, что Церковь спасает Христос, а не люди. Это верно. Но верно и то, что без человеческих усилий помощь Божия не спасает».

Но спасают ли человеческие усилия церковь тогда, когда эти усилия переступают заветы Спасителя и так или иначе во имя церкви обращаются против него?

Разобраться в этом важно не только верующим, но и свободомыслящим, ведь и с мирскими убеждениями происходят подобные превращения, и, чтобы нынешняя радость России не прошла зря, надлежит зорко вглядываться в социальные отношения и различать смысл их политических преломлений. Иначе размытые лозунги кандидатов и эйфория от избрания, бесспорно, лучшего из них заслонят нам то, что происходит на деле, и народ уже совсем не будет властен над происходящим.

ЛЕНИНГРАД

Рисунок Виктора Богорада

В бункере на пятерых

Нина Петрова

Переговоры по разоружению — загадка не только для широкой публики, но и для многих высокопоставленных государственных деятелей. Известен результат, но как он достигается? Посвященные молчат

Два года назад одна из газет попыталась рассказать о буднях советско-американских переговоров по ограничению ядерных и космических вооружений. Самая невинная из допущенных ошибок состояла в том, что глава американской делегации ездил не на бронированном «кадиллаке» последней модели, как было написано в газете, а на устаревшей модели «шевроле» без всякой брони. Статья изрядно развлекла участников переговоров, которые все же предпочли сохранять молчание о специфике своей работы. К счастью, в частных разговорах они не столь замкнуты. Эта статья — попытка обобщить все, что я узнала от близких своих друзей и знакомых за последние несколько лет о переговорах по разоружению. И, хотя я абсолютно уверена в искренности моих собеседников, особенно некоторых из них, все же и тут, разумеется, возможны неточности. Но одно могу гарантировать — бронированных «кадиллаков» читатель на этих страницах не встретит.

Новость, смутившая депутатов

Неверно считать, что переговоры ведутся только с зарубежными партнерами. Участники изнурительных межведомственных согласований — неотъемлемые участники общего переговорного процесса. Каждое утро в Москве, Вашингтоне и

Женеве они едут на работу. В Москве они направляются каждый в свое учреждение — в самый обычный и часто неказистый офис (разве что располагается он в престижном и не доступном постороннему здании). За границей — в специальное помещение, обеспечивающее защиту от подслушивания извне и называемое в просторечии «бункером», «подводной лодкой» или как-то по-другому, в зависимости от условий и обычаев в данной заграничке. Американцы называют такие помещения «пузырь». Слово «бункер», наверное, лучше всего отражает специфику того, что происходит внутри. Рабочий день начинается с 9 утра и продолжается обычно до глубокой ночи. Далеко за полночь иногда затягиваются и заседания с зарубежными партнерами по переговорам.

Во всех рассказах о переговорах самое интересное — как происходит выработка межведомственной позиции. Общение с зарубежными партнерами — дело третье. Главные переговоры, которые ведутся и в Москве, и за границей, — это переговоры между ведомствами, представленными в так называемой межведомственной рабочей группе. В просторечии она называется «пятеркой» — по числу входящих в нее ведомств: Государственная военно-промышленная комиссия (ГВПК), КГБ, МИД, Минобороны и ЦК КПСС. Факт ее существования несколько раз признавался в выступлениях представителей МИДа и министерства обороны, но запомнить его мог лишь очень внимательный читатель. Насколько можно судить, депутаты в Верховном Совете СССР узнали о межведомственной группе весной 1990 года во время отчета МИДа и Генштаба об очередных переговорах. Рассказал им об этом тогдашний начальник Договорно-правового управления Генштаба генерал Николай Червов (с согласия своего руководства). В числе прочего депутаты узнали от него, что в межведомственной группе представлены два отдела ЦК КПСС — международный и оборонный. Эта информация настолько возбудила демократов, что возник скандал. Вскоре Червов оставил свой пост.

Где искать советских талейранов

Межведомственная группа обсуждает все вопросы всех переговоров — и основные, и текущие. Реально решения принимают даже не сами ведомства, а их представители, поскольку у того или иного министерства, а тем более у самого министра до нюансов просто руки не доходят. Поэтому что скажет представитель ведомства, то и будет считаться позицией ведомства. По крупным вопросам «пятерка», впрочем, окончательного решения не принимает. Ее предварительные решения, которые почти всегда совпадают с окончательными, утверждаются на так называемой «боль-

Министры обороны делятся секретами?

Фото ТАСС

шой пятерке», составленной из тех же ведомств, но уже на уровне руководителей.

В каждой делегации на переговорах с зарубежными партнерами есть своя «пятерка» — глава делегации плюс представители большинства соответствующих ведомств (кроме ЦК). Не надо путать: понятие «член делегации» (которое надо отличать от советника, эксперта, референта делегации) не равнозначно положению члена «мини-пятерки». Не всякий член делегации может участвовать в принятии окончательных решений (а на уровне делегации тоже принимаются некоторые решения, хотя бы по юридическому оформлению позиции), но всякий член «мини-пятерки» является членом делегации.

Каждое ведомство, получая информацию от делегации или из посольств в зарубежных столицах, анализирует ситуацию и вырабатывает собственный вариант позиции. Затем в рамках «пятерки» все эти позиции согласовываются. Вот этот-то процесс переговоров между ведомствами и называют в просторечии переговорами по разоружению. Именно здесь, а не на встречах с иностранными партнерами разыгрываются главные баталии, здесь применяются изощренная переговорная тактика и стратегия.

Есть еще так называемый политический уровень. Выше любых «пятерок» стоит президент (совсем недавно — Генеральный секретарь ЦК КПСС). Он может вмешаться в процесс выработки позиции, принять окончательное решение в тех редких случаях, когда ведомства зашли в тупик. Он может потребовать выработать крупную инициативу. Наконец, он может принять «политическое решение» (это устоявшийся термин) и, например, потребовать, чтобы договор был готов к определенной дате встречи на высшем уровне — именно так было с договором об ограничении стратегических вооружений (1979 год), о ракетах средней и меньшей дальности (1987 год), ограничении вооруженных сил в Европе (1990 год). В последнем случае ведомства и делегации обеих сторон получают указания и немедленно заканчивают переговоры, которые в противном случае могли бы тянуться неопределенно долго.

Конечно, на заключительном этапе начинается страшная спешка, случаются курьезные ситуации. Например, вошел уже в легенду эпизод, когда договор по ракетам средней и меньшей дальности «вывез» переводчик советской делегации. Заседания шли непрерывно, круглые сутки, только каждые два-три часа менялись переводчики. В последнюю ночь переговоров (утром надо было вылетать в Вашингтон, где договор ожидали президенты)

накапились страсти вокруг единственного нерешенного вопроса. Глава советской делегации (а заседание происходило в американском здании) встал и направился к выходу. Но тут выяснилось, что только что сменившийся переводчик уехал спать в гостиницу на его автомобиле. Пришлось ждать возвращения машины, и именно в эти 15 минут окончательное решение внезапно было найдено.

«Нам тут американские товарищи говорили...»

Иногда президент принимает решения, переламывая волю и желания своих ближайших сотрудников. Мало кто знает, что весной прошлого года Михаил Горбачев спас договор по стратегическим наступательным вооружениям, судьба которого висела на волоске. Произошло следующее. В США вышла статья Дж. Смита, в которой автор доказывал, что предусматриваемые

КТО ФОРМИРУЕТ СОВЕТСКУЮ ПОЗИЦИЮ НА ПЕРЕГОВОРАХ:

- Государственная военно-промышленная комиссия
- КГБ СССР
- МИД СССР
- Министерство обороны
- ЦК КПСС

договором сокращения недостаточны, что Соединенные Штаты смогут крупно обойти Советский Союз по вооружениям тяжелых бомбардировщиков и вообще условия договора более выгодны США. По заслуживающим доверия слухам, инспирировал статью и представил ее автору всю информацию тогдашний глава американской делегации Р.Бэрт, который, не исключено, не знал, к чему все это приведет. Возможно, он рассчитывал получить помощь либеральных сил в попытках сделать американскую позицию более устойчивой, возможно, для успокоения консервативных противников договора, а может быть, для того и другого. Доводы статьи можно было оспорить, но стараниями некоторых высокопоставленных представителей советского военно-промышленного комплекса она получила совершенно особое звучание. Встал вопрос об отказе почти от всего, что удалось согласовать.

Переговоры между ведомствами провалились очень быстро, на

«большой пятерке» также не было достигнуто согласия. Доложили президенту. По рассказам присутствовавших, никакие аргументы не помогали. Все решил вопрос Михаила Горбачева, обращенный к одному из участников заседания: «Вы что, не согласны с моей политикой?» Крупный деятель (читатель все равно не догадается, но это был не Язов и не Крючков) против политики президента не возражал, и договор был спасен.

С этой точки зрения совершенно особое значение имел визит начальника Генштаба Михаила Моисеева в США в мае нынешнего года, когда обсуждался вопрос о снятии последних разногласий в связи с договором по обычным вооруженным силам. Американцы решили для себя, что этот визит будет лакмусовой бумажкой: если Моисеев «привезет развязку», значит, Горбачев способен к принятию самостоятельных решений (было широко известно, что военные круги договором недовольны). Если не привезет — с советским президентом не стоит иметь дело ни по обычным, ни по стратегическим вооружениям, ни по вопросам оказания экономической помощи. Моисеев развязку привез, и диалог активизировался по всем направлениям.

В ходе каждой встречи министров иностранных дел (как, впрочем, и каждой встречи президентов) проходят переговоры экспертов. Министры не знают и не могут знать всех тонкостей разоруженческих проблем (один из зарубежных министров — не стоит называть здесь его имени — недавно честно признался своему советскому коллеге, что он так и не понял до конца, о чем они договорились). Поэтому у каждого министра есть группа советников и экспертов; с советской стороны — все та же «пятерка» в том или ином составе.

Следует сразу сказать, что на Западе процесс согласования ничем не лучше. Американцы в конфиденциальном порядке часто жалуются, что им под каждой позицией нужно получать до 13 подписей.

До недавнего времени существовал еще один механизм согласования, с которым изрядно помучились те, кто занимается сокращением обычных вооруженных сил в Европе. Речь идет о согласовании единой позиции Варшавского Договора. Прежде чем ехать в Вену, сколоченную с большим трудом на «пятерке» позицию надо было утвердить у союзников, а это не всегда было просто. По отзывам участников, самыми неподдающимися и самыми консервативными были румыны. Считалось, что легче договориться с американцами, чем с ними. Кончилось это анекдотом: один из видных советских военных довел до белого каления своего румынского колле-

гу, обратившись к нему со словами «господин генерал» (в Варшавском Договоре было принято обращение «товарищ»), а через несколько минут обронил: «Нам тут американские товарищи говорили...»

Секреты, секреты...

Работа «пятерки» в московском «бункере» (на самом деле это здание Генштаба) проходит в почти ежедневных заседаниях. Все, кто в них когда-либо участвовал, сохранили самые неприятные воспоминания об утомительных обсуждениях и нервотрепке.

В начале переговоров позиции каждого ведомства имеют довольно стройную внутреннюю логику и прочно аргументированы (по крайней мере в идеале). Потом подходит момент, когда позиции нужно менять. Ясно, что этот процесс должен осуществляться очень вдумчиво, чтобы не нарушить единство всей концепции. Однако в реальности споры и переговоры, сопровождаемые взаимными обвинениями в продажности и подрыве безопасности, приводят к тому, что изменения происходят по кусочкам. Следует длительный период неразберихи, после чего из оставшихся кусочков конструируется новая позиция.

Основные решения принимает министерство обороны, точнее Генштаб, при участии министерства иностранных дел. Представительство военных в любой «пятерке» самое многолюдное, поскольку участие принимает не только официальный представитель, но и представители различных управлений и главных штабов — как консультанты. Они же главные обладатели информации. Кроме них информацией, видимо, владеет только КГБ, но, как говорят, это ведомство, занимая в целом позицию, близкую к мидовской, чаще всего в ходе дискуссий тихо помалкивает. Склонность же военных к секретности — колоссальна, поскольку информация — это политическая сила и политическое влияние. Дело доходило до того, что еще в те времена, когда всем занималось политбюро ЦК КПСС, при обсуждении на «большой пятерке» одного из крупных вопросов сокращения обычных вооруженных сил полковник, дававший справку о реальном положении дел, при ответе на один из вопросов внезапно замаялся и сказал, что по соображениям секретности не может сообщить всего. И вызвал очень дружелюбную по тону реплику Эдуарда

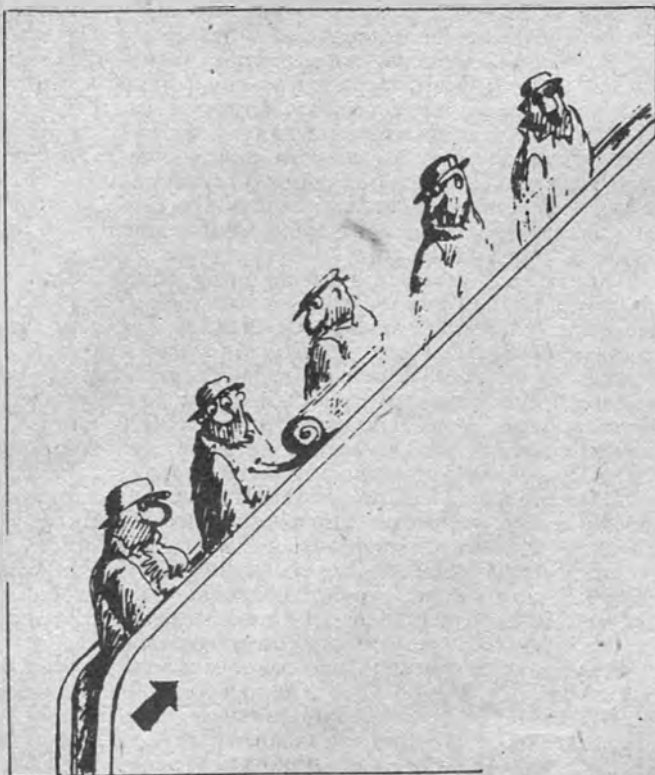

Рисунок Виктора Богорада

Шеварднадзе: «Ну вы мне-то скажите, я имею право знать: я все-таки член политбюро».

Участие представителей главных штабов, впрочем, тоже бывает отнюдь не простым. Реально их мнения и разработки поступают только в Генштаб и не доходят до других ведомств. Вообще, как говорят, те военные, которые имеют дело с «железками», обычно более склонны к компромиссам с американцами. Видимо, дело в том, что они не занимаются политикой, а отвечают за свой участок. Для них вопрос прост: выполняем мы в данной конкретной ситуации свои конкретные задачи или не выполняем. Если выполняем, то все в порядке. Звучит парадоксально, но рассказывают о многих случаях, когда представители тех или иных родов войск требовали пойти на уступки американцам, поскольку позиция делегации США была для них выгоднее линии собственного министерства. Однако эти требования разбивались о высокие политические соображения управлений Генштаба.

То же самое получается и с военной промышленностью. Она-то сама в «пятерке» не представлена. Там заседает представитель органа, входящего в аппарат Кабинета (раньше Совета) министров, который далеко не всегда согласен с каким-либо военно-промышленным министерством или «фирмой», а иногда не согласен сразу со всеми. Неоднократно возникали ситуации,

когда та или иная фирма, разрабатывающая и производящая оружие, была больше склонна к компромиссам, чем представитель ГВПК.

Беда в том, что голос большинства министерств и ведомств (или в случае с министерством обороны большинства военных) часто не слышен. А ведь ясно, что на стадии обсуждения нужно учитывать все предложения. Здесь, как во многих других областях, проявляется консервативная роль верхушки госаппарата. В оборонной промышленности откровенно говорят, что никакой специальный орган между «фирмами» и Кабинетом министров не нужен.

Аналогичные заседания ежедневно происходят и в «бункерах» за границей. Но на них никогда не присутствуют представители главных штабов и промышленных фирм (их за границу не пускают). Здесь военная часть делегации и вовсе доминирует в процессе принятия решений, а представи-

тели МИДа еще более осторожны. Рассказывают, что в делегации на переговорах по ограничению космических и ядерных вооружений был период, когда все военные, участвовавшие в той или иной рабочей группе (такие группы создаются в рамках делегации для переговоров по какому-то конкретному крупному вопросу или по одному из документов), подчинялись только старшему представителю министерства обороны. Они должны были получать от него разрешение даже на само обсуждение любой детали со своими собратьями из других ведомств. Так что к обычной «мини-пятерке» добавлялись еще непрерывные переговоры со старшим представителем Генштаба, который отгородил себе в общем «бункере» чисто военный уголок. Иными словами, делегация раскололась на две неравные части: с одной стороны — военные, с другой — все остальные (в зависимости от конкретной делегации количество военных соотносится с количеством дипломатов в пропорции от 3:2 до 4:1). Так продолжалось до тех пор, пока не поступило официальное разъяснение, что нет делегаций ведомств, а есть единая делегация Советского Союза, и старший военный представитель был сменен (кстати, в личном плане о нем отзываются как о приятном и располагающем человеке. Сейчас он работает в Российско-американском университете, как и некоторые другие военные — участники переговоров).

Самое интересное, что «пятероч-

ный» порядок часто в самых важных ситуациях вообще ломается. Так произошло, например, в ходе встречи министров иностранных дел в феврале 1990 года в Москве. Первый день переговоров рабочая группа экспертов обсуждала вопрос об ограничении вооружений тяжелых бомбардировщиков и ни к чему не пришла. На следующий день появился маршал Сергей Ахромеев, который тогда уже был не начальником Генштаба, а советником Горбачева, взял с собой одного представителя МИДа (тот в основном молчал), закрылся с американцами и собственноручно согласовал эту труднейшую проблему. После чего «пятерка» долго возмущалась, но в конечном итоге все оставили так, как сделал Ахромеев.

На пути к цивилизованной политике?

Я не хочу, чтобы меня поняли, будто во всех трудностях виноваты военные. Если у читателя сложилось такое впечатление, то оно неверно. Просто сегодня переговоры ведут те, кто держит в руках информацию и знает технические детали. Раньше-то было хуже — военные оказывали решающее влияние на выработку позиции, а излагали ее дипломаты. Сейчас исправлена хотя бы эта ошибка. Сформировалась многочисленная группа военных дипломатов, которые ведут переговоры сами. Правда, процесс овладения переговорным искусством был для некоторых нелегким. Рассказывают, что еще недавно в ходе встречи министров иностранных дел один очень крупный военный начал переговоры по обычным вооружениям с американцами, воспроизведя «для затравки» распространенную, по его словам, в вооруженных силах поговорку: «Молчать, если хочешь со мной разговаривать».

Судя по всему, между МИДом и Генштабом появилась своего рода прослойка, работающая в теснейшем контакте. Некоторые, однако, высказывают пожелание включить в нее на тех же принципах представителей КГБ и оборонной промышленности.

Если читатель вынес из этой статьи впечатление, что владельцы информации ею не делятся, то это впечатление правильное. Это, наверное, одно из самых слабых мест переговорного процесса. Но участники переговоров обычно и сами замыкаются в узких ведомственных рамках. Дипломаты постоянно требуют информации для себя, но частенько забывают об общественности. А ведь распространение информации не должно быть только межведомственным. Основные данные должны быть доступны

всем — и по военному бюджету, и по количеству вооружений, и многое другое. И уж на совсем голодном пайке находится наука — каждый добывает реальную информацию как может, по своим каналам. То есть речь идет о гласности в военных делах — одно время о ней говорили и писали много, сейчас позабыли.

Если читатель пришел к выводу, что работа на уровне межведомственного «междусобойчика» не является оптимальным вариантом, то это впечатление тоже правильное. Этот уровень работы не должен оставаться единственным. Все в один голос жалуются, что длительная и сложная балансировка интересов и предпочтений различных ведомств затягивает дело, деформирует позицию, а в конечном счете выводит переговорный процесс из-под повседневного контроля политического руководства. Требуется единый орган, стоящий вне ведомств и в определенной мере над ними, — что-то вроде аппарата Совета национальной безопасности при президенте США.

Наконец, как никогда, требуется единое понимание приоритетов в области национальной безопасности. Контроль за ее исполнением должен лежать на аппарате при президенте. Сейчас же такое единое понимание отсутствует. Например, есть лозунг — оборонная достаточность. Что он конкретно означает, каждое ведомство понимает по-своему. Отсюда и большинство разногласий. Выработка единого понимания национальных интересов в сфере безопасности — дело не только заинтересованных ведомств. В этом процессе должны участвовать общественность, политические партии, научные центры. Общеизвестно, что научные организации играют на Западе ключевую роль. У нас они просто отстранены от политики. Их представители отсутствуют при обсуждении даже основополагающих, концептуальных вопросов. В какой-то момент МИД сжалился и в порядке развития сотрудничества с наукой включил в венскую делегацию одного представителя науки, но к реальным делам-то его все равно не подпускали.

Именно для реального участия в политическом процессе, а не для удовлетворения любопытства нужны информация и гласность. Решения должны приниматься Верховным Советом, президентом, а соответствие политических действий общим установкам — контролироваться в специальном органе при президенте. Тогда упадет и нужда в разного рода бюрократических «прослойках». Тогда это будет достойно названная цивилизованная политика.

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

● Фирма «СТИПЛЕР» предлагает элементы современных технологий для настольной издательской деятельности:

1. Лазерные принтеры фирмы DATAPRODUCTS (США);

2. Программное обеспечение фирмы MICROSOFT

Согр., в том числе систему MS WINDOWS 3.0;

3. Русификатор системы MS WINDOWS — пакет CyrWin 3.1;

4. Коллекцию профессиональных шрифтов для лазерных принтеров, в том числе в формате PostScript Type 1.

Мы накопили богатый опыт повседневного использования указанных продуктов и готовы передать его Вам.

Убедитесь в этом на выставке: Форум МИР ПК, ВДНХ СССР в Москве, павильон 4, стенд 2509 9—14 июля.

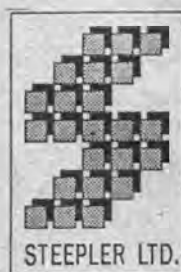
Наш адрес: Фирма «СТИПЛЕР», Москва 103031, а/я 30, тел. (095) 245-21-94.

● Рекламное агентство «ЭГЛЕ» поможет ВАМ оперативно разместить любую рекламу:

— поможет разработать стратегию рекламной кампании через газеты, журналы, телевидение, радио... — предлагает уникальный банк адресов (180 тыс.), обеспечивает прямую почтовую рекламу — надежный и эффективный способ заинтересовать потребителя

Контактный телефон в Москве 288-65-46 с 10 до 16 часов

● Государственное предприятие «ФИРМА ГАРАНТ» предлагает для ПЭВМ, совместимых с IBM PC, пакеты прикладных программ: — автоматизированного формирования проекта нормативов тома предельно допустимых выбросов в атмосферу и расчета платежей за выбросы; — разработки экологического паспорта предприятий; — расчета загрязнения атмосферного воздуха (УПРЗА): «ГАРАНТ-1» и «УНИВЕРСАЛ-1» (с учетом и без учета влияния застройки территории), согласованные с ГОСКОМПРИРОДОЙ и ГОСКОМГИДРОМЕТом СССР; — оптимизации выбора природоохранных мероприятий; — расчета экономического ущерба от загрязнения атмосферного воздуха. Телефон: 273-44-94. Адрес: 111024 г. Москва, Авиамоторная, 42.

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Черные дни

Пятница, 28
июня,
памятный всем
«Видов день»,
стала, пожалуй,
одним из самых
черных дней во
всей
послевоенной
истории
Югославии

В Словении и Хорватии началась самая настоящая гражданская война. Югославская народная армия применила танки и авиацию против словенских сепаратистов. В Хорватии споры между хорватскими и сербскими националистами переросли в вооруженные столкновения. Появились первые убитые и раненые, и словенский лидер Кучан заявил, что его республика находится в состоянии войны с Югославией. Белградские газеты публиковали материалы под лаконичными, как надпись на над-

гробии, заголовками: «Югославия. 1918 – 1991».

Положение обострилось после того, как две республики – Словения и Хорватия – объявили, что со среды, 26 июня, они стали самостоятельными и независимыми государствами и провозгласили отделение от Югославии. Не дожидаясь исхода переговоров о будущем государственном устройстве страны,

они решили односторонними актами расторгнуть несложившийся брак с остальными республиками.

Первоначально это намерение многие не склонны были рассматривать всерьез. Ожидалось, что все ограничится залпами салютов и дымом праздничных фейерверков. Ведь даже после провозглашения государственной самостоятельности у той же Словении нет ни соб-

ственной валюты, ни собственных паспортов, да и иных атрибутов государственности. У республики появились только новые флаг и герб, гардероб словенцев пополнился майками с надписью «Я совершенно независим», а в программу университета в Любляне был включен новый предмет – «словенская философия», которая, подозреваю, известна только в Словении. Тем не менее независимость была провозглашена.

Не подействовали ни жесткая позиция союзного премьера СФРЮ Анте Марковича, который заявил, что федеральное правительство не допустит самовольного отделения, ни недвусмысленные предупреждения со стороны ЕС и США: новоиспеченные государства не будут признаны. Позиция Запада предельно ясна: Югославия может рассчитывать на получение так необходимой ей финансовой помощи, если ее республики останутся под общей крышей или разойдутся в согласии, без хлопота и дверями, не беспокоя соседей. Европа не хочет, чтобы в подвале ее дома кто-либо играл с огнем. Но предупреждения не подействовали. Дабы показать, что расторжение брака с Югославией воспринимается всерьез, Словения взяла под собственный контроль пограничные и таможенные пункты и пограничные столбы с надписью «СФРЮ» в течение ночи заменила новыми, на которых значилось «Республика Словения».

Увидеть логику в решениях Словении и Хорватии трудно. Утверждения руководителей этих республик относительно их подчиненного положения несерьезны. И Хорватия, и Словения экономически превосходят все остальные югославские республики, находя в них, кстати, рынок сбыта для своей неконкурентоспособной на Западе продукции. Стало быть, экономического резона для отделения не было.

Ссылки на результаты недавних референдумов, в ходе которых словенцы и хорваты высказались за независимость, тоже не убедительны: независимость не тождественна отделению. Тем более что Югославия в последние год-два фактически уже превратилась в союз суверенных государств, где самостоятельность каждой республики мало ограничивалась центральными органами.

Так что же подтолкнуло республики к отделению? Решения Словении и Хорватии многие здесь объясняют попыткой республиканских руководителей укрепить собственные позиции, удовлетворить личное честолюбие, воспользоваться сложной экономической и политической обстановкой в стране.

Вчера Югославия выглядела так. Как она будет выглядеть завтра? И сохранится ли вообще?

Шесть республик, шесть позиций

Истоки югославского кризиса — в расхождении позиций шести республик страны

Словения (словенцы — 90 процентов населения, сербы — 2,2). По словам президента республики Милана Кучана, «Словения не является составной частью Югославии».

Хорватия (хорваты — 74 процента населения, сербы — 11,5). По всем важнейшим вопросам государственного устройства выступает как союзник Словении. Вместе с тем больше склоняется к компромиссу. Причина — на территории Хорватии проживают несколько сот тысяч сербов...

Сербия (сербы — 87 процентов, албанцы — 1,3). Первоначально твердо выступала за Югославию как современную федерацию. В последнее время согласилась с идеей преобразования страны в союз суверенных республик.

Черногория (черногорцы — 66, мусульмане — 13, сербы — 3,2 процента). Занимает позицию, схожую с сербской, выступает за сохранение Югославии.

Босния и Герцеговина (мусульмане — 39, сербы — 31 процент населения). Республика называют «Югославией в миниатюре», она жизненно заинтересована в сохранении Югославии: распад страны неминуемо привел бы к расчленению самой Боснии и Герцеговины, что не обошлось бы без кровопролития.

Македония (македонцы — 68, албанцы — 19,8, сербы 2,3 процента населения). На позицию республики влияет расположение между Сербией, Болгарией, Грецией и Албанией, которые исторически были не лучшими соседями. В случае распада Югославии территориальные споры могут возобновиться... Македонское руководство выступает за превращение Югославии в союз суверенных государств. Вместе с лидером Боснии и Герцеговины президент Македонии выдвинул платформу, которая могла бы стать компромиссным вариантом решения кризиса.

1953 год. После смерти Сталина Тито готов взять на вооружение некоторые сталинские методы. Джилас сомневается...

Югославское правительство сочло действия сепаратистов незаконными и отдало распоряжение союзным секретариатам по обороне и внутренним делам поставить все на свои места. Национальные вооруженные подразделения, созданные в Словении, встретили вышедшую из казарм армию огнем. После этого сообщения из Словении стали напоминать сводки военных действий. (Справедливости ради замечу, что ни правительство, ни армия комитетов национального спасения на территории Словении учреждать не пытались.)

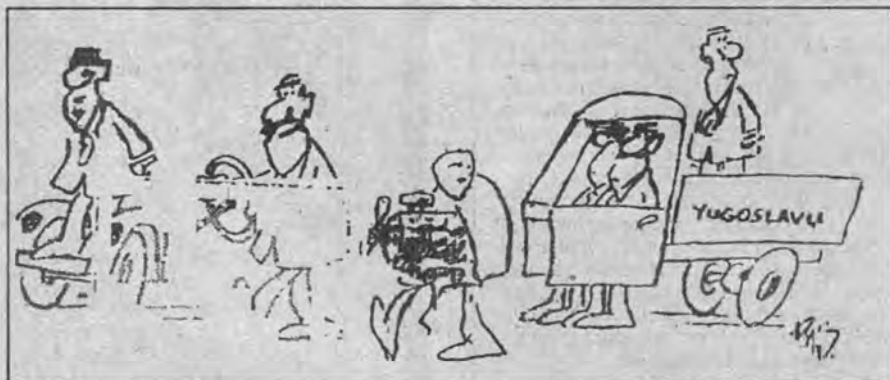
Развитие событий в Югославии взволновало Европу и весь цивилизованный мир. Чтобы обсудить возникшую ситуацию, в Вене собрались представители государств-участников Хельсинкского процесса. Европейское сообщество дважды в течение 48 часов высылало в Белград своих эмиссаров — председателя Совета министров ЕС люксембуржца Жака Пооса и министров иностранных дел Италии и Нидерландов Джанни Де Микеллиса и ван ден Брука. В Белград прибыл и министр

иностраннных дел ФРГ Геншер. А ближайшие соседи — Австрия и Италия — сконцентрировали на своих границах с Югославией дополнительные воинские подразделения.

К счастью, за границы федерации буря пока не выплеснулась. Эмиссарам ЕС удалось уговорить стороны прийти к соглашению на основе компромисса между федеральными властями и правительствами республик. В рамках компромисса Словения и Хорватия согласились объявить трехмесячный мораторий на свое решение о выходе из СФРЮ; Югославская народная армия возвращается в казармы, огонь прекращается; враждующие стороны в президиуме СФРЮ отказываются от тактики конфронтации и в соответствии с конституцией избирают на пост председателя президиума федерации представителя Хорватии Стипе Месича.

Однако соглашение соглашением, а когда пишутся эти строки, стрельба продолжается. И в Словении, где она, пожалуй, идет на убыль, и в Хорватии, где в межнациональные стычки вовлекаются все новые слои населения. Поспешив последовать примеру Словении, хорватское руководство не учло настроений нескольких сотен тысяч сербов, компактно проживающих в этой республике. Те ясно дали понять, что жить в отделившейся Хорватии не намерены. Попытки хорватских властей военной силой установить свою власть в сербских районах обернулись кровавыми столкновениями.

Сегодня, когда политические амбиции лидеров поставили страну на грань гражданской войны, когда гул боевых самолетов и лязг гусениц танков все больше заглушают трез-

Разобрали...

Рисунок из газеты «Тахидромос» (Греция)

вые голоса, предсказать будущее развитие почти невозможно. Но тем не менее некоторые выводы ясны.

Во-первых, провозглашение государственной самостоятельности Словении и Хорватии вряд ли приведет к их скорому международному признанию.

Во-вторых, отделение Словении и Хорватии фактически поставит крест на югославской экономической реформе. И, наконец, в-третьих, развитие показало, что решать национальные проблемы силой оружия в наше время уже невозможно. Если политический компромисс не будет найден, Югославию ждет межнациональная гражданская война. В своей истории страна такое уже пережила, что обернулось для нее миллионными жертвами. Но, видимо, правы были наши предки, считавшие, что «единственный урок истории состоит в том, что люди не выносят из нее никаких уроков». Хотя все же, думается, мало кого в Югославии прельщает повторение прошлого и перспектива стать европейским Ливаном.

Судя по всему, в течение трех ближайших месяцев предстоят интенсивные переговоры. Европейское сообщество, видимо, готово согласиться на любые решения, предусматривающие либо превращение Югославии в союз суверенных государств, либо спокойный «джентльменский» развод между республиками. Неприемлемы лишь новые конфликты и кровь.

Есть и иной, может быть, несколько неожиданный аспект происходящего. Думаю, события в Югославии убедительно опровергают расхожий тезис относительно того, якобы во всех бедах Восточной Европы виновен Советский Союз, который навязывал своим сателлитам модели развития, приведшие их к краху. Югославии никто никакой модели не навязывал. Уж кто-то, а СФРЮ имела возможность выбирать путь, не оглядываясь на советское руководство. И если и здесь социализм как в социальном, так и в национальном плане потерпел крах, то вина не во внешнем влиянии и ошибках вождей. Вина — в самой системе, которая худо-бедно еще могла служить людям, пока не были исчерпаны возможности экстенсивного развития, но оказалась полностью нежизнеспособной в век научно-технической революции.

Геннадий Сисоев,
собр. корр. «Нового времени»

БЕЛГРАД

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Более тысячи лет назад пришли племена южных славян на территорию современной Югославии, но только считанные десятилетия царил на этой земле мир. Междоусобные и межплеменные конфликты, борьба с Византией, а после ее падения с турецкой Османской империей, Священной римской империей, Венецией стали главным содержанием жизни поколений сербов, хорватов, черногорцев, словенцев, македонцев.

После поражения сербских войск на Косовом поле в «Видов день» 28 июня 1389 года земли южных славян постепенно переходят во владение Турции и Габсбургов. Только в 1796 году, после неоднократных восстаний, обретает независимость Черногорское королевство. Победа России в русско-турецкой войне 1877–1878 годов помогла получить независимость Сербии.

Выстрелы сербского националиста Гаврилы Принципца в Сараеве, оборвавшие 28 июня 1914 года (опять «Видов день»!) жизнь наследника австро-венгерского престола, стали, по сути, первыми выстрелами первой мировой войны. Сербия в этой войне потерпела жестокое поражение и тем не менее ...оказалась в выигрыше. После победы стран Антанты она не только вернула свои земли, но получила и бывшие владения Австро-Венгрии — Боснию и Герцеговину, Воеводину, Словению, Хорватию. 1 декабря 1918 года в Белграде было провозглашено объединение Сербии и южнославянских провинций Австро-Венгрии в единое Королевство сербов, хорватов и словенцев, куда вошла и Черногория. В октябре 1929 года оно было переименовано в Королевство Югославия.

Королевство Югославия просуществовало однако лишь до апреля 1941 года, когда после оккупации германскими и итальянскими войсками гитлеровцы провозгласили создание «Независимого государства Хорватия», а остальная югославская территория была разделена оккупантами на зоны и частично отдана союзникам Гитлера — Венгрии и Болгарии.

В современном виде Югославия возникла после второй мировой войны. Четыре десятилетия строительства социализма не смогли, однако, ни ликвидировать национальные и конфессиональные противоречия в многонациональной стране, ни хотя бы выработать устраивающие всех нормы совместной жизни разных народов в рамках федерации. Пока у власти в республиках находились коммунистические правительства, им еще удавалось сдерживать сепаратистские тенденции. Победа оппозиционных партий убрала и этот тормоз. А затянувшийся экономический кризис ускорила процесс распада.

Хотите завоевать западный рынок?

Ваша реклама в СССР на страницах журнала «Новое время» на немецком языке.

• За информацией обращаться в агентство по рекламе и маркетингу «Новое время DESIGN»

• Адрес: 103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская пл., тел. 209-76-52, телекс: 411164а NEWT SU, 411164 б NEWT SU, телефакс: 200-42-23; 200-41-92.

НЕУЕ ZEIT

Как должник должнику...

Мексиканский президент Карлос Салинас де Гортари — руководитель страны, стоящей на одном из первых мест в списке мировых должников. Но в Советский Союз он прибыл с желанием оказать «супердержаве» экономическую и финансовую помощь

Судя по всему, мексиканский лидер поделился с советским президентом и своим богатым опытом общения с кредиторами. Кстати, мировые финансисты стали давать в долг мексиканцам лишь тогда, когда убедились в кредитоспособности их экономики, стабильности политической системы.

Накануне официального визита президента Мексиканских Соединенных Штатов в СССР собственный корреспондент «Нового времени» Юрий Кудимов взял интервью у Карлоса Салинаса де Гортари.

«Новое время». Мексиканская модель экономики, согласно различным оценкам, дает неплохие результаты. Кто среди мировых экономистов оказал на вас наибольшее влияние?

Карлос Салинас де Гортари. Я потратил много времени на изучение различных экономических теорий. Выбирая нынешнюю модель, мы действовали крайне осторожно: от наших экспериментов зависела судьба 86 миллионов человек.

В мексиканской экономике было много ортодоксального: строжайшая дисциплина госфинансов, отталкивавшая частного вкладчика капитала, руководящая роль государства... Централизованная система зашла слишком далеко, стала мешать экономическому росту страны. Мы были убеждены, что только рыночные механизмы способны дать импульс экономическому развитию Мексики.

В то же время наша реформа — не возвращение к рыночной стихии. Мы пытаемся найти экономическую модель, которая исключала бы как разгул рынка, так и зацентрализованность экономики.

«НВ». Более полувека назад генерал Ласаро Карденас национализировал собственность семнадцати иностранных нефтяных компаний. За этот шаг он был назван на родине «самым популярным президентом за всю историю Мексики». Вы же

проводите курс на приватизацию крупной государственной собственности. Не поджидают ли вас лично и Мексику на этом пути неприятные неожиданности?

К.С.Г. Проводимая в 30-е годы политика национализации полностью соответствовала международным и внутренним условиям той эпохи. Тогда считалось, что чем большей собственностью обладает государство, тем больше у него возможности проводить курс на социальную справедливость.

Однако вскоре выяснилось, что государство-собственник, в руках которого сконцентрированы практически все рычаги управления, не способно ни повысить уровень жизни населения, ни обуздать инфляцию... Более того, социальная справедливость нарушается при таком раскладе намного чаще, чем при капиталистическом хозяйствовании. Мы осознали, что пора отвечать на запросы народа. Началась интенсивная распродажа государственной собственности. В руках государства остались лишь стратегические области: нефтедобыча, электроэнергетика...

Вскоре появились ресурсы для со-

циальных программ. Например, с помощью средств, полученных от продажи государственной собственности, нам удалось расширить водопроводную сеть для трех миллионов мексиканцев, провести электричество в дома пяти миллионов крестьян, удвоить количество центров здоровья в сельских районах, в местах проживания индейцев...

В Мексику стали поступать деньги от тех людей, которые, испугавшись национализации, перевели ранее свои средства за рубеж. Наконец, на приватизированных предприятиях начался процесс продажи акций рабочим и служащим. Их благосостояние возросло, повысились качество и эффективность труда. Темпы инфляции сократились с 200 процентов в 1987 году до 15 в нынешнем. В последние годы темпы роста экономики в два раза превышают темпы роста населения. В итоге повысились и реальные доходы мексиканцев.

Каждую неделю я совершаю поездки по стране. Встречаюсь с простыми мексиканцами, положению которых пока трудно позавидовать. Но никто из этих бедных людей не призывает увеличить государственную собственность... Напротив, их интересует, чтобы государство затрачивало меньше средств на субсидии убыточным предприятиям, которые все еще находятся в его собственности. Тогда, по их понятию, больше останется средств для помощи мелким частным производителям. То есть рядовым мексиканцам.

«НВ». Господин президент, в Советском Союзе и Мексике есть два института, которые оба государства не торопятся упразднить, поскольку они позволяют удерживать политический контроль над огромной частью населения. Это — советский колхоз и мексиканская крестьянская община — эхидо. Что вы думаете по поводу будущего эхидо в Мексике и каково место общины в процессе аграрного развития страны?

К.С.Г. В Мексике существуют различные формы собственности на селе. Та, которую вы называли, то есть коллективная плюс частная. Общая проблема села — слабая экономическая эффективность и низкая производительность. Эхидо в нынешнем виде не может развиваться дальше. Нужно укреплять частную собственность.

МЕХИКО

Роман с неожиданным продолжением

От Хрущева до Горбачева: почему Дели не изменяет Москве?

До 1985 года мы вынуждены были довольствоваться чужой политической жизнью. Иногда даже с волнением следили за политической экзотикой в других государствах: борьба партий, выборы, смена правительств... Теперь это есть в нашей стране, и большинство из нас отдает предпочтение делам внутренним.

Так что индийцы, видимо, с пониманием относятся к тому, что в последние недели интерес общества концентрировался на выборах не за Гималаями, а у нас дома, в России.

У нас такое — впервые. Для индийской демократии — вещь привычная. В прошлом мы высокомерно взирали на выборы в США. Но над индийскими выборами никогда не потешались. Не потому, что относились к ним иначе. Иначе относились к Индии.

В условиях определенного остракизма СССР со стороны других ведущих стран колоритные отношения с этим влиятельным государством создавали у советского руководства иллюзию того, что с нашей внешней политикой все в порядке. Индийцы не были альтруистами. Просто у них имелись свои счеты к западным демократиям. После достижения Индией независимости Запад еще долго угрюмо взирал на возникновение гигантской антиколониальной бреши в южном подбрюшье Азии. А Москва, отбросив сталинский подход к Джавахарлалу Неру как коллаборационисту мирового империализма, помогла становлению базисных отраслей молодого государства. Индия обрела друга. А мы обрели себя в мировом сообществе.

Беспрецедентный визит Никиты Хрущева в Индию в 1955 году был первым крупным внешнеполитическим «хождением за три моря» советского руководителя за все время советской власти. Должен был произойти сначала этот прорыв — и в мир, и из самоизоляции, — прежде чем последовали другие.

В сознании многих советских граждан Индия с тех пор была доказа-

тельством того, что у нас все-таки есть надежный партнер во внешнем мире. Особенно в периоды непопулярных внешнеполитических акций Москвы, когда многие в мире, но не в Дели, отворачивались от нас. Можно даже говорить об эмоциональном тяготении наших людей к индийцам...

1955 год. Хрущев и Булганин в Индии. Первое «хождение за три моря»

С тех пор советско-индийский роман побуждал нас помогать друг другу в трудную минуту, а иногда — и отпускать грехи. Так что наш «двойной стандарт» в подходе к противоречивой действительности Индии, скажем к тем же выборам, диктовался не только геополитическими соображениями, но и изначальным, почти не укладывающимся в рациональное сознание благорасположением.

Теперь у нас собственные выборы. Один из претендентов на пост президента России в ходе избирательной кампании высказал тезис сторонников осторожного подхода к рынку: рыночная экономика принесла благополучие лишь десятку стран, а гораздо большее их число плодов рынка не познало.

Куда отнести Индию?

Она и сама пока не претендует на отождествление ее рыночной экономики со шведской, сингапурской или южнокорейской моделями. В Индии есть полюса богатства и нищеты. Интересы бедняков, кстати, представляют хорошо организованные и мощные левые силы, влияние которых в представительных органах неоспоримо, а это свидетельствует,

увы, об их далеко не малочисленной базе.

Но между этими полюсами размещается многосотмиллионное общество, которое в последние годы превращается в общество среднего класса.

Наверное, главная заслуга индийской рыночной экономики и состояла в выполнении самой многообещающей социальной миссии — создании разветвленного среднего класса.

Его представители сидят за пультами компьютеров индийского производства, установленных в индийцами же построенном футуристическом городке-космодроме Шрихарикота под Мадрасом. Они обеспечивают безупречное функционирование инфраструктуры сервиса, делающей жизнь человека со средними доходами удобной и незлобливой.

Они разрабатывают оригинальные технологии, выдвигая страну в число ведущих десятки государств-патентодержателей. Но главное — они прежде всего являются субъектами индийской демократии.

Так куда же отнести Индию?

Эта страна не определяет международное экономическое пространство, детерминируемое «семеркой». Но она входит в «десятку». В первые десять промышленно наиболее развитых государств мира. И ведь есть еще не менее важный фактор — неоспоримы моральный авторитет Индии и безусловная ставка на примат общечеловеческих ценностей.

Сейчас Индия в какой-то мере стала заложницей нашего внутреннего хаоса. Срываются долгосрочные планы торгово-экономического сотрудничества. Со скрипом налаживаются новые формы производственного взаимодействия.

Но не стоит впадать в пессимизм, потому что потенциал отношений Москва — Дели как в экономической, так и особенно в политической области сейчас обогащается одним важным фактором, которого не было раньше. Индия в мировом политическом лексиконе известна как «самая многонаселенная демократия».

Можно предположить, что Советский Союз по этой градации превращается во «вторую самую многонаселенную демократию». А с точки зрения территории Индия уступит ему первое место, и таким образом самая «многонаселенная демократия» будет иметь дело с «самой обширной демократией».

Леонид Жегалов

После апартеида

У нашей страны в ЮАР есть визитная карточка. Она выставлена на каждом шагу: в аэропортах, правительственных учреждениях, в любом присутственном месте. Щит красного цвета — контрастный фон для неприемлемых объектов. Надпись «Оружие террористов» и натуральные образцы девяти видов — от огромной круглой, явно на крупного зверя, мины ТМ-57 до гранаты-лимонки Ф-1. Классификация советская. Произведены они на наших отечественных «почтовых ящиках», а попали куда и наши почтовые голуби не летают. Портативную выставку достижений народного хозяйства СССР, его единственной ходовой экспортной продукции, венчает надпись: «Будь бдителен, спаси жизнь!» Впрочем, к щитам, видно, привыкли и с нами лично, к счастью, их не соотносили — ну а что у нас творилось на душе — это, как говорится, дело десятое.

Других знаков советского присутствия в стране на самом Юге Африки нет. Впрочем, приступила к реконструкции группа из двух дипломатов. Ее возглавил ответственный сотрудник МИД по фамилии Макаров. Даст бог, не за горами время, когда откроется торговая миссия, дело, думается, за малым: подыскать купца Калашникова. А пока первым в ЮАР советским учреждением, которое имеет адрес и вывеску, стал корпункт «Нового времени», что мы не без тайной гордости и сообщаем. Торжественное открытие корпункта (ровно в той степени, в какой может напустить на себя торжественность наш независимый журнал, полгода назад оборвавший пуповину любой официозности) и было поводом и причиной нашей поездки по ЮАР.

До недавней поры эта единственная управляемая белыми страна Черного континента была для нас черной дырой, закрытой зоной. Закрытой нами самими в порядке борьбы с расизмом. В последние годы зона как бы приоткрылась. И все же, спроси сегодня нашего согражданина, что он знает о ЮАР, он ответит как на духу: страна апартеида, где черные мужественно сражаются за свои права... Соуэто, Мандела, АНК... Особо умудренные добавляют про реформы де Клерка — «этого южноафриканского Горбачева». Слова все правильные, только словарь уж больно невелик. Что расизм, в этом нет сомнений. Но не обернулись ли санкции против порочного режима блокадой нас самих? Не сыграла ли с нами злую шутку собственная пропаганда? И не подвела ли она политику?

Теперь, когда выяснилось, что мы живем в стране самого тяжелого кризиса на этой далеко не голубой планете, мы всматриваемся в иные регионы, где тоже полыхают темные страсти, без прежнего высокомерия, для которого, впрочем, и раньше не было оснований. Мы пытаемся понять других и себя. И все было бы проще и ясней, если бы не одно маленькое обстоятельство: мы слишком мало знали фактов, но вооруженные самой передовой идеологией думали при этом, что знаем все. Вот почему в этой поездке мы (на этот раз «мы» — это два журналиста «НВ») поставили себе задачу уяснить ситуацию как бы с нуля, добыть первичную информацию. И выбрали для этого самый простой журналистский ход — слушать людей, занимающих разные позиции. Выслушать их без предвзятости, не перебивая, не споря по-пустому.

Советское присутствие в ЮАР, увы, имеет несколько взрывной характер

Специальные корреспонденты «НВ» Александр ПУМПЯНСКИЙ и Николай РЕШЕТНЯК беседуют с министром, который разрабатывает формулу будущего. Будет ли она найдена? И поверят ли ей?

Большее всего в советской печати доставалось правителям ЮАР.

Сегодня мы представим точку зрения членов кабинета президента Ф. де Клерка. Сам президент в те дни находился в заграничной командировке, но два его министра, занимающие в некотором роде ключевые посты, приняли нас и ответили на наши вопросы. Первое интервью с министром конституционных реформ и планирования Херритом Фильюном.

«Новое время». Слово-пароль и в вашей, и в нашей стране — перемены, реформы. Как бы вы определили, где находится сегодня Южная Африка?

Херрит Фильюн. Мы находимся сейчас в процессе таких реформ, которые приведут к эмансипации всех людей в ЮАР. До настоящего времени большинство нашего

населения было исключено из процесса принятия решений. Подход Националистической партии принципиально изменился. Почти три десятилетия назад наша партия сделала ставку на раздельное развитие рас. Черные создают свои собственные государства (бантустаны) и тем самым возможность для эмансипации. Но этот подход не сработал, хотя Консервативная партия до сих пор верит в него. Мы же сегодня приняли идею единого государства, в котором все люди имеют единое гражданство, право голоса, право быть избранным на любую должность в соответствии с конституцией.

«НВ». Вы так легко охарактеризовали случившуюся перемену, хотя на самом деле речь идет о крушении одного из столпов апартеида. Действительно ли эта перемена далась вашей партии так легко?

Х.Ф. В принципе простейшая форма правления — государство с однородным

населением — возьмите Британию, Францию, Германию, Италию... Единая культура, один язык, никаких межэтнических или межнациональных трений. Мы попытались искусственно достигнуть этого состояния. Однако мы не учли, что материальная цена такой системы отдельных государств-бантустанов оказалась слишком велика, экономически мы истощили себя. И она породила слишком большую несправедливость, неравенство, дискриминацию, которые нельзя ни оправдать, ни терпеть в демократическом обществе.

«НВ». Как далеко вы продвинулись по пути реализации вашего нового, более демократического символа веры?

Х.Ф. Ясно, что для решения такого рода задачи потребуются этапы. Первый этап — создание атмосферы, в которой только и могут быть проведены переговоры. Нужно было нормализовать обстановку в стране, восстановить политические свободы, что мы и сделали, отменив запрет на общественные организации и освободив политических заключенных. Теперь организации, ранее находившиеся вне закона, лишились основания отказываться от участия в переговорах о новой конституции. Таким образом мы вступили во второй этап.

Сейчас мы как бы ведем переговоры о переговорах. Хотя, я думаю, ясно, что должна быть созвана конференция с участием всех партий. И на этой конференции следует выработать соглашение о том, как должна строиться работа над кон-

ституцией. Вот это и есть, на наш взгляд, главный вопрос повестки дня многопартийной конференции — состав и полномочия органа по разработке конституции. Но АНК говорит «нет», сначала выборы в учредительную ассамблею по принципу «один человек — один голос».

«НВ». Разве это не демократический принцип?

Х.Ф. Мы не согласны с требованием АНК. В этом случае большинство одержит победу и, значит, это большинство будет решать вопрос о конституции. Конституция, однако, имеет значение для всего общества, а не только для большинства. Мы считаем, что в процессе переговоров о новой конституции должны быть выработаны и специальные гарантии для меньшинств и особое представительство меньшинств. Переговоры должны привести к широкому согласию, а не к противопоставлению интересов большинства интересам меньшинства. Ведь Южная Африка вовсе не однородное общество, как и у нас в России, у нас множество общин. И все эти общины должны ощущать, что это их конституция, что она гарантирует право на участие в будущей структуре правления.

«НВ». Белое меньшинство долгое время было весьма безразлично к проблемам черного большинства. А теперь для себя оно требует специальных гарантий. Это не слишком логично, не так ли?

Х.Ф. Мы ничего не просим для белых. Во время прошлых выборов в 1985 году мы совершенно ясно заявили, что в новой конституции не может быть никакого выделения людей по принципу расы. Иными словами, речь идет не о том, чтобы люди того или иного цвета кожи обладали особыми политическими правами. Но защита общин с точки зрения культурных и этнических ценностей должна быть обеспечена.

Мы предложили такую модель. В парламенте — две палаты. Одна из них избирается по принципу простого большинства. А другая — палата меньшинств с более благоприятным для них представительством. И при утверждении законов между двумя палатами должна быть выработана формула согласия. Речь, естественно, идет не о любом законе, это было бы просто непрактично, но о таких, которые затрагивают существенные интересы различных групп. Меньшинства должны быть уверены, что помимо их воли не будут приняты решения, которые изменят сами основы демократии, экономического порядка, прав личности. Такого рода перемены не могут приниматься простым большинством. Здесь должен быть найден баланс между палатой

Без сомнения, лучше всего представит корпус «Нового времени» в ЮАР его хозяйка очаровательная и гостеприимная Женья Решетняк. И эта фотография — хороший повод еще раз поблагодарить Пола Котзи, руководителя отдела СССР и Восточной Европы МИД ЮАР, и его коллег за помощь в открытии первого советского корпуса, которая выразилась отнюдь не только в разрезании ленточки. И добрые пожелания журналистам и политикам, принявшим активное участие в дегустации гласности на «нашей территории» в Претории.

большинства и палатой защиты меньшинств.

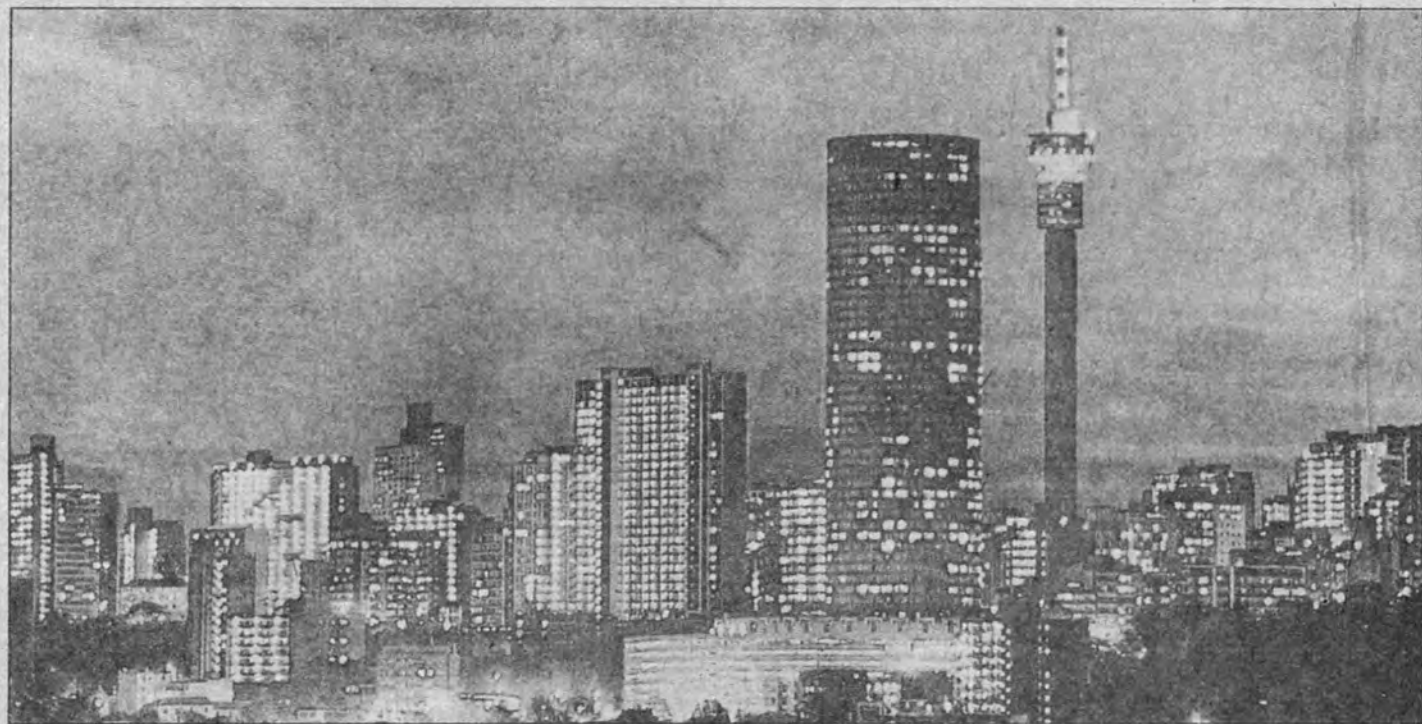
«НВ». Достаточно ли того, о чем вы говорите, для защиты белого населения? Надеетесь ли вы, в частности, сохранить его завидный уровень жизни? И — страшно выговорить — есть ли уверенность, что на новых основах государство выживет?

Х.Ф. Я повторю, что мы не собираемся защищать привилегии белых или любой иной социальной группы. Но мы хотим защитить и сохранить приемлемые стандарты политической и социальной жизни. Мы не намерены стать просто еще одним африканским государством. Большинство их имеет очень низкий уровень и качество жизни. Мы должны жить лучше.

Какой-то одной меры, одной гарантии просто не существует. Зато имеется то, что американцы называют системой взаимозависимости и взаимограничения. Да, в конституции будет записано, что меньшинства имеют особый голос в отношении основополагающих вопросов жизни общества. Во-вторых, должна быть хартия прав личности, защищающая ее от государства. Верховный суд должен быть независимым и вправе объявить недействительным любой закон государства, противоречащий конституции или хартии прав личности. Это важная дополнительная гарантия, хотя я понимаю, что дурное правительство может действовать и вопреки

Министр конституционных реформ и планирования ЮАР Херрит Филлион. 65 лет. Был министром национального образования, генеральным администратором Намибии, занимал другие ответственные посты в прежней администрации. Считается последовательным сторонником реформ де Клерка. Его сфера ответственности — разработка конституционных основ будущего безрасового общества в ЮАР.

конституции или хартии прав личности. Здесь важно то, как будет осуществляться контроль над силами безопасности, и этот деликатный вопрос следует обсудить в ходе переговоров с особой тщательностью. Контроль должен быть очень разумным.

Если новое правительство отменит новую конституцию или хартию прав личности или пойдет против Верховного суда, тогда возникнет крупный конфликт. Белое меньшинство просто не согласится с этим. Всякий, кто задумает отменить конституцию, должен заранее подумать о последствиях. Ведь это не меньшинство в 80 тысяч человек, как это было в Намибии, или в 200 тысяч, как в Южной Родезии. Нас здесь 5 миллионов. Более того, люди — черные, белые, цветные —

Юг Африки — страна ослепительно ярких красок. Культурные контрасты ласкают глаз или шокируют. Традиции и достижения разных общин — что это: источник конфликта или богатство многорасового общества? От ответа на этот вопрос зависит многое

На снимках: ● Йоханнесбург — супер-Запад на Дальнем Юге ● Девушки народа зулу в парадной форме

Фото авторов и Джона Хоуна

начали признавать одни и те же политические ценности, так что это уже не одни только белые, это уже коалиция людей из всех общин. Не африканеры или зулусы, или кто-то еще — нет, и те, и другие, и третьи станут вместе на защиту прав человека и свободной экономической системы. Общие взгляды, расширение базы согласия — это еще одна гарантия.

«НВ». То, что вы говорите, скорее похоже на видение или мечту. А тем временем в черных пригородах идет резня. И самые лучшие намерения могут разбиться о такой по-

рог, как политическая культура масс. Кстати, у нас в стране все очень похоже. Когда в южноафриканском обществе, по вашему мнению, можно будет говорить о появлении действительно общей политической культуры?

Х.Ф. Это трудный и долгий путь. Но мы идем в будущее, в котором должны будем добиться концептуального единства. Мы должны просветить население в отношении ценностей демократии. Труднее всего приучить людей к терпимости по отношению к оппоненту. Да, у него другие взгляды, но за это его не

СПРАВКА «НВ»

● Националистическая партия

Основана в 1913 году. Находится безраздельно у власти с 1948 года. Лидер партии — нынешний президент ЮАР Фредерик де Клерк. В Палате собрания (парламенте) Южно-Африканской Республики располагает 93 голосами из 166.

● Консервативная партия Южной Африки

Основана в 1982 году группой руководителей правого крыла Националистической партии, вышедших из нее из-за несогласия с политикой «конституционных реформ». Руководитель КПОА — Андриес Треурнихт. 39 представителей этой партии являются депутатами Палаты собрания ЮАР.

● Африканский национальный конгресс Южной Африки (АНК)

Старейшая политическая организация коренного населения ЮАР. Наибольшей популярностью и поддержкой пользуется у народности коса. Целью создания конгресса была борьба против расовой дискриминации, за справедливое распределение национальных богатств, обеспечение равенства. В 1960 году АНК и другие

демократические движения были запрещены, их руководители брошены в тюрьму. Запрет на деятельность АНК снят Фредериком де Клерком в прошлом году.

Ныне конгресс имеет свою штаб-квартиру в Йоханнесбурге, в крупнейших городах страны функционируют местные отделения АНК.

Президент конгресса — Оливер Тамбо. Вице-президент — Нельсон Мандела.

следует убивать. В нынешнем конфликте среди черного населения самую большую озабоченность вызывает то, что, соперничая друг с другом за власть, оппоненты вовсе не признают демократических ценностей. С чуждыми взглядами нужно бороться словом, аргументами, вовсе не насилием. Это очень крупная преграда на нашем пути в будущее. Сможем ли мы ее преодолеть, зависит от качеств наших вождей. Если они будут использовать невежество масс, конфликты бытовых культур, к мирному решению прийти будет трудно. Роль политических лидеров обретает исключительно важное значение.

«НВ». До сих пор мы говорили о внутренних факторах. Какова связь между международным сообществом — его ценностями, политическими стандартами, его экономическим давлением и санкциями и развитием событий в ЮАР?

Х.Ф. Взаимодействие с международным сообществом очень важно. Мы не сможем достичь политических успехов, если не будет экономического роста. Для чего людям нужны их политические права? Они хотят улучшить свою жизнь, а это уже экономический вопрос. Дайте людям политические права, но если не будет правительства, способного улучшить качество жизни населе-

ния, тогда конфликт неминуем. Поэтому международное сообщество призвано сыграть важную роль, отменив санкции и потоком капиталовложений способствуя экономическому росту в Южной Африке. И оно могло бы помочь тому, чтобы перемены в нашем обществе проходили исключительно в рамках политического процесса. Оно должно подталкивать наших лидеров к тому, чтобы занимать разумную демократическую позицию, убедить их не злоупотреблять тем обстоятельством, что население, особенно низы, не доросло до осознания общих политических ценностей.

«НВ». Мы невольно вернулись к проблеме, болезненно и даже трагически отзвучивающей и в вашей, и в нашей стране. Проблема политической культуры, демократических ценностей.

Х.Ф. В этом плане есть сходство, но имеются и различия. В Советском Союзе у вас была одна всеохватная система — коммунизм, и она потерпела крах и политически, и экономически. У нас несколько иной случай. Да, мы исключили черных из политической и экономической системы, но в белой общине, а с 1983 года также и в цветной, и в индийской общинах действовала демократическая система — хотя и с ограничениями. И наша экономика всегда ориентировалась на рынок. Наша задача в том, чтобы эту культуру, этот политический и экономический опыт распространить на все население. Ваша задача более трудная. Вы должны научиться применять политическую и экономическую систему, основанную на свободе, как бы с чистого листа.

«НВ». В нашей внутренней политике очень громко звучит хор голосов, который ведет примерно такую партию: все, что происходит, происходило и будет происходить в нашей стране, — это наше внутреннее дело. Любое критическое замечание из-за границы, совет или даже предложение помощи, чем-то обусловленное, — недопустимое вмешательство в наши внутренние дела. Целые ведомства и институты заряжены на поиски таких доказательств, и их, конечно же, находят в

избытке. Как обстоят дела на этот счет в вашей стране? Ваши люди также готовы вести безнадежную героическую борьбу против всего света?

Х.Ф. Да, в Южной Африке оказывается сильное сопротивление вмешательству внешнего мира в наши внутренние дела. Но мы поняли, что мы не можем жить изолированно, что мы часть мира, и потому существует предел, за которым нельзя отказывать миру в праве на проявление озабоченности тем, что происходит у нас, в Южной Африке. Если мы не будем иметь систему, которая приведет к экономическому прогрессу, и политическую систему, основанную на свободе, если у нас не будет законности и порядка и стабильности, мы не добьемся понимания и поддержки со стороны внешнего мира. Даже если мы не любим вмешательства, мы нуждаемся в поддержке нашей экономики. Мы не можем позволить внешнему миру предписывать нам, что мы должны делать, мы сами должны найти решения, правильные для Южной Африки. Но мы должны заверить международное сообщество, что наш курс будет соответствовать его разумным требованиям в области законности и порядка, стабильности и свободной политической системы.

«НВ». И все же почему вы решились на перемены? Было ли это результатом давления, санкций со стороны международного сообщества?

Х.Ф. Это оказало некоторое влияние, но основная причина в другом. Наша политика в течение последних десятилетий оказалась безуспешной, и жизнь все больше подтверждала это. К переменам стремились мы сами. Вначале мы предоставили равные политические права азиатам и цветным. А затем Питер Виллем Бота назначил правительственный комитет для решения вопроса о том, как включить черных в систему. Так что решения, которые принимает де Клерк сегодня, опираются на развитие последних десятилетий.

«НВ». Реформы начались. Как быстро вы сможете их осуществить?

Х.Ф. У нас есть опыт, который мы не должны забыть, — как президенты Балтазар Форстер и Питер Виллем Бота утратили энергию в деле реформ. Президент Форстер начал реформы. Но в последние три года его правления все прекратилось — была утрачена энергия. То же и с П.В.Ботой в его последние два с половиной года. И так мы потеряли примерно 6–7 лет...

ПРЕТОРИЯ—МОСКВА

Что скрывает хиджаб

«Малый сатана» в стране ислама

Кто не знает словосочетания «Тегеранская конференция»? Сколько о ней написано — и правды, и домыслов, и вымыслов. И вот ты ходишь по историческим залам нашей миссии: «здесь стоял стол советской делегации», «в эту дверь ввозили Рузвельта на его коляске», «зеркала, правда, теперь другие — разбились во время погрома». Да, после большого вторжения — ввода наших войск в Афганистан, произошло малое — на территорию посольства СССР в Тегеране. Здание было сильно повреждено, кое-что сгорело, причем на возмущенные требования дипломатов местные власти не спешили реагировать, дав

Окончание. Начало в № 26.

толпе вволю покуражиться. Не спешат и теперь покрывать нанесенный тогда материальный ущерб, не смотря на регулярные официальные напоминания дипломатических представителей.

Впрочем, все следы налета давно ликвидированы, и здание уютно выглядит в огромном зеленом парке, который и являет собой гигантская, в 12 гектаров, территория посольства. Это едва ли не самое крупное по площади наше зарубежное представительство. А обрели мы этот участок, к слову, расположенный в центральной части столицы и весьма теперь дорогой, благодаря полковнику казачьей бригады Капитонову. Мстак он был по части карточной игры. Слишком поздно

понял это местный князь Атабек, проигравший в начале века казаку-полковнику за зеленым сукуном принадлежавший ему участок столичной земли. Вот и перешел по наследству к нашим дипломатам роскошный парковый участок. На высоких деревьях вьют гнезда крупные попугаи. Посол строго-настрого запретил трогать их гнезда, и южные птицы чувствуют себя вольготно, оповещая об этом всю округу победоносными криками.

В июне гостей в райских посольских кущах заметно прибавилось: на траурные церемонии, посвященные второй годовщине кончины имама Хомейни, из СССР была приглашена большая группа гостей, только из Азербайджана, как нам сказали, целых 150 человек, в основном верующих — шиитов. Один из советских гостей — мусульманин-суннит, участвовавший вместе с ними в молениях, потом со страхом говорил: «Среди них есть такие воинственные, скандируют, как и местные, — «Смерть... Америке! Смерть России!»

С Азербайджаном у Исламской Республики особые отношения. Да и

как может быть иначе, если в Иране, по оценкам, из 58 миллионов от 15 до 20 миллионов — азербайджанцы, в том числе, как нам говорили, и сам духовный лидер нации Хаменеи. Тегеран пристально следит за развитием событий в Азербайджане. Его никак не привлекает перспектива возрождения азербайджанского национализма. Пока же активно укрепляются экономические связи двух республик. Есть проект использовать иранскую территорию для прокладки трубопроводов и линий электропередач между основной частью Азербайджана и Нахичеванской автономией в обход разделяющей их армянской территории. Крупное экономическое соглашение было заключено во время июньского визита в Тегеран азербайджанского премьера. В частности, планируется использовать иранскую территорию для сооружения железной дороги Баку-Нахичевань. Впрочем, обсуждается и вопрос о взаимном открытии консульств с другими союзными республиками.

Будущим новым дипломатам придется привыкать к местным реалиям — и к довольно бесшабашным отношениям пешеход-автомобиль, и к жесточайшему запрету на спиртное, и к довлеющему черному цвету людской толпы на улицах.

«Они делают это по собственному желанию», — убеждал студент-юрист. Меня интересовало, почему все женщины одеты в черное — оставляющий открытым лишь лицо большой платок, один конец которого нередко закусен зубами, просторная длинная накидка, шаровары, позволяющие видеть щиколотки в черных же чулках, и такого же цвета туфли. И в качестве дополнительного веского аргумента молодой иранец добавил: «Они же хотят быть приняты обществом».

Во время другого разговора — с муллой из СССР, одним из приглашенных сейчас в Иран, — довелось услышать: «И очень хорошо, что женщины на улице в чадре, или, как тут говорят, в хиджабе. Зато ведь дома они одеты так, чтобы мужу было приятно смотреть. У нас-то поступают наоборот — перед тем как на улицу выйти, всё лучшее надевают, а в квартире своей ходят неряха неряхой». Другой мулла из числа советских гостей по-своему объясняет приверженность иранок к единообразию в одежде: «Похоже, носят они всё черное из страха перед стражами исламской революции. Те получили чересчур много власти...»

Женщин в хиджабе видишь по-

всюду — на улице, на теннисном корте, совсем юные тегеранки качаются на качелях и ездят на скейтборде в парке, невзирая на испепеляющее солнце, тоже в неизменном одеянии. Впрочем, молодежь порой несколько отступает от нормы — черная длинная накидка все же не скрывает джинсов и кроссовок, изредка головной платок бывает светлых тонов. А некоторые дамы позволяют чуть сдвинуть назад этот платок, показывая, что у них красивые волосы. И что уж вовсе неожиданно — многие тегеранки улыбки, непринужденно вступают в разговор с европейцами («Вы из Германии? — чаще всего задают почему-то этот вопрос и не шарахаются, услышав в ответ шутовское «шайтан кучек» — «малый сатана», то есть «Советский Союз»...).

Раздумывая над явным несоответствием «формы» и «содержания», я вспоминаю другую азиатскую страну — Северную Корею. Жесткий режим, тотальные меры безопасности, вождь во главе нации — много общего. Но даже в Пхеньяне, не говоря уже о провинции, не только не заговаривают с тобой на улице, но от тебя постараться поскорее удалиться, подойди ты с вопросами. А ведь и тут, и там силен синдром осажденной крепости, хотя в КНДР он явно поддерживается искусственно — на страну ведь никто никогда не нападал, в Иране же при наличии столь зловещего соседа, как саддамовский Ирак, для этого синдрома почва гораздо благоприятнее. Где же объяснение этой раскованности, свойственной многим носителям хиджаба?

Видимо, причин несколько. Допускаю, что играют роль и национальные, и исторические обстоятельства. Но главное, думаю, в другом: жесточайше планируемая на протяжении почти полувека командная экономика не может не наложить отпечаток — вкупе со всеми остальными прелестями командной системы — на поведение человека. В Иране же такого не было, а сейчас особенно активно взят курс на усиление рыночности экономики.

Ну вот, скажет читатель, тегеранка ему улыбнулась — может, у нее хорошее настроение? — а он тут целую политэкономку развел. Может, и прав будет этот читатель?

А быть может, униформированные иранки дают понять, что не следует слишком серьезно относиться к тому, что внешне они скрупулезно следуют

Памятник погибшему в Тегеране А.Грибодову на территории советского посольства

канонам ислама? Приведу и такое мнение: Иран — наименее религиозная страна из всех виденных. Это мнение профессионала — проницателя Ватикана в Тегеране. Так что, по всей видимости, вездесущую исламскую атрибутику не стоит отождествлять со степенью верования людей.

Еще один аргумент в пользу этого — недавняя история страны. Думается, многие люди, особенно не слишком юного возраста, несут на себе, быть может, не отдавая отчета, отпечаток бурных лет шахской «белой революции». Его вытравляли и вытравляют исламисты, с

этим борется репрессивный аппарат, но отпечаток этот все же дает о себе знать. В раскованности, в мимолетной улыбке... Годы, когда страна скачками преодолевала путь от отсталости к высотам индустриализации, когда шли аграрные реформы, когда резко расширялась система образования, не могли пройти даром. Да, свирепствовала злобная охранка САВАК; да, шло расслоение общества; да, тяжелым бременем ложились на народ чудовищные расходы на закупку вооружений. Но жизнь в целом носила светский характер. И отзвуки этого явно не утаски и по сию пору.

Придя к власти 12 лет назад, религиозные лидеры постарались исламизировать, идеологизировать все сферы жизни страны. Идеология ислама стала самодовлеющей силой. Тогда-то «по собственному желанию» иранки и надели на себя хиджаб, который в шахские времена, как рассказывают, можно было видеть изредка, главным образом лишь в далекой провинции.

Провозглашая фундаментализм, духовные отцы нации исходили из того, что произошло полное разочарование в коммунистических идеях, что западный уклад жизни противоречит существующим в стране традициям, что следует искать собственный путь развития. Очень популярен у руководителей страны лозунг «Ни Восток, ни Запад» (любопытно, кстати, его трансформация — на начальном этапе революции имам Хомейни призывал: «Ни Запад, ни Восток», с начала же 80-х годов акцент сместился). Ислам согласно взглядам духовных лидеров Ирана — и средство морального самоусовершенствования человека, и орудие переустройства общества. Разумеется, в фундаменталистских устремлениях хватает экстремизма, однако, надо отдать должное, эти воззрения умело используют

традиции и историю страны. Для сегодняшнего режима исламизация — это особая форма самозащиты, способ оградить себя от нежелательных влияний. Внешне это проявляется в возвращении к религиозной атрибутике минувших времен, и вопрос в том, сколь близко к сердцу принимает ее народ...:

Владимир Житомирский,
спец. корр.
«Нового времени»
ТЕГЕРАН—МОСКВА

Фото автора

Чуть сдвинутый назад платок — отступление от правил

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Оставьте себе горные вершины!

Национализм быстро предает демократию. И интересы самой нации — тоже...

Валерий Тишков,

директор Института этнологии и антропологии АН СССР

С голубого экрана ученые, писатели и политики внушают согражданам, кто они есть и кому должны присягать на групповую лояльность, кто виноват в неурядицах и где искать «врагов нации», какие у этой группы вековые корни и права на территорию. Правда, умалчивают о том, какой длины должны быть корни (от верхнего палеолита или от времен Екатерины II), чтобы иметь «святое право» на «исконные» территории в пределах случайно сложившихся административных границ.

Привыкшие к решениям вождей граждански незрелые массы в условиях неожиданной либерализации и усугубляющейся материальной нищеты поставлены перед необходимостью «определиться» по членству в «нациях, народностях и национальных группах». Какой дьяволь-

Внутренние войска на армяно-азербайджанской границе: мир под дулами автоматов?

ский вопрос поставили, например, ученые и политики перед жителями Бурятии: кого считать коренным народом — потомков поселившихся здесь 300 лет назад русских старообрядцев или бурятов — потомков мигрировавших сюда в начале XIII века кочевников бурято-монгольского степного мира?

К взаимоисключающей этнической лояльности (только украинец или только русский, а не так, как Н.В.Гоголь — великоросс и малоросс в одном лице) подтолкнули записанные в конституционных нормах, многократно заявленные слова о праве нации как этнической общности на самоопределение. О праве этом стали прежде всего заботиться начинающие законодатели в первом советском парламенте и местная партийно-чиновничья элита, заполняя новую идеологическую пустоту идеями этнонационализма. С другой стороны, когда предшествующие зверства носили часто избирательный по отношению к разным народам характер, когда в стране отсутствовали институты демократического общества, когда на уровне регионов, районов и городов царил удручающий централизм.

Фото из журнала «Нари мати» (Франция)

когда для создания деловой ассоциации, банка, киностудии, театра или НИИ нужно было забраться на ступеньку «национальной государственности», избавившись от ущербного статуса «народности», «меньшинства», — тогда самой понятной и легкодоступной основой коллективного действия стало национальное движение в его этническом, а не общегражданском варианте.

Отложив газету, берут ружье

Ну а что же политики и интеллектуалы? Не успев вкусить подлинных академических свобод, не избавившись от претензий на «научное руководство обществом», не излечившись от порочной страсти к социальной инженерии, а самое главное — не успев очистить интеллект от постулатов «единственно верного учения» и не пополнив его новейшим гуманитарным знанием, они охотно взяли на себя роль новых духовных лидеров.

Они вычленили дремавшую в марксистско-ленинской доктрине диктатуру националистической идеи и представили ее массам, воспитанным на «классовой непримиримости», в качестве средства и цели демократизации. Популярность в обществе обрели писательские закливания, звучавшие с трибун и с газетных полос: «нации — категории непреходящие» (Б.Олейник), «лучше умереть, чем дожить до момента, когда исчезнет твой родной язык» (В.Быков). Как на партийном собрании, открыто и единогласно проголосовали народные депутаты Грузии за избрание президентом республики филолога и историка З.Гамсахурдиа, который завораживающе объяснил жителям Грузии: думать нужно прежде всего не об экономике Черноморского побережья или ценах на союзных рынках, а о том, что «мост на реке Беслети близ Сухуми и ныне хранит старинную грузинскую надпись», что абхазов и грузин «связывали между собой культура «Вепхвисткаосани» и древнейшие грузинские храмы, украшенные грузинскими надписями, те, что и сегодня стоят в Абхазии». Но есть «враги», «агенты» и «предатели нации», которые готовы оставить грузинам только prospect Шота Руставели в Тбилиси.

Лидеры Абхазии, руководствуясь «защитным» вариантом этнонационализма, предлагают ввести квоту — 50 процентов депутатов парламента автономной республики для этнических абхазов. Это при том, что абхазов — 18 процентов населения. Ну и еще, конечно, есть такая мелочь, как статья конституции о равенстве граждан не зависимо от их национальности.

Национализм и те, кто способен о нем громко заявить в определенных

социальных и исторических условиях, обладают завораживающей силой. И уже не лидеры и интеллектуалы, а совсем другие люди, оторвавшись от телеэкрана или отложив газету, оказываются у того самого сухумского моста — и с ружейными стволами, направленными друг на друга.

Блажен, кто верует

Национализм и национальная идентичность, эти воображаемые конструкции, складывались стихийно на рубеже XVIII—XIX веков. Однажды созданные, они перешли в широкий спектр политико-идеологических реалий и завоевали широкое социальное пространство. Рожденная европейскими интеллектуалами идея нации утвердилась как синоним согражданства в пределах единой государственности. Во всем мире понятие межнациональных (интернациональных) отношений означает межгосударственные связи, а понятие «международные отношения» — как раз межэтнические (между народами). Но в СССР все наоборот.

Почему, отказавшись от идеи построения пролетарской державы, политики и ученые продолжают верить в другую химеру — строительство «национальных» (читай — «этнических») государств, считая, что только этнонации создают основу для хозяйственного и социального развития общества и только они дают жизнь самой государственно-сти? Ведь нация, по справедливому замечанию Н.Бердяева, — это такая же мифологическая конструкция, как и пролетариат. Но многие ученые до сих пор не могут избавиться от влияния оформленных Сталиным в жесткие дефиниции путаных рассуждений Ленина по национальному вопросу.

Остаются в плену национализма и те, кто обосновывает и даже начал осуществлять собиравание «исконных» этнических территорий (русских, грузинских, молдавских или других) под эгидой «единой и неделимой государственности». И те, кто крушит имперские, тоталитарные структуры, развешивая национальные флаги над нищими сельсоветами.

По крупному счету националистами остаются в своей политике не только лидеры республик, но и Центра, ибо все они — поклонники сталинского определения нации. Правда, прибалтийские политики, приблизившись к реализации идеи самоопределения, раньше других осознали пределы и бесперспективность ее националистического варианта. Не случайно после 11 марта 1990 года Ландсбергис разъяснил миру, что самоопределился народ Литвы, включивший всех граждан республики (но не литовская на-

ция!). А недавно он сформулировал свое понимание нации как необязательно этнически однородной общности, а как согражданства. Не случайно в Латвии объявлен отказ от паспортной фиксации национальности граждан республики. На III съезде Народного фронта Эстонии началась дискуссия о необходимости пересмотра поспешного закона об официальном языке, говорилось о возможном эстонско-русском двуязычии. Отклик не заставил себя ждать: идея независимости принята, согласно последним опросам, большинством всех проживающих в Прибалтике граждан независимо от их этнической принадлежности.

Эти тривиальные идеи подкачали приглашенные иностранные консультанты. Но неужели нельзя было задуматься раньше? В истории еще не было прецедентов, чтобы за 3–5 или даже за 10 лет миллионы людей переучивались читать и разговаривать с родного языка на язык своих соседей.

Языковая агрессия, начатая интеллигентами, поставила в еще более сложное положение миллионы граждан страны, принадлежащих к национальностям, которые давным-давно перешли на русский язык. И вот уже целые народы от Чукотки до Карелии вынужденно-стыдливо обнаруживают себя в какой-то иновиде выдуманной категории «русскоязычного населения». А это ведь многочисленные и достойные этнокультурные общности, в том числе буряты, марийцы, мордва, коми, башкиры, татары и белорусы, большинство которых дома и на работе говорят на ставшем им родным русским языке.

Некоторые специалисты, комментируя ход событий в Восточной Европе, считают, что там, как и в СССР, идет естественный процесс: «Каждый народ, каждая нация должна пройти этап самосознания, самоутверждения, чтобы подойти к периоду самореализации». «Отставшие в своем развитии страны Восточной Европы не смогут миновать исторического этапа разделения, чтобы потом на новых условиях объединиться».

Откуда такой антиисторизм? Ведь к 1918 году, когда рухнули три крупные империи, на основе двух из них (Австро-Венгерской и Османской) возникли многочисленные национальные государства. Самоопределившиеся нации получили возможность оформить свои отдельные и независимые государства на основе этнического принципа. Сделать это было не так просто. В этих странах оказались свои собственные меньшинства. С достижением национальной независимости восточноевропейские националисты не сделали более терпимыми к меньшинствам, чем их бывшие имперские притеснители...

Трагические для человечества 30–40-е годы, казалось бы, безнадежно дискредитировали национализм, особенно такую его крайнюю форму, как нацизм. В Западной Европе и Северной Америке утвердились общегражданские принципы организации общества с элементами согласительной демократии, обеспечивающей права и интересы культурных общностей, специфические запросы граждан.

Однако этнонационализм не сошел с общественной арены. Тем более в такой его широко распространенной форме, как «нации-строительство», создание «наций-государств». Идея нации, видимо, еще долго останется мощной мобилизующей силой для полиэтнических сообществ, пока не будет достигнуто такое материальное благосостояние, которое позволит без истерики поделить с «иноязычными». Такая демократия, когда группы и личность смогут отстаивать свой статус и интересы без содержания исключительно родных по крови правителей. Когда граждане получат возможность обладать достоинством, которое он будет ценить выше групповой лояльности с ее облегченной жертвенностью и минимальной личной ответственностью.

Смирятся ли в Воркуте?

Национальные движения в СССР в последние годы сыграли позитивную роль, но трагедия в том, что национализм, используя глубокие этнические чувства и привязанности, прикрываясь привлекательностью лозунга о праве каждой нации на самоопределение, скоро предаст саму демократию. Общие язык и культура облегчают жизнедеятельность общественных институтов. Но трагическим заблуждением являющиеся обыденная вера и разжигающие ее установки политиков и интеллектуалов, что территория и государственность могут принадлежать этносу, а его представители обладают правом на особый статус и права в гражданских сообществах. Даже если в процессе дезинтеграции советской империи какой-то из «титовых наций» и удастся основательно «почистить» нынешние территории союзных республик во имя принципа типа «Грузия — для грузин!», они обрекут себя, а тем более детей и внуков на вековое враждебное окружение и моральные муки. Как правило же, меньшинства в таких «национальных государствах» не откажутся от стремления к собственному самоопределению.

Как собираются нынешние лидеры привести свои республики в Организацию Объединенных Наций, объединяющую нации-государства, если в домашнем варианте они исповедуют этнонационализм, деля своих граждан на коренную нацию и «некоренное население», которое зачастую составляет половину, а то и

большинство граждан этих «национальных государств»?

Еще более абсурдны стремления политической и культурной элиты автономных образований объявить свои территории «национальными». Какую печальную участь готовят себе, скажем, башкиры, объявляющие одноименную республику «национальным государством» и распространяя право продажи земли только на этнические башкиры, а не на башкирцев — жителей республики! И это в республике, где большинство населения — татары... Как можно суверенитет Татарии толковать самоопределением татарской нации, если четыре пятых татар не живут и не собираются жить в этой части страны?! О чем думали авторы одного из проектов о суверенитете Дома АССР, записывая в него пункт о том, что президентом республики может быть только коми по национальности? Неужто горняки Воркуты и их дети смиренно примут добывание угля как единственный вариант их жизненной карьеры? И, наконец, не менее тревожная форма национализма — это рассуждения политиков о необходимости самоопределения русской нации и создания Русской республики.

В каждой области, крае, республике России живут граждане, имеющие свою этническую культуру и заинтересованные в ее сохранении и воспроизводстве. Именно через эти самоуправляемые «удельные княжества», а не только через выгородки в виде «национальных государств» — автономий среди обезличенных краев и областей — сохранится и обустроится громада России. И, возможно, переболев национализмом, ужаснувшись тому, как легко слова и идеи, летописные цитаты и археологические надписи обращаются в кровь, захотят построить с Россией союзные отношения ее соседи.

Если же национально-территориальная идея так тревожит нынешних политических пастырей и государственных лидеров от коммунистов до националистов, отдайте (лучше навечно и бесплатно) эту территорию, включая пашни, угодья, леса, народу, человеку. Себе же, государству, оставьте одни горные вершины (как это сделано в Норвегии, где по закону в частную собственность может быть продано все, кроме не покрытых лесом гор) и делите их на здоровье между Центром и республиками. Только в итоге такого самоопределения у человека появится то, что делает его гражданином.

Нынешние толпы насильников выходят из коммунальных квартир и барачков. Но если у них по соседству будут пастись собственные овцы на собственном лугу и расти сад на собственной земле, они крепко задумаются, прежде чем пойдут чужие дома, рушить мосты и дороги.

**SUPREME
SPRING SYSTEMS**

СУПРИМ СПРИНГ СИСТЕМС ЮАР

**Мы конструируем и производим детали для
автомобильных пружинных подвесок более 25 лет.
Мы производим спиральные пружины, рессоры,
стабилизаторы, торсионы.**

● Наша компания поставляет оригинальные компоненты всем автомобильным заводам Южно-Африканской Республики. Качество нашей продукции на уровне лучших мировых стандартов. Нам присужден знак качества фирмы Форд-КЮ-101. Мы придерживаемся также интернационального стандарта качества ИСО-9002.

● Наша компания имеет договоры о сотрудничестве по вопросам новейшей технологии с ведущими германской и японской фирмами, производящими идентичную продукцию. В настоящее время мы экспортируем с большим успехом в США и Западную Европу.

**Заинтересованных в нашей продукции
просим связаться с редакцией журнала «Новое время»**

☎ 229-88-72, 209-95-71.

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

СОЦИУМ

информирует:

**Самые большие объемы информации,
Самое высокое качество и достоверность,
Самые низкие цены — это...**

Базы данных серии «Партнер»

ПАРТНЕР — 1.1 —
160 000 предприятий:

Наименования, адреса,
виды деятельности.

ПАРТНЕР — 1.2 —
200 000 предприятий:

Та же информация.

ПАРТНЕР — 2 —
20 000 предприятий-участников
внешнеэкономических связей:

Наименования, адреса, телефоны,
отрасли, ФИО руководителей,
предлагаемые товары, услуги,
типы собственности.

ПАРТНЕР — 2.1 — 1500 СП:

Та же информация.

**ПАРТНЕР — 3 — 2000 предприятий-
рекламодателей (ежемесячник):**

Полные тексты рекламных объяв-
лений месяца, наименования, адре-
са, телефоны, отрасли предпри-
ятий-рекламодателей.

«ПАРТНЕР» обеспечивает Вам автоматический поиск и распечатку информации списком и «на конверт» на IBM PC совместимых компьютеров по территориям (все республики, 132 области, 137 городов), по видам деятельности (более 100 видов), по наименованиям предприятий и, **ГЛАВНОЕ**, — по свободно заданным Вами наименованиям товаров и услуг.

Инфоцентр СОЦИУМА, располагающий информацией о 300 000 предприятий СССР, предоставляет также информационные услуги по индивидуальным заказам и принимает заявки на реализацию отраслевых справочников.

Телефон для справок: 928-24-70

Факс: 230-28-19

Телекс: 112658 Устав. Адрес: 103031
Москва, а/я 76 ВНПО «Социум»

Приходите на демонстрацию систем
по адресу:

103626 Москва,

Б.Черкасский пер., 15, ком. 402

Системы с инструкциями по
эксплуатации на гибких дисках
передаются заказчикам либо
высылаются бандеролью в 3-дневный
срок после получения Инфоцентром
копии платежного поручения и адреса
получателя.

Наш расчетный счет: 460158 в Коопбанке
Центросоюза СССР, к/с 161406, ЦОУ при
Госбанке СССР, МФО 299112.

Цены:

Партнер — 1.1 — 3990 рублей + 5%

Партнер — 1.2 — 4990 рублей + 5%

Партнер — 2 — 2890 рублей + 5%

Партнер — 2.1 — 900 рублей + 5%

Партнер — 3 — 1900 рублей + 5%

(годовая подписка 12 выпусков)

**АБСОЛЮТНО
НАДЕЖНЫЙ
«ПАРТНЕР»!**

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Чрезвычайное положение

Ни один серьезный вождь не мог себе позволить отменить чрезвычайное положение, коль скоро оно введено

Леонид Ионин

Вопрос о чрезвычайном положении, как отметил немецкий писатель Рейнхард Леттау, — это чисто лингвистический вопрос. Я бы сказал, что это вопрос логический.

Действительно, предположим, что не сегодня-завтра Верховный Совет СССР, вняв голосам министров обороны, внутренних дел и госбезопасности, принимает решение о введении в стране чрезвычайного положения. Или Президент вводит чрезвычайное положение своим декретом. Что после этого происходит?

Я представляю себе это так: запрещаются митинги, демонстрации, забастовки, вводится цензура изданий — и демократических, и консервативных, граница запирается на замок, повсеместно ужесточается паспортный контроль, самые ярые враги режима подвергаются превентивному заключению. Далее, специальным указом ряд принятых республиками законодательных актов объявляется недействительными. Ликвидируются республиканские таможи и прочие «заборы», препятствующие осуществлению единой воли. Высокие кабинеты на местах меняют своих хозяев; прежние подвергаются домашнему аресту либо выезжают за границу. Кроме того, принимаются экстраординарные меры регулирования экономической жизни: вводится жесткая дисциплина поставок, ценовая дисциплина, ужесточается производственная дисциплина. Торговые и посреднические кооперативы закрываются, из производственных кооперативов выживают только те, что согласны и в состоянии выполнить государственную разнарядку: поставить столько-то продукции в такой-то срок в такой-то адрес по такой-то цене. Им государство помогает — и фондами, и дотациями. Спекуляция пресекается железной рукой; распределять продукты и товары берет государство, руководствующееся критериями социальной справедливости.

При этом и речи нет о нарушении прав человека. Они соблюдаются неукоснительно. Но это подлинные права трудящихся, а не права хулиганов, спекулянтов и прочих захребетников.

Наверное, в соответствующих штабах-министерствах вопрос проработан глубже, наверняка на бума-

гах с гербом имеется полный перечень мер с указанием непосредственных исполнителей, готовы пакеты и наготове курьеры. Падет драгоценное слово, и государственная машина заработает. В исполнителях, не ведающих страха и упрека, — с чистыми руками, холодным умом и горячим сердцем — наша страна недостатка никогда не знала. И воцарится на одной шестой части земной суши вожделенные покой и порядок: прекратится война законов, поездов, выходящих со станции А, будет прибывать на станцию Б, отпадет душераздирающая необходимость политического выбора, перестанут мозолить глаза нажитые нетрудовым путем «мерседесы» и «тойоты» (их конфискуют, наверное), армяне и азербайджанцы будут жить дружно на рабочих местах, картошка подешевеет, газеты станут единодушными, не будут раздражать душу слова «биржа», «безработица», «миллионер», а госбюджет станет выглядеть так же хорошо, как премьер-министр.

Конечно, трудности останутся. Но ведь это будут совсем иные трудности, легко преодолимые в условиях единодушия и абсолютной ясности. Рецепты известны: «Чтобы лучше жить, надо больше и лучше работать», «Чтобы спокойно жить, надо покончить с врагами». Это сейчас не известно, кто враг, а кто друг. А как станет известно, так мы с врагом быстро расправимся. Тому порукой опыт десятилетий.

Вобщем, кажется, ничего страшного в чрезвычайном положении нет. И надо ввести его скорее, чтобы наша многострадальная страна обрела наконец покой, порядок и достоинство перед лицом всего мира.

Но вот тут-то и возникает логическая проблема, о чем я написал в самых первых строчках.

Что такое «чрезвычайное положение»? Посмотрим в Словаре Даля: «Чрезвычайный — необычный, неординарный, из ряда вон, особый, особенный, вне порядка». Значит, чрезвычайное положение — это положение особенное, не нормальное. Значит, уважаемые министры и депутаты Верховного Совета, настаивая на введении чрезвычайного положения, как бы признают, что да, сейчас все идет нормально, но мы хотим чего-то «из ряда вон... особенного, вне порядка». Настаивая на чрезвычайном положении, они по-

дтверждают нормальность и правомерность существующего положения вещей. Но в таком случае зачем нам это чрезвычайное положение?!

Это, однако, не единственное логическое затруднение идеи о чрезвычайном положении. Пойдем дальше. Чрезвычайное положение, поскольку оно «вне порядка», вводится на время. Ведь бессмысленно говорить о вечном, постоянном чрезвычайном положении. Постоянное чрезвычайное положение — это, согласно логической классификации, *contradictio in adjecto*, противоречие в прилагательном.

Значит, чрезвычайное положение придется рано или поздно отменить. Что же получается? Сначала вводится чрезвычайное положение — скажем, ограничиваем, предписываем, наводим порядок, а потом отменяем чрезвычайное положение... и все начинается сначала: доморощенные политики, дискуссии, беспорядки, спекулянты, кооператоры и прочие неприятности, с которыми сумели справиться только благодаря чрезвычайному положению.

Ясно, что здравомыслящие министры, депутаты и генералы на это не пойдут. Чтобы разрешить данную проблему, у них есть два пути. Первый: постоянно, из десятилетия в десятилетие, говорить, что еще не все задачи, которые ставились при введении чрезвычайного положения, выполнены, поэтому его надо продлить еще на пять, десять...на двадцать...десять лет. При этом, по мере победоносного решения все новых и новых задач, авторитет чрезвычайных мер и учреждений растет. Слово «чрезвычайный» перестает восприниматься в своем изначальном смысле как нечто временное и экстраординарное, оно становится синонимом успешного и эффективного, а значит, правильного, нормального. Происходит привыкание к чрезвычайному.

Такая стратегия вполне может осуществиться. Но у нее есть слабое место. И не одно. Всегда найдутся умники, которые отметят логическое несовершенство проводимой политики и заявят о том, что чрезвычайное положение, поскольку оно чрезвычайное, должно быть рано или поздно отменено. И еще: привыкание к слову «чрезвычайный» лишает его полагающейся ему остроты, люди перестают ощущать грозящую якобы опасность, а сами применители чрезвычайных мер уже не воспринимаются как спасители народа и отечества.

Но здесь-то как раз может пригодиться второй путь; вторая стратегия. Она состоит в следующем: как только задачи, поставленные при

Рисунок Аркадия Гурского

введении чрезвычайного положения, выполнены, надо объявить, что нам грозит новая опасность, и ввести новое чрезвычайное положение. Логическое противоречие при этом успешно разрешается. Минус на минус дает плюс. Отрицание отрицания равняется утверждению. Чрезвычайное по отношению к чрезвычайному равняется нормальному.

Умникам заткнут рот. Все мы живем уже не в чрезвычайном мире, а в нормальном, каким ему якобы полагается быть. И, главное, при желании и при необходимости можно снова, и вполне уже обоснованно, объявлять чрезвычайное положение.

Все это была логика. А теперь немножко истории, чтобы проиллюстрировать логику. В 1917 году, как известно, победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Хозяйственная разруха, сопротивление мероприятиям новой власти — все это побудило большевиков ввести чрезвычайное положение. Были запрещены оппозиционные партии, закрыты оппозиционные газеты, введена цензура, объявлена война спекулянтам, хулиганам и бандитам. Одновременно шла экспроприация экспроприаторов — захребетников рабочего класса. Была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем — славная ЧК.

Чрезвычайное положение мыслилось, естественно, как временное. Временно — до нормализации положения в стране — были закрыты газеты и запрещены партии. Времен-

ной — до нормализации экономической ситуации — была борьба со спекуляцией. Спекулянты должны были впоследствии отмереть сами собой. Временной, наконец, мысллась и сама ЧК, что и запечатлелось в ее названии.

Прогремела гражданская война. Победа в ней, казалось, оправдала всю предшествующую «чрезвычайщину». Стабилизация экономики и социальной жизни в эпоху нэпа поставила во весь рост вопрос об отмене чрезвычайного положения. Но вот парадокс: оказалось, что отменить чрезвычайное положение означало вернуться к дооктябрьской, или, точнее говоря, к «дочрезвычайной» ситуации.

Ни один серьезный вождь не мог себе этого позволить. К тому же страна уже привыкала жить в условиях чрезвычайщины. Чрезвычайная комиссия обрела славу острейшего и надежнейшего оружия пролетариата, а зачем отказываться от такого оружия!

Был, конечно, риск рутинизации чрезвычайного положения. Термином «рутинизация» (от слова «рутина») социологи обозначают процесс привыкания к чему-то необычному и экстраординарному, превращение чрезвычайного в обыденное и одновременно «растворение» чрезвычайного в обыденном. Чтобы избежать

рутинизации, самый серьезный из вождей прибегнул к гениальному политическому маневру. Он объявил чрезвычайное положение вторично. Объявил чрезвычайное положение по отношению к предыдущему чрезвычайному положению.

Как это произошло? Было объявлено, что сопротивление буржуазии нарастает. Уничтоженная вроде бы как класс послеоктябрьскими чрезвычайными мерами, она все-таки выжила и, поддерживаемая заграницей, стала оказывать все более сильное сопротивление. По мере построения социализма, объявил Сталин, острота классовой борьбы нарастает. Все больше становится вредителей, саботажников и прочих врагов народа. Что, безусловно, оправдывает введение чрезвычайных мер.

Каковы были эти чрезвычайные меры, всем сегодня прекрасно известно. Но, объявив об усилении классовой борьбы и сделав это усиление «законом» построения социализма, Сталин достиг большего: он превратил эту новую чрезвычайщину, чрезвычайщину «в квадрате», в норму — в нормальное состояние жизни социалистического общества. Минус на минус дал плюс, отрицание отрицания дало утверждение. Реальность чрезвычайного положения «в квадрате» стала восприниматься как нормальная социалистическая реальность. Нормальная, а потому открытая по отношению к любым новым чрезвычайным мерам.

70 лет страна жила на чрезвычайном положении. Перестройка его отменила. И вот теперь депутаты, министры и генералы требуют его возвращения. Вообще-то, если говорить прямо, они требуют социализма. Того самого социализма, который может существовать только в условиях чрезвычайного положения. Все остальное: необходимость наведения порядка, успокоения граждан, регулирования экономики — это просто слова. В худшем случае — обман, в лучшем — самообман.

Это ведь и в самом деле иллюзия — что можно сначала «навести порядок», а потом приступить к созданию свободного общества. Чрезвычайное положение имеет собственную логику, как, впрочем, и свою историю. Какой бы причудливой и экстравагантной ни казалась эта логика, история нашей страны ее подтверждает. Если воспользоваться любезной сердцам истматчиков формулировкой, историческое и логическое здесь совпадают.

Социализм, каким он явился в истории, — это общество на чрезвычайном положении. И наоборот, если сейчас будет введено чрезвычайное положение, это и окажется вожделем министрами и генералами социализм. Прелести этого чрезвычайного социализма известны, так же как ясна его логическая неуместность в нашем активно развивающемся обществе.

БУНТ В ЗОНЕ

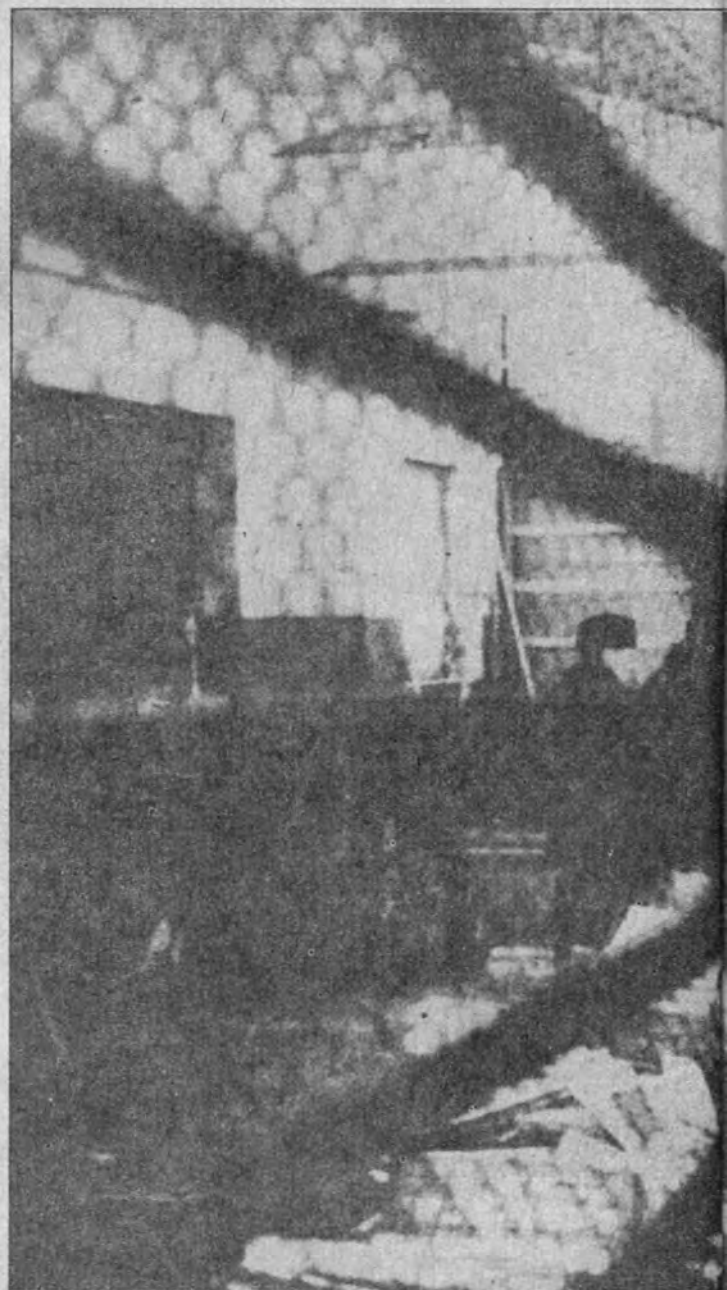
Уголовный лагерь
глазами
политзаключенных

Авторы и герои серии очерков, которые мы начинаем публиковать, — бывшие политзаключенные, отбывавшие свой срок в уголовных лагерях. Их рассказы охватывают почти сорокалетний период истории нашей «исправительно-трудовой системы»: с конца 40-х до середины 80-х. Полное и подробное описание тюремного мира со всеми его жутковатыми подробностями...

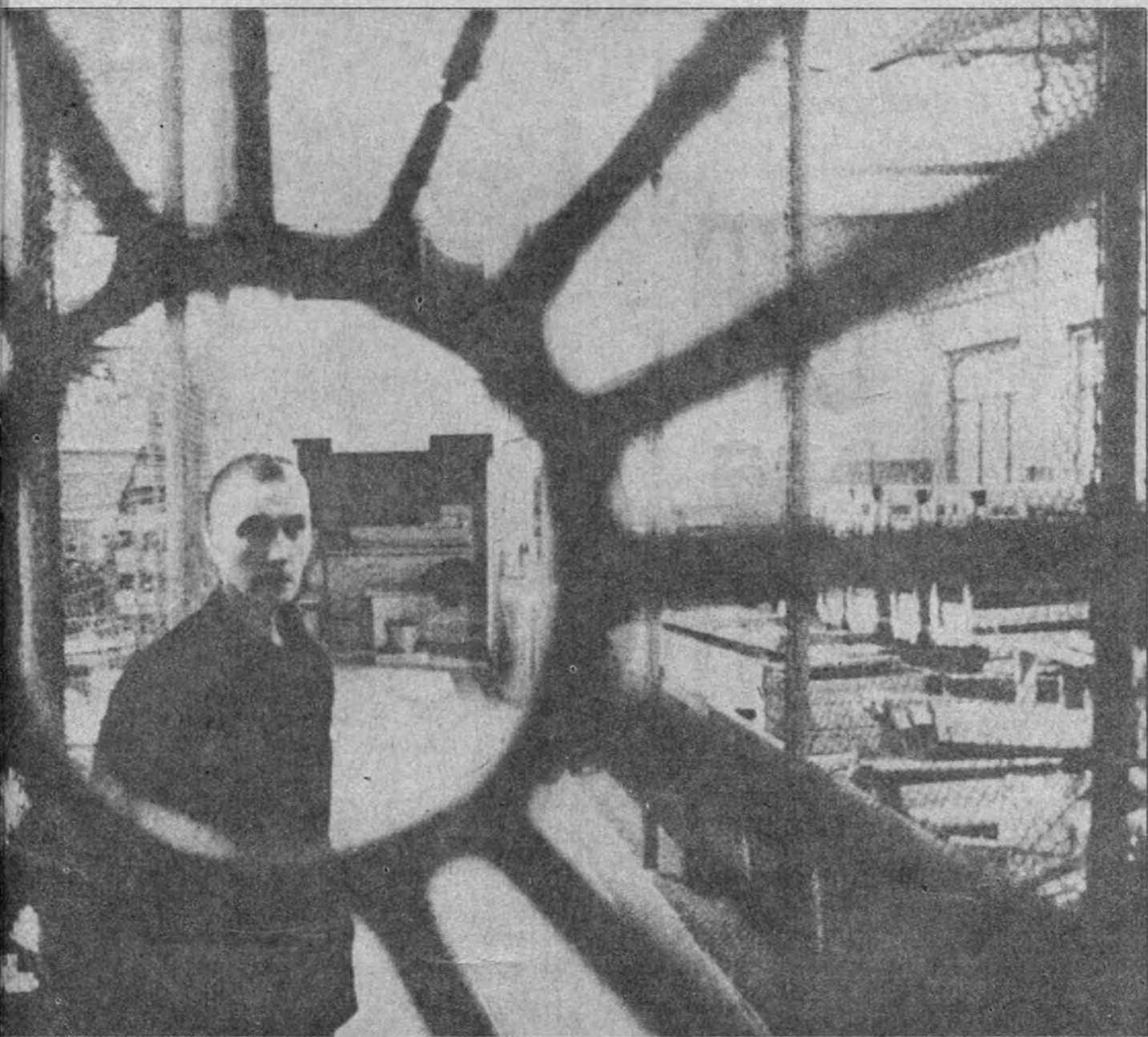
Валерий Абрамкин,
руководитель
Центра
содействия
гуманизации
пенитенциарной
системы

Валентина Чеснокова,
социолог,
научный
сотрудник
Центра

Владимир Куприянов,
фото

Большинство опрошенных нами заключенных и бывших заключенных, описывая свои первые впечатления от лагеря или следственной тюрьмы, чаще всего используют такие сравнения, как «сумасшедший дом», «царство абсурда», «хаос», «потусторонний мир»... Все, с чем встречается новичок, и прежде всего существующие там порядки, никак не соотносятся с его прежним жизненным опытом. Чего стоит, например, каста неприкасаемых — «петухов», с которой связаны многочисленные табу, ритуалы, обряды, напоминающие нравы диких, первобытных племен. Многие из этой «первобытности» сформировалось в наших «исправительных» заведе-

ниях совсем недавно, каких-нибудь 20—30 лет назад.

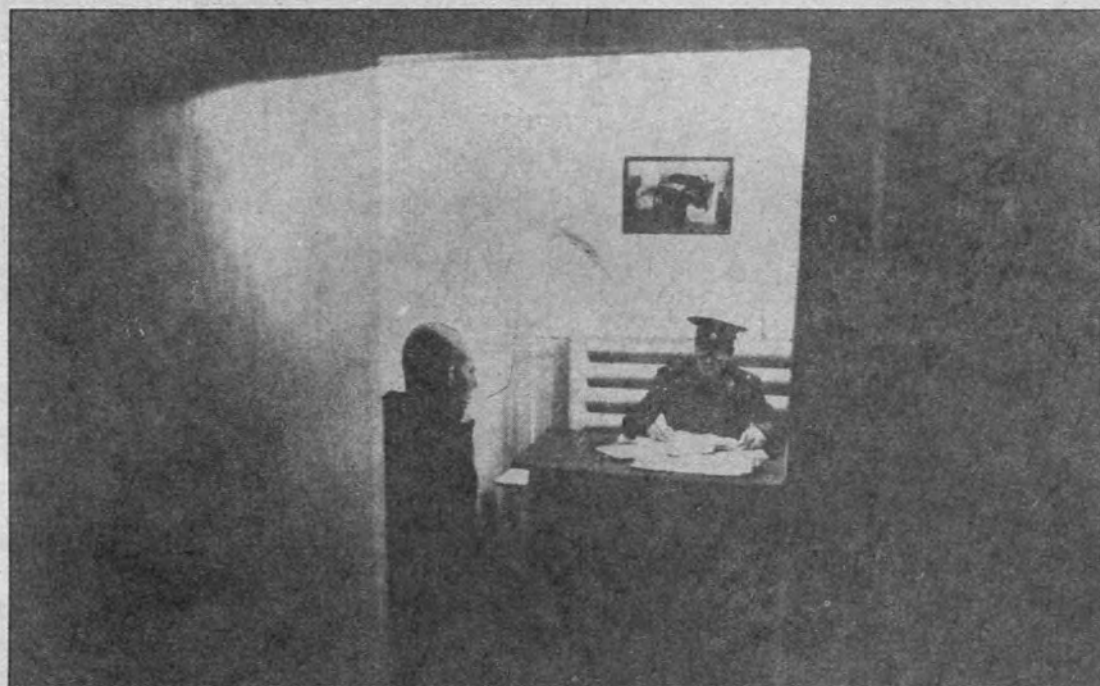
Постепенно, по мере вхождения в жизнь этого странного мира, начинает открываться его логика, его порядок, основательность его неписаных законов. Они достаточно странны и суровы с точки зрения стороннего наблюдателя, но для заключенного, сжившегося с ними, «законы», безусловно, справедливы, а основанный на них неформальный порядок обеспечивает соблюдающему «законы» сферу безопасности, взаимопонимания с окружающими, их моральную и реальную поддержку, что в условиях мест лишения свободы, ориентированных на подавление личности, уже многое значит.

Ситуация в тюрьмах и лагерях во многом определяется существованием двух порядков: формального,

построенного на силе власти, прямым и негласным законодательстве, ведомственных актах и инструкциях, и неформального, основанного на «тюремном законе», предании, традиции. Противостояние этих порядков кажется легко объяснимым: какое согласие может быть между тюремщиком и узником? Однако степень конфронтации между «ментами» и «зеками» настолько высока, что позволяет заподозрить более фундаментальные причины взаимонеприязни. С каждой стороны оценка противника явно содержит эмоциональную реакцию на врага (вот два довольно характерных образца ответов сторон: «хороший мент — это мертвый мент», «зек — враг, хуже американского солдата»). Картина лагерного бунта и его подавления в описании А. Кузнецова больше похожа на столкновение

вражеских армий, чем на решение конфликтной ситуации в «исправительном учреждении». Причем война, идущая на островах Архипелага в последние тридцать лет, больше похожа не на действия цивилизованных армий, а на религиозную вражду со всеми обычными для нее «партизанскими» издержками.

Официальная перевоспитательная доктрина рассматривает и «законы», и неформальный порядок как явления патологические, мешающие процессу перевоспитания преступников и подлежащие безусловному искоренению. Читатель, возможно, с удивлением обнаружит, что симпатии наших героев, которых трудно заподозрить в криминальных наклонностях, очень часто оказываются на стороне как раз таких «патологических» структур. Администрация лагерей с этими струк-

турами борется, она их подавляет, их разрушают и силы хаоса изнутри, — но они постоянно восстают как Феникс из пепла. И развиваются по своим естественным законам.

Дело, возможно, в том, что мы здесь сталкиваемся не столько с социальными, сколько с культурными явлениями. Нетрудно заметить, например, что субкультура заключенных, сложившаяся в начале 60-х годов, довольно близка традиционной культуре, и, наоборот, порядок, навязываемый лагерному населению администрацией, совершенно игнорирует установки и ценности традиционной культуры. Так, в качестве пути «исправления», а значит, и возможности получения льгот, привилегий, досрочного освобождения заключенным предлагается нечто совершенно аморальное (например, предательство или прислужничество).

Конфронтация между формальным и неформальным порядками носит характер культурной несовместимости, взаимного отторжения. Того, что мы видим и в жизни «большой зоны» и что объясняет многие из раздражающих наше общество конфликтов...

Алексей Кузнецов, 1948 года рождения. По профессии экономист. Осужден в 1983 году за хранение и распространение «антисоветской литературы» («Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Скотный двор» Оруэлла) и «порнографии» («Лолита» Набокова). Приговор — 2 года лишения свободы. В настоящее время живет в Москве.

...Я сидел в Кабардино-Балкарии, в колонии общего режима. Зона — «черная», «воровская», то есть вся внутренняя жизнь определяется

«Если начальник колонии проработал год и не купил себе «Волгу», не знаю, что это за начальник...»

блатными. Администрация («менты») смотрит только за тем, чтобы заключенные не разбежались. А что там внутри творится — это их не касалось. Среди заключенных — жесткая иерархия: главный блатной — «смотрящий» за зоной, при нем «общак» — человек 5–6, что-то вроде политбюро при генеральном секретаре. Этому общаку, в свою очередь, подчинялись блатные из отрядов — «пацаны». В каждой жилой секции, в углу — свой «пацан». Вот такая градация: старший («смотрящий») — общак — пацаны. Потом шли «мужики», то есть простые заключенные, работяги. Ниже в этой иерархии располагались «шныри», «турболеты» — что-то вроде прислуги, которая носит еду, стирает носки...

Еще ниже — «петухи», это самая презираемая каста зеков, но и у них тоже своя иерархия: есть один старший петух, при нем чистенькие мальчики, а под ними совершенно дегенеративные типы — я таких никогда не встречал. Они подметали плац, убирали туалет и выполняли самую черную работу. Грязные совершенно, в жутком состоянии, каждый проходящий считал своим долгом пнуть их (причем обязательно ногой), и они старались никому не попадаться на пути. Вот такая иерархия, очень жесткая.

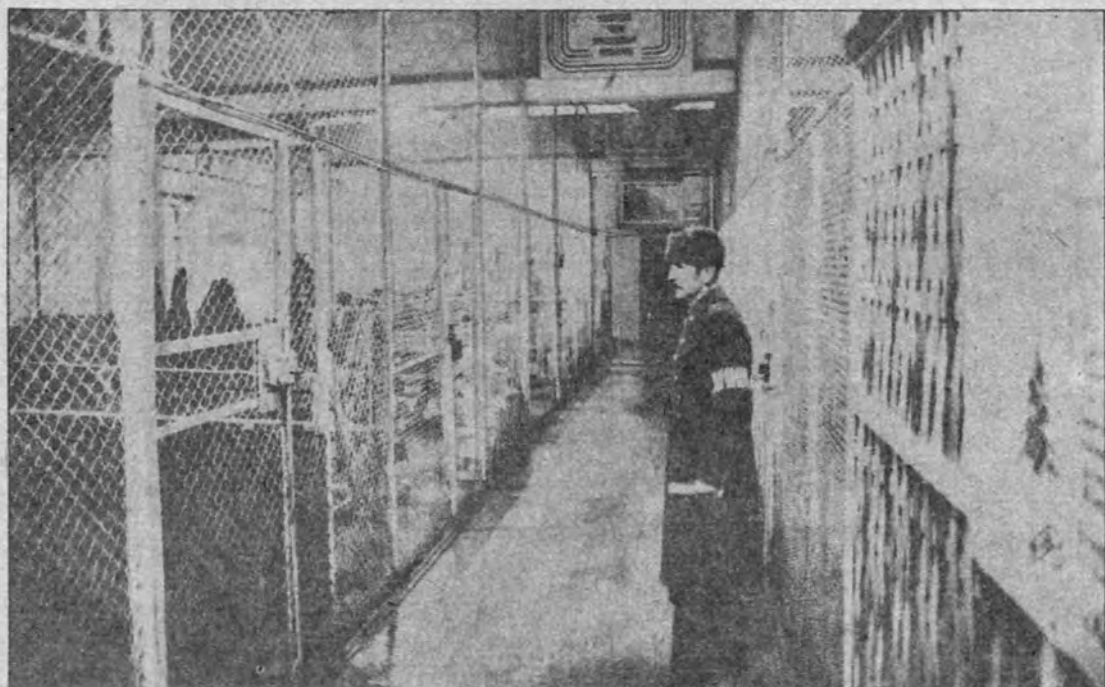
Те законы, те понятия, которые бытуют в этом мире, нормальному

человеку очень тяжело понять. Нельзя, например, ничего поднимать с плаца, считалось «западло». Если ты что-то уронил — все, поднимать нельзя: плац мели «петухи», а они как бы неприкасаемые.

Тех, кто работает с заключенными, я знаю только с негативной стороны. Среди них, естественно, встречаются сволочи, садисты, с патологией какой-то, которые просто ненавидят заключенных. А в основном — деловые люди, которые за деньги делают все. Зона — золотое дно для администрации. Если «хозяин» (начальник колонии) проработал год и не купил себе «Волгу», не знаю, что это за начальник. Все наживаются на заключенных... Туда поступает море чая, водки, наркотических таблеток, все что угодно из еды, шмотки... Вся администрация этим кормится...

В этой зоне, в Кабардино-Балкарии, я пробыл всего пять месяцев. Там случился бунт из-за того, что солдат из охраны подстрелил заключенного в «коридоре» между жилой и промышленной зонами.

Почти весь «грев» — водка, наркотики, анаша, чай — поступал вначале в промзону, а уже оттуда — в жилую. Администрация пыталась ручеек этот перекрыть, шла постоянная борьба: ночью в заборе промзоны выламывали дыры, утром администрация заставляла «петухов» эти дыры заделывать, следующей ночью забор опять ломали. В конце концов администрация предупредила, что по нарушителям будут стрелять. Реакция заключенных была своеобразной: «Нас вначале должны официально предупредить, дать расписаться, а пока не расписались — все это ерунда». Так вот рассуждали. И продолжали туда-сюда

через этот «коридор» лазить. Потом какой-то солдат, захотев, видимо, в отпуск, выстрелил в заключенного и ранил его.

Кавказцы — народ горячий. Вечером забурлили, а когда немного стемнело, забросали камнями вышки, вахту для надзора. Оттуда все убежали, вся администрация. Заключенные разбили фонари, возвели баррикаду, подожгли промзону, сейфы выкинули на плац, раздолбали, разложили костер из документов.

Вокруг зоны нагнали много солдат, те открыли огонь, но угол обстрела оказался неудобным. Легко ранили только одного человека. Утром в зону пришел толстомордый полковник, по-моему, начальник штаба Ростовской дивизии внутренних войск, и сказал, что дает 15 минут на разборку баррикады и построение, в противном случае пригрозил ввести в зону солдат. Ну, зеки, представляют, как солдаты заходят в зону. Это ведь специальные войска МВД — каратели в шлемах, со щитами, в пуленепробиваемых жилетах.

Главные блатные посовещались между собой на кабардинском языке и приняли решение сдаваться. Разобрали баррикаду, построились на плацу. Контролеры поставили перед строем стол, за столом — начальник колонии, прокурор района, прокурор Кабардино-Балкарии, начальник штаба внутренних войск. Стали спрашивать заключенных: какие, мол, претензии, из-за чего бунтуете? Кое-кто из заключенных выходил предъявлять претензии. Молодой, лет восемнадцати, парень, стал показывать на теле кро-

«Конвойный ногой перегородил выход. Мы услышали жуткий мат и глухие удары»

воподтеки: «Меня прапорщик такой-то избивал...» Записали его фамилию: мол, разберемся. Вышел пожилой зек, показал горсть пуль: «Почему вы по нам открыли огонь? Мы советские люди, никуда не пытались убежать, а в нас стреляли как в зверей».

У него тоже спросили фамилию — он сказал. Говорят: «Давай пули». — «Не дам». — «Разберемся».

Вышел какой-то совершенно придурочный заключенный, говорит: «Я только что пришел в эту зону, вот мне какую телогрейку дали, — короткие рукава показывает, — вот брюки — мне по колено». — «Фамилия? Разберемся...»

Вот так опросили всех, кто вышел, потом команда: на работу. Ползоны, и я в том числе, ушло на промзону. Успели где-то с час поработать, скомандовали: «Бросай работу! Строиться!» Мы построились в колонну перед воротами. Ворота открылись, заходит много ментов, в основном не здешних, а приезжих, чужие совершенно лица. Окружили нас. А местный опер Абидов, сво-лочь редкостная, носился вдоль рядов колонны и прямо на выбор выдергивал людей из строя. Слышу свою фамилию: «Кузнецов! Где Кузнецов?» Я ничего не подозреваю: «Я — Кузнецов». — «Иди сюда!»

Тут вот еще о чем надо сказать —

во время бунта почти вся зона вооружилась кто чем мог: палками самодельными, прутами, выломанными из коек, у кого-то оказался нож, у кого-то заточка... Трудно было остаться в стороне, потому что сразу наезжали: «Ты чего ждешь? Ну-ка давай бери палку. Сейчас солдаты зайдут, что я буду тебя защищать?» Так вот, очень жестко. Наверное, единственным на зоне человеком, который не взял в руки ни палки, ни камня, ни прута, был я. Понимал, чем участие в бунте могло для человека с моей статьей обойтись. Надо сказать, на меня и не наезжали, то ли входили в мое положение, то ли в силу хорошего отношения... Таким образом, я не принимал никакого участия в бунте, но опер выдернул меня заодно с блатными, со всем зонавским «центряком»...

Отобрали человек пятьдесят, остальных отпустили. Нас тщательно обыскали, посадили в воронки и повезли в тюрьму. Когда воронки остановились, конвойный открыл дверцу и говорит: «Выпрыгивайте по одному». Как только первый прыгнул, конвойный ногой перегородил выход. И тут мы услышали жуткий мат и глухие удары, то есть этого первого начали бить тут же, около воронки. Били, били, потом команда: «Бегом, скотина!» Тот побежал. Солдат убирает ногу, говорит: «Следующий». Все сразу от дверцы, да в воронке не спрячешься. Так все по одному выпрыгивали, и всех били. Пришла и моя очередь — выпрыгнул.

Напротив была стена, около стены стоял плотный человек в светлом плаще (как потом мне гово-

рили, главный опер тюрьмы) и около него еще несколько офицеров и прапорщиков. Как только я выпрыгнул, ко мне подскакивают человека три-четыре. Начинают избивать. Я прикрываюсь и боком, боком вдоль воронки перемещаюсь — знаю, что сейчас будет команда куда-то бежать. Поколотили меня немножко, потом командуют: «Бегом!» Я, уже слегка одуревший, смотрю — двор, ворота, стена, стена... Куда бежать-то? Вижу калитка и ступеньки. Думаю: ну, наверное, туда — и побежал. А за мной уже следующий выпрыгивает. Подбегаю к этим ступенькам, в дверях амбал стоит, и мне как в «торец» даст... Когда он меня ударил, я как бы завис на лестнице... У меня до сих пор в глазах эта картина: вдоль лестницы стоят менты и, что больше всего поразило, среди них — две молодые женщины.

Пока я летел вниз по подвальной лестнице с поворотом, каждый стремился меня ударить. С лестницы я вылетел в коридор. В коридоре — два человека в спортивной форме, а в конце, перед дверью камеры, — еще мент, с дубиной. И вот, пока бежишь по коридору, эти двое в спортивной форме по-каратистски вскрикивают — «Иа!» — и стараются достать ногой или рукой. Достают, падаю, вскакиваю, дальше бегу, добегаю до мента с дубинкой, тот открывает дверь камеры — я туда, а он мне вдогонку дубинкой по голове. Такая у них отработанная методика встречи «бунтовщиков».

Вот так, с криками (пока бьют — все кричат) набили в камеру человека сорок. Слышим, соседнюю камеру начинают заполнять. Несколько раз заходили в камеру свирепого вида контролеры — пересчитывали нас. Потом все успокоилось. Уже опустилась ночь на тюрьму. Звуки прекратились — тишина. Тишина, тишина... а потом, через некоторое время дверь открывается, команда: «Десять человек бегом на выход». Топот. Пробегают десять человек по коридору. Тишина опять — тишина страшная. А потом началось что-то совершенно жуткое: крики, дикие совершенно. Надо сказать, кабардинцы кричат страшно, с каким-то улюлюканьем, чуть ли не с причесыванием. Эти крики — самое жуткое там, в подвалах, потому что не знаешь, что тебя ждет. Народ кричит по-страшному... Крики, крики, крики, крики. Продолжаются какое-то время. Прекращаются. Потом опять топот ног в коридоре, команда «руки за голову», мат, команда: «Вперед, бегом, скоты». Крики, тишина, крики... Вдруг слышим — менты шумят: «Эй, вы чего тут своего оставили,

видите, он идти не может. Ну-ка помогите. Что же вы за люди! Звери какие-то!». Я тогда еще поразился: «Это мы — звери?!»

Дошло дело до нашей камеры, нас стали дробить по 10 человек. В какой-то десятке — моя очередь... Я выскакивал из воронки и из камеры по принципу — не первый, но и не последний, посередине. Пробежали мы по коридору и завернули в комнату для «шмона», для обыска. Я еще не успел ничего разглядеть, нас сразу в боксик всех запихнули — стоим плотно друг к другу. Слышим, переговариваются менты между собой. Через некоторое время дверь открывают: «Трое на выход!» Трое выскочило. Слышим команду: «Раздевайтесь!» Через некоторое время — удары и крики. И пошло... Выскакиваю из бокса третьим — двое ребят пробежали вперед, а мне дорогу мент переговаривает...

И сейчас он у меня в глазах стоит. В рубашке с засученными рукавами, в руках дубинка, такой белобрысый, от пота у него уже висюльки надо лбом... И — глаза... Я взглядом уперся в него и сразу понял, что человек в невменяемом состоянии, он просто не понимает, что делает. Ему сейчас родную мать поставь, он и ее будет бить. Я к стене лицом стою, руками в нее упираюсь, они сзади начинают меня бить. Резиновая дубинка кожу не рассекает, крови нет, дубинка ведь и предназначена для того, чтобы отбить внутренности. Они меня трамбуют, я, естественно, начинаю сразу орать. Все орут — надо, и я начинаю орать.

Били они меня, били, через некоторое время слышу, офицер говорит: «Хватит». Я-то слышу, что он говорит «хватит», а эти как будто не слышат, продолжают бить. Через некоторое время тот опять говорит: «Хватит, не то забьете — худой очень»... Вот после того, как он им объяснил, что я худой очень, один, с левого бока, начинает мне орать: «Повернись, скот! Повернись...» — и матом на меня. Я, ошалевший совсем, никак не пойму, зачем ему надо, чтобы я повернулся. Но команда есть, начинаю потихонечку разворачиваться. А ему, оказавшись, было в удовольствие голого человека ударить в пах сапогом... Не знаю, что меня и спасло. Начинаю разворачиваться, вижу — сапог летит в пах. Как успел среагировать, непонятно. Но не попал он куда метил. В бедро удар пришелся, на бедре сразу кровоподтек образовался, и после этого они меня еще пару раз ударили — и: «Давай, скот, забирай вещи, дергай отсю-

да». Я, как в тумане, прихватываю свои шмотки и бегом в боксик.

Ввалился, а там уже прыгают как зебры исполосованные зеки, одеваются. Оделись. Новая партия поступает. Когда набилось человек 10, команда: «Руки за голову! Бегом в коридор!» Мы выскочили в коридор, и к стене. Тут я еще оплошность допустил, не сообразил, что надо локти развести, а уперся ими в стенку и стою. Смотрю, слева от меня один арестант, прямо впилюсь в эту стенку, и второй как раз тот пацанчик, который жаловался на плацу, что его избил прапорщик, — он аж вжимается в стенку. Я стою, чувствую, что выделяюсь, а никак не соображу, как втиснуться в стенку. И тут слышу: сзади меня шаги, кто-то останавливается... А вот чем он меня ударил, я не знаю, не видел, но удар был точно в почку и совершенно жуткий, я просто грохнулся на пол. А перед этим видел, как сапогами катали одного, и мелькнуло: сейчас меня начнут сапогами катать. И собрался, с перехваченным дыханием по этой стенке полез вверх и вмазался в нее...

Порядок был восстановлен, вышел офицер: «По двое встать!» Мы встали в коридоре по двое, руки за голову. Он нам в двух словах объяснил ситуацию: «Вы все находитесь под следствием, работает комиссия из Москвы. Если из вас какая-нибудь сволочь чего-нибудь лишнее скажет, моментально очутится здесь снова. Все поняли, скоты? Ну, вперед бегом!» И мы побежали...

Потом выяснилось, что из отобранной сотни только двадцать человек (те, кого признали активными участниками бунта) получили новый срок, за остальными никакой вины не нашли. Пятьдесят человек вернули в ту же зону, остальных разбросали по другим колониям. Для кого-то эта история закончилась еще страшнее. Среди тех, кто активно участвовал в бунте, был Артур Орлов, один из тех блатных, к кому я относился с уважением. Во время бунта, когда администрация ночью пыталась вести переговоры, он выступал от лица заключенных. Стоял на баррикаде, а за ним черная масса зеков в бушлатах... Так вот и шли эти переговоры. Артура потом забили настолько, что он выколол себе оба глаза прямо в тюремной камере...

После этого бунта и следствия я потом два месяца шел этапом, попал на Урал, в Пермскую область, в зону совершенно другого характера, так называемую «красную» зону — с более жестким режимом и более властной администрацией...

В следующем номере — рассказ о кастах и гомосексуализме в тюрьмах.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Почти новые и незатертые стоят в наших библиотеках — по крайней мере в большинстве из них — те тома русского издания собрания сочинений Томаса Манна, которые содержат небольшую переведенную часть его публицистики, очерки и кое-что из эпистолярного наследия. Томаса Манна у нас в стране хорошо знают. Но знают преимущественно как выдающегося прозаика, во многом определившего развитие мировой литературы XX века. Как публицист, как политический мыслитель Томас Манн известен, к сожалению, мало. Да и в этом качестве Томас Манн пришел к нашему читателю главным образом через свою прозу. Через историю «составителя звуков» Леверкюна. Через обличенный в гениальную художественную форму политиче-

ский памфлет «Марио и волшебник». (Пусть никого не смутит слово «памфлет» — в нашем языке почему-то оплошное и уничижительное; но сам-то жанр превосходен и могуч: из этого жанра выросли две великие демократические революции — английская и американская.) И не случайно именно об этом памфлете вспомнил недавно наш коллега, писавший о предвыборной кампании некоторых кандидатов в президенты России («НВ» № 25/91). Демократия, обеспечивая людям свободное волеизъявление, требует от людей высокой степени ответственности. Ведь через выборы к власти может прийти и демагог, и тиран. Голос, поданный на выборах без должной ответственности, может оказаться роковым...

Опасность тоталитаризма в том, что он всякого хочет превратить в сообщника. Это зло, которое может быть разбу-

жено в каждом человеке. Как заметил один философ, у зла тоже есть своя эстетика. От того оно порой так соблазнительно.

Об этом и говорится в очерке Томаса Манна «Брат Гитлер», написанном в 1938 году, в самый канун войны. В очерке есть предчувствие этого великого и страшного катаклизма. Но главный пафос — напоминание о постоянно бродящем рядом с каждым из нас соблазне поддаться злу. В силу ли человеческой слабости или животного страха, нравственного иммунодефицита или очарованности «цветами зла». Но каждый должен знать своего демона — и уметь разглядеть демона, пытающегося воцариться в обществе...

Сразу после окончания войны, напоминает наш соотечественник писатель и философ Борис Хазанов, Томас Манн произнес речь «Германия и немцы», в которой говорилось, что нет двух Германий — Германии добра и Германии зла.

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

Они сосуществуют. Добавим: нет и двух России, да и всякая империя тоже разорвана между разными своими началами. В конце концов все зависит от человека, от его свободной воли, от его нравственного выбора. Авеля-то убил родной его брат...

Очерк «Брат Гитлер» в нашей стране публикуется впервые. Он возвращает нас к публицистике «вечного оппозиционера» Томаса Манна, в жизни которого бывали искушения, но одному он так и не поддавался никогда — комфор-мизму.

Брат Гитлер

Томас Манн (1875–1955)

Если бы не ужасающие жертвы, которых непременно требует для себя душевная жизнь этого человека, если бы не огромные моральные опустошения, проистекающие от этого, было бы легче признаться, что феномен этот захватывающе интересен. Ничего не подлаешь, придется им заняться.

Никто не освобожден от необходимости заниматься этой мрачной фигурой, ибо фигура эта соответствует рассчитанной на грубый эффект, на амплификацию природе политики, то есть того ремесла, которое он себе однажды выбрал, — мы знаем, в сколь большой степени из-за отсутствия способностей к чему-либо другому. Тем хуже для нас, тем постыднее для сегодняшней беспомощной Европы, которую он околдовал, в которой ему позволено играть роль вершителя судеб, покорителя всех и вся, и благодаря стечению фантастически счастливых — то есть несчастных — обстоятельств, ведь все так складывается, что нет воды, которая не лилась бы на его мельницу, его несет от одной победы, победы над ничем, над всеобщим сопротивлением, — к другой.

Одно согласие с этим, одно лишь признание печальных фактов — уже почти равносильно моральному самобичеванию.

Нужно совершить насилие над собой, которое добавок скрывает в себе опасность аморализма, ибо тогда останется меньше места для ненависти; а нена-

видеть должен сегодня каждый, на совесть которого так или иначе возложена судьба цивилизации. Ненависть — о себе я могу сказать, что ее у меня хватает. Я искренне хочу, чтобы это явление с позором исчезло из жизни общества, и как можно скорее, на что, однако, едва ли можно надеяться при умелой осторожности этого человека. И тем не менее я чувствую, что это вовсе не лучшие мои часы, когда я ощущаю ненависть к этому пусть коварному, но жалкому созданию. Более счастливыми и достойными человека кажутся мне минуты, когда потребность в свободе, в не стесненном никакими рамками суждении, одним словом, в иронии, которую я с давних пор научился ценить как элемент, искони присущий всякому одухотворенному творчеству и искусству, одержи-

вает победу над ненавистью. Любовь и ненависть — сильные чувства; однако не принято считать сильным чувством ту форму их проявления, когда любовь и ненависть своеобразнейшим способом соединяются друг с другом, — интерес. Тем самым недооценивается нравственное достоинство интереса. С интересом связаны дисциплинирующие себя порывы, юмористически-аскетическая склонность к узнаванию, к идентификации, к проявлению солидарности, все то, что я воспринимаю как нечто в моральном отношении стоящее выше ненависти.

Этот парень — катастрофа; но откуда еще не следует, что его характер, его судьба неинтересны. Проследить, как складываются обстоятельства, при которых

затаенная обида, гноящаяся где-то глубоко мстительность никчемного, невыносимого, не единожды терпевшего поражение человека, патологически не способного ни к какой работе, хронического обитателя ночлежек и отвергнутого, безнадежно обойденного жизнью третьесортного художника соединяются с чувством неполноценности (гораздо менее оправданным) побежденного народа, не умеющего сделать правильные выводы из своего поражения и только и думающего о восстановлении своей «чести»; как он, никогда ничему не учившийся и не желавший учиться из какой-то неясной, но упрямой заносчивости, не владеющий никакими навыками и немогущий физически, не умеющий ничего из того, что умеют делать мужчины, — ни ездить верхом, ни управлять автомобилем или самолетом, ни даже сделать ребенка, — каким образом он сумел воспитать в себе одно — именно то, что требуется для этого соединения: самое низкосортное, но зато действующее на массы красноречие, этот специально приспособленный для истерики и всяческого комедианства инструмент, которым он берedit раны народа, заставляет его растрогаться с помощью разглагольствований о его оскорбленном величии, одурманивает его посулами и превращает уязвленное национальное чувство в средство продвижения к собственному величию, восхождению к сказочным высотам, к неограниченной власти, к чудовищному удовлетворению, к сверхчеловеческому — к такой славе и такой ужасающей святости, что каждый, кто когда-либо провинился в незначительном, малом, неузнанном, теперь — дитя смерти, причем смерти как нельзя более ужасной и унижительной, теперь — дитя ада...

Как эта фигура из величины национального масштаба вырастает до масштаба европейского, как он учится пользоваться все теми же вымыслами, той же истерически выкрикиваемой ложью и теми же парализующими сопротивлением апелляциями к чувству, которые помогли ему стать величиной в одной стране, — на более обширном пространстве; каким мастером проявил он себя, эксплуатируя инертность целого континента, его боязнь кризиса, играя на его страхе перед войной, как умеет он через головы правительств обращаться к народам и привлекать столь многих, переманивать их на свою сторону; как покорна ему удача, как безмолвно падают перед ним стены, как этот некогда унылый бездельник, оттого что он обучился — якобы из любви к родине — политике, вознамерился, кажется, захватить Европу, чего доброго и весь мир!

Все это поистине неслыханно, ново и поражает своим размахом; и невозможно взирать на это явление без некоторого смешанного с омерзением восхищения.

Контур сказочных историй проступают здесь (мотив искажения и деградации играет большую роль в современной европейской жизни): тема Ганса-мечтателя, который получает в награду принцессу и целое королевство, «гадкого утенка», который оказывается лебедем, спящей красавицы, Брунгильды, вокруг которой пламя превращается в стену из роз, и она улыбается, пробудившись от поцелуя героя Зигфрида. «Германия, пробудись!». Это отвратительно, но это так. Сюда же «еврей в терновом венце», и что только еще не извлечено из народной души вперемешку с постыдной патологией. Выродившееся вагнерианство, вот что это такое, — давно знакомое и легко объяснимое, хотя опять же несколько неопознательное почитание, с которым политический фокусник относится к художественному обольстителю Европы, к тому, кого еще Готфрид Келлер называл «парикмахером и шарлатаном».

**Лучше, честнее, веселее
и плодотворнее, чем ненависть, — это
умение разглядеть зло в самом себе.
И так — победить его, освободиться
от этой тяжести**

Артистизм... Я говорил о моральном самобичевании, но разве не приходится признать — хотим мы того или нет, — что в этом феномене мы встречаемся с одной из форм проявления артистичности? Неким позорным образом здесь присутствует все: «трудный характер», лень, жалкая неопределенность существа, неспособность достичь зрелости, неприкаянность, невозможность разобраться, чего же ты, собственно, хочешь, идиотическое бесперспективное существование на самом дне социальной и душевной богемы, отказ — по сути своей высокомерный, по сути из убеждения, что ты рожден для лучшего, — отказ от всякой разумной и достойной уважения деятельности. На каком же основании?

На основании смутного предчувствия своего предназначения для чего-то совершенно неопределимого; называть его — если можно было бы его назвать, — и люди будут смеяться. К тому же нечистая совесть, чувство вины,

злость на мир, революционный инстинкт, подсознательное накопление взрывоопасной жажды отомстить за себя, компенсировать себя, постоянная, не покидающая его потребность оправдываться, что-то доказывать, желание властвовать, покорять, мечта увидеть мир дрожащим от страха, исходящим лю-

бовью, поклонением, стыдом у ног некогда отверженного...

Не стоит, видя стремительность, с которой осуществились эти вожелания, делать вывод о том, насколько велико и как глубоко было спрятано скрытое и тайное достоинство, которое страдало от постыдного сознания, что ты — марионетка, о невероятном напряжении подсознания, которое производит на свет «творения» столь размашистого и нахального стиля. Ибо стиль *al fresco*, крупномасштабный исторический стиль присущ не личности, а среде и тому виду деятельности, который влияет на события и людей: политике и демагогии; с шумом и громом, ценою многих жертв они оперируют народами и судьбами многомиллионных масс; их внешняя грандиозность отнюдь не свидетельство необычайных достоинств души нашего героя, значительности этого быющего на эффект истерика.

Но есть в нем и ненасытное стремление к компенсации, самовозвеличению, и беспокойство, и вечная неудовлетворенность достигнутым, и необходимость постоянно подстегивать свою самоуверенность, внутренняя пустота и скука, чувство собственной ничтожности — пока не пришло время что-нибудь затеять и заставить мир затаить дыхание, — есть и не дающее уснуть внутреннее принуждение вновь и вновь самоутверждаться.

Брат... Не такое уж удовольствие иметь столь постыдного брата; он действует на нервы, от такого родственника хочется бежать подальше.

И все же я не хочу закрывать глаза на это родство, ибо — еще раз: лучше, честнее, веселее и плодотворнее ненависти будет узнавание самого себя, готовность соединить себя с тем, кто заслуживает ненависти, пусть даже это чревато моральной опасностью разучиться говорить «нет». Меня это не пугает, — да и вообще мораль, поскольку она стесняет стихийность и наивность жизни, отнюдь не обязательно дело художника.

Не одно только раздражение, но и успокоительный опыт содержится в той мысли, что, несмотря на все знания, просвещение, анализ, вопреки всем достижениям науки о человеке, — все, что касается действий, событий и самых впечатляющих проекций бессознательного на реальную действительность, всегда остается возможным на этой земле, — а тем более при той примитивизации, которой сознательно, добро-

вольно поддавалась сегодняшняя Европа, — хотя желание отдаться этому процессу, злостные выпады против духа и достигнутой им высоты по существу сами становятся лучшим доводом против примитивности.

Несомненно, что примитивность в ее дерзком противопоставлении себя времени и уровню цивилизации, примитивность как «мировоззрение», — хотя бы это мировоззрение и считали «исправлением» духовности и противовесом «иссушающему интеллектуализму», — примитивность заключает в себе нечто бесстыдное; именно это Ветхий Завет называет «мерзостью» и «глупостью», и художник как ироничный сторонник жизни тоже может лишь с отвращением отвернуться от такого нахального и неискреннего возврата к прошлому. Недавно я видел фильм, где был показан ритуальный танец жителей острова Бали; он окончился иступлением и ужасающими конвульсиями обессилевших юношей.

В чем разница между этими обычаями и тем, что происходит во время массовых политических митингов в странах Европы? Разницы нет, или, вернее, она есть: разница между экзотикой и чем-то весьма и весьма неаппетитным.

Я был очень молод, когда в пьесе «Фьоренца» отверг власть красоты и культуры устами одержимого социально-религиозным фанатизмом монаха, который провозглашает «чудо возрожденной естественности». В «Смерти в Венеции» есть уже некая степень отказа от утонченного психологизма эпохи, есть нечто от новой решительности и опрощения души, которой я, правда, уготовил трагический конец.

Я был не совсем в стороне от увлечений и притязаний своего времени, от того, что хотело и должно было прийти, от амбиций, которые через двадцать лет превратились в громогласные домогательства и разнузданность уличной толпы.

Кто станет удивляться, что я больше не хотел иметь с ними ничего общего с тех пор, как они утратили всякое политическое оправдание, скатились до вкусов подонков и разгулялись на таком уровне, который не отпугнул только влюбленных в примитивность профессоров и литературных лакеев антидуховности. Это такого рода, которое может отбить всякую охоту благовествовать перед источниками жизни. Его надо ненавидеть.

Но что такое эта ненависть по сравнению с той ненавистью, с которой бывший кредитор бессознательного относится к духу и познанию! Как должен человек, подобный этому, ненавидеть размышления и анализ!

Я сильно подозреваю, что ярость, с какой он устремился к известной столице, была направлена в действительности против проживавшего там старого аналитика, его истинного и настоящего врага — философа и разоблачителя неврозов, все знающего и все очень точно сказавшего даже о «гении» (имеется в виду Зигмунд Фрейд. — Ред.).

Я спрашиваю себя, достаточно ли еще сильны суеверные представления, которыми обычно окутано понятие «гений», чтобы помешать назвать нашего друга гением? Почему же нет, если это доставит ему радость? Человек с духовными запросами старается узнать о себе горькую правду почти с такой же настойчивостью, с какой ослы жаждут правды, которая им льстит.

Если безумие вместе с рассудительностью есть гений (а это — определение!), то этот человек — гений. С таким определением можно согласиться без оговорок, потому что гений означает качество, а не ранг, не степень достоинства, ибо проявляется на самых разных духовных и человеческих уровнях; но даже на самом низком он обнаруживает еще признаки и вызывает действия,

которые оправдывают общее определение его как гения. Я оставляю открытым вопрос, видела ли история человечества подобный случай «гения» на столь низкой моральной и духовной ступени и наделенного такой притягательной силой, как тот, ошеломленными свидетелями которого мы являемся.

Во всяком случае, я против того, чтобы из-за этого феномена пострадало наше представление о гении вообще как о великом человеке. Правда, большей частью гений был явлением эстетическим и лишь изредка сочетал это с величием моральным; когда же он преступал границы, поставленные человеческому роду, то вызывал ужас и дрожь, которые вопреки всему, что человечество должно было от него вытерпеть, были дрожью счастья. Нельзя, однако, забывать о различиях — они непомерны.

Меня злит, когда я сегодня слышу: «Теперь-то мы знаем, что и Наполеон тоже был порядочным тупицей!» Поистине это значит

выплеснуть с водой и ребенка. Абсурдно ставить на одну доску два имени: великого воителя рядом с великим трусом и шантажистом. Абсурдно ставить это имя рядом с именем труса и шантажиста, делающего свое дело якобы во имя мира, с тем, чья роль была бы отграничена в первый же день настоящей войны. Абсурдно

равнять с ним человека, которого Гегель назвал «мировым духом на коне», гигантский, всем овладевший ум, олицетворение революции, тирана-свободолюбца, чей образ, подобно классическим изваяниям Средиземноморья, навсегда запечатлен в памяти человечества, с мрачным лентям, который на самом деле ничего не умеет, «мечтателем» самого низкого пошиба, слабоумным ненавистником социальной революции, лицемерным садистом и бесчеловечным лгуном, прячущимся под маской «чувствительной души», но жаждущим только мщения.

Я говорил о характерном для Европы искажении понятия; и действительно, нашему времени удалось столь многое обезобразить: национальную идею, миф о социализме, философию жизни, область иррационального, веру, юность, революцию и многое, многое другое. И вот теперь она подарила нам карикатуру на великого человека.

Нам ничего не остается, как смириться с исторической судьбой — быть современниками гения на таком уровне, с такими возможностями самооткровения.

Но солидарность, узнавание — есть выражение презрения к себе такого искусства, которое в конце концов не хотело бы, чтобы его понимали буквально.

Я верю, более того, я уверен, что близится новое будущее, которое будет презирать духовно неконтролируемое искусство как черную магию, безмозглость, безответственное порождение инстинкта с такой же силой, с какой времена людской слабости, вроде нашего, замирают в удивлении перед ним.

Искусство, конечно, не есть один лишь свет и дух, но оно и не сплошное мутное варево, слепое порождение теллурической преисподней, не только «жизнь». Ясней и счастливей, чем прежде, художество будущего осознает и покажет себя как более просветленное волшебство: подобно крылатому Гермесу, любимцу Луны, оно будет посредником между духом и жизнью. Но и само по себе посредничество есть дух.

Текст статьи Т. Манна в переводе Е. Фрадкиной публикуется с любезного разрешения редакции журнала «Страна и мир» (Мюнхен, ФРГ)

Открывшееся в Москве представительство Еврейского агентства — Сохнут расширило и без того обширное поле деятельности **Узи Наркиса**, отставного израильского генерала, ныне руководящего информационным отделом агентства (что соответствует в Израиле министерскому посту).

Наркис родился в Иерусалиме, участвовал в войне 1948 года. Свою первую боевую награду получил за участие в операции, получившей название «ночи мостов», когда подпольщикам удалось взорвать 19 мостов, затруднив передвижение английской армии. Известность в стране Наркис приобрел после того, как вместе со своим отрядом во время 6-дневной войны в 1967 году штурмовал Иерусалим. Тогда, опасаясь уничтожения мусульманских, христианских и иудейских святынь в Вечном городе, он приказал брать город без применения артиллерии и танков.

Наркис возглавлял оперативный отдел израильского генерального штаба, был военным атташе в Париже, Брюсселе, Гааге и Берне. Военная карьера генерала закончилась в 1968 году. После выхода в отставку занял пост главы департамента

Еврейского агентства по абсорбации иммигрантов. Работа оказалась не менее напряженной, чем на военной стезе: с 1970 года в Израиль боль-

шими группами начали приезжать евреи из Советского Союза.

Прожив несколько лет в кибуце — коммуне, жители которой полностью обеспечи-

вают себя сами всем необходимым, Наркис стал горячим приверженцем такого образа жизни, связывая с ним будущее процветание страны. Наркис сто-

ронник того, чтобы и переселенцы из СССР селились и работали именно в кибуце.

Отставной генерал видит перспективы развития еврейского образования и распространения правдивой информации об Израиле в СССР. «Совместные семинары, преподавание иврита, обмен информацией между нашими странами приблизят еврейское население Советского Союза к ближневосточным корням народа», — говорит Наркис.

Г.Ариевич

Они найдут ваших предков

40-летний кандидат наук **Вячеслав Плескунов** стал генеральным директором общества с ограниченной ответственностью АРОС (сокращение от «Архивы России»). Председатель правления АРОСа — Анатолий Прокопенко, бывший директор Особого архива, а ныне заместитель председателя российской Комитета по делам архивов.

— АРОС будет выступать в качестве посредника между заказчиком, нуждающимся в каких-то архивных изысканиях, и архивами, — рассказывает Плескунов. — По выполнению работы мы переводим архиву-исполнителю ту сумму, на которую он предъявил счет, а вся прибыль распределяется между нуждающимися архивами России. Сотрудники АРОСа и сами будут вести исследовательскую работу.

Кроме этого АРОС будет выпускать ежемесячные рабочие тетрадки: «Российские биржи», «Российские банки», «Российские ярмарки», состоящие из архивных документов.

— Наши новые биржи, например, — поясняет Плескунов, — как правило, копируют западные. Мы же предложим для ознакомления и использования данные об уставах, о структуре, функционировании российских бирж до 1917-го и в первые послереволюционные годы.

Тираж АРОС планирует небольшой: скажем, о биржах — всего 200 комплектов для 200 существующих сейчас в стране бирж. Серия о банковском деле, правда, может быть предложена не только коммерческим, но и государственным банкам, которым в ближайшее время волею неволей придется заняться коммерцией.

АРОС будет проводить коммерческие выставки, выпускать несколько непривычные для нас альбомы с фотографиями и портретами русских купцов, сопровождаемыми описанием их деятельности, оборота их фирм.

Если не главным, то самым прибыльным делом обещают стать генеалогические исследования.

— Во всех зарубежных архивах генеалогические работы составляют 70—80 процентов объема деятельности, — поясняет Плескунов. — В СССР же такие исследования не налажены, единого банка данных не существует.

Плескунов приводит в пример мормонов из американского штата Юта: у них налажена собственная служба генеалогического поиска с сетью бюро по всему миру, включая Африку и Австралию. Пополняя свой банк данных, мормоны обратились и в Советский Союз: их интересуют архивные описи, ревизские сказки, метрические книги православных церквей, списки рекрутов, исповедальные ведомости, любая другая информация о населении старой России.

Плескунов предвидит большой объем сотрудничества с Америкой, где, по некоторым данным, едва ли не у каждого четвертого — русские корни. АРОС уже помогал найти своих предков австралийцам, немцам, полякам. К помощи общества прибегали жители Израиля — советские эмигранты, которым надо было удостоверить еврейское происхождение.

— Недавно мы подтвердили в Тель-Авив, что в России действительно существовала секта субботников: они переходили из христианства в иудаизм...

По желанию заказчика делается описание внешности предка (если не сохранилось фото), его увлечений и образа жизни...

Адрес общества: 121059, Москва, Бережковская наб., 26.

Телефоны: 240-30-75, 240-33-22.

Факс: 200-42-05.

30-летний **Михаил Москалев**, директор Информационного центра гуманитарных исследований, утверждает, что в состоянии помочь прессе в условиях растущей конкуренции и паде-ния тиражей.

Центр существует уже три года, занимается социологическими исследованиями и маркетингом.

В отличие от других подобных организаций в центре сразу отказались от временных коллективов, когда группа ученых приходит уже со своим заказом и сама его выполняет, а организация предоставляет только «крышу». Здесь сделали ставку только на своих сотрудников, которые прежде всего прогнозируют потребности рынка.

Цены на бумагу растут, появляются все новые и новые издания. Редакторы газет и журналов ломают голову, как удержать читателей, а Информационный центр гуманитарных исследований уже сейчас может предложить исследование, решающее эту проблему.

Михаил Москалев — выпускник Российского государственного гуманитарного университета (так теперь называется Историко-архивный институт), прежде чем возглавить Информационный центр, успел поработать эстрадным импресарио и тележурналистом.

На благотворительном концерте в Сеуле в пользу прокаженных (часть заработанных денег пойдет и советским больным — см. «НВ» № 23,26/91) пела и наша соотечественница Нелли Ли.

Нелли Ли окончила Ленинградскую консерваторию, преподает и выступает с концертами. В ее репертуаре самая разная музыка: от старинной до ультрасовременной. — Альфреда Шнитке, Эдисона Денисова. В 1988 году принимала участие в культурной программе сеульской Олимпиады и после этого ей предложили преподавать на музыкальном факультете столичного

университета Южной Кореи.

Пригласил участвовать Нелли Ли в благотворительном концерте его организатор отец Александр. Благотворительностью певица занималась и на своей родине, правда, не всегда успешно. Предложила, например, Всесоюзному музыкальному обществу открыть специальный счет для престарелых артистов.

— Людей, оставшихся в старости практически без

средств, у нас предостаточно. Моя преподавательница, которая всю свою жизнь отдала искусству, ослепла. Ее пенсия — копейки. Но государству до таких людей нет никакого дела.

Предложение Нелли Ли после первых бурных восторгов в музыкальном обществе так и осталось нерализованным. Но благотворительные концерты певица все-таки спела. Поет она бесплатно и в Южной Корее — например, в са-

мой бедной церкви Сеула.

— Я слушала здесь проповеди священников, познакомилась и подружилась с отцом Александром. Была потрясена тем, как он общается с больными проказой. Отношение к церкви, к христианству в Южной Корее удивительное.

Состоится в Сеуле благотворительный концерт в помощь детям, пострадавшим от Чернобыля. Примет в нем участие и Нелли Ли.

«Дружба народов» без стереотипов

В полувековой истории литературного журнала «Дружба народов» Александр Руденко-Десняк стал первым главным редактором, избранным редакционным коллективом. До этого он был первым заместителем, занимался литературной критикой и публицистикой. Три года назад, отложив собственные сочинения и всерьез взявшись за переводы с украинского (получая от них «удовлетворение особого рода — домашне-хуторянское»), открыл русскому читателю прекрасную прозу Микола Хвильового и Владимира Винниченко.

Руденко-Десняк родился в Чернигове в семье учительницы и писателя. Когда окончил факультет журналистики МГУ, ему казалось, что эта профессия способна перевернуть мир. «Но потом постепенно постыл, пришел в себя, увлекся литературной критикой», — говорит писатель. Он считает, что в распространении духовных ценностей нужно быть не столько борцом, сколько миссионером. Смысл жизни видит в возрождении культуры народа. Редактор журнала предлагает отказаться от старых стереотипов, по-новому взглянуть на Петра I и Мазепу, Махно и генерала Власова...

Национальный вопрос по-прежнему останется ключевым в публицистике «ДН».

— До недавнего времени все сводилось к вопросу: кто первый начал? — говорит первый заместитель главного редактора «ДН» Юрий Калешук. — Но никто не поставил еще вопрос: кто первым остановится? Настало время оторваться от классовых, клановых, региональных идеалов.

Юрий Калешук учился в Рижском университете. Работал в ряде молодежных газет: латышской «Советской молодежи», казахской «Молодой целинник». Плавал матросом в Норвежском море. Около трех лет корреспондентом журнала «Смена» ездил по Западной Сибири.

— Эйфория публикаций миллионными тиражами ранее запрещенной литературы закончилась, — полагает Юрий. По его мнению, «ДН» нужно теперь делать ставку на писателей, исследующих современный мир. При журнале создается Общественный институт по изучению межнациональных отношений, под эгидой которого будут публиковаться исследования социологов.

— Я хочу искупить хоть в какой-то мере вину моего государства за сбитый в 1983 году южнокорейский гражданский самолет. Но наше государство не сочло нужным извиниться. Что ж, попытаюсь сделать это за него...

55-летний Джордж Кэри, бывший епископ Батский и Уэльский, назначен архиепископом Кентерберийским — главой англиканской церкви.

Уже во время своего посвящения в новый сан Кэри подчеркнул, что англиканская церковь и впредь не будет избегать политических и социальных вопросов. «Никакая церковь не может и не должна молчать, когда попираются свобода, честь и достоинство человека», — сказал архиепископ. Кэри уделил особое внимание судьбе иракских беженцев.

Но не только политическая часть выступления Кэри была необычной. Отцов церкви поразил и новый стиль службы: Кэри говорил в сопровождении синтезатора и саксофона.

Кэри выступает за то, чтобы политика церкви была более гибкой и современной. Например, он высказался за необходимость посвящать женщин в духовный сан.

«Дом Мой домом молитвы наречется»

**Верующие России просят вернуть им храмы.
А как быть, если в храме музей?**

Разговор о судьбах памятников русской церковной старины, едва начавшись, больно задел и наших идеологов, и служителей музеев. Одних не на шутку встревожил «интеллигентский экстремизм», призывы к возвращению долгов Русской церкви, а значит — явное покушение на «культуру». Других возмутила сама постановка вопроса: как можно все отдавать церкви, когда большинство в нашем обществе — неверующие? А кроме того, не будет ли это насилием над приверженцами других конфессий, чуть ли не их отлучением от культуры, не послужит ли это разжиганию национальной вражды? Были и более веские аргументы. Ясно, что культуры, веками создававшиеся в нашей стране православными, мусульманами или иудеями, не могут вечно существовать под общей биркой «советские». И нельзя их лечить от современных недугов сразу все вместе и одинаково сталинско-брежневскими методами.

Русская церковная культура пережила семь десятилетий идеологической терапии и классовой хирургии. Уничтожены миллионы икон и книг, загублены жизни миллионов верующих. Раны от пыток и от войн сейчас почти неразличимы. После шести лет перестроечной реанимации у нее наконец появились первые признаки жизни. Но статистика, хоть и приблизительная, больше напоминает судебно-медицинскую. Всего в РСФСР среди памятников истории и культуры лишь 18–20 тысяч церковных сооружений. Из которых на государственную охрану поставлено 4800 церквей и часовен, а верующим передано лишь около 900. Безвозвратно потеряно более 25 из 45 тысяч церквей, из 950 с лишним монастырей кое-как уцелело около двух третей, признано памятниками и взято на учет — 380, а действующих — всего 30. Можно добавить, что в республике сейчас открыто около 3500 православных приходов, четвертую часть которых составляют очень бедные молитвенные дома, ютящиеся в крестьянских избах, в старых гаражах. Для русского православия, видно, катакомбный период еще не закончился, и церковь, поработанная бюрократическим государством, до сих пор отделена и от своего культурного достоинства, и от жизни общества.

Но если бы вопрос о сохранении

русской церковной архитектуры можно было решить, взяв ее памятники на учет и поставив под охрану государства, все было бы очень просто. Нет. В восьми из «учтенных и охраняемых» — склады, приблизительно 600 переданы «учреждениям культпросвета», 300 заняты под производства, в других размещаются спортзалы, магазины, детские сады и даже гриль-бары. 1200 памятников просто пустуют. А сколько еще неуценных, покинутых и полуразрушенных русских храмов доживают свои последние годы — среди вымерших сел, в глуши? Через 5–7 лет уже невозможно будет спасти многие шедевры деревянного зодчества Севера и Сибири...

За последние три года на территории РСФСР верующим начали передавать храмы. Правда, в основном пустующие или обезображенные. Но у самой церкви сил и средств для обживания всего этого «кладбища» культуры не хватает, она задыхается от непосильного бремени. Поэтому верующие и просят вернуть им храмы, еще сохранившиеся в своем первоначальном виде. Даже из самого нищего, обескровленного Нечерноземья слышатся мольбы к центру — не о продуктивном снабжении, а об открытии церкви. Старикам перед смертью негде свечку поставить...

Нынешний весьма дорогостоящий для общества конфликт был заложен еще в начале 60-х, когда в эпоху «хрущевской оттепели» были закрыты и разорены около 10 тысяч православных храмов. Вместо них всюду где возможно насаждались «учреждения культпросвета». А именно эти храмы народ отвоевал в годы войны. К 1947 году было вновь открыто около 18 тысяч церквей — мало кому известная статистика. Из-за них сейчас и разгорается борьба: как раз в этих наиболее уцелевших

Православная церковь решила восстановить храм Христа Спасителя

после культурной революции храмах и были затем созданы наспех, словно поля кукурузы, сотни провинциальных музеев. Часть из них до сих пор «бумажные» — для галочки. Но есть и замечательные, задышающие в церковных стенах краеведческие и народные музеи. Их необходимо спасать вместе с фондами и сотрудниками — настоящими подвижниками культуры своего края, благодаря усилиям которых такие музеи в основном и создавались.

Что же делать? Существует несколько точек зрения и несколько ответов на этот вопрос. Первый отражает аппаратную философию застойных времен: ничего, кроме рухляди, верующим не отдавать. К счастью, этот принцип стремительно уходит в прошлое вместе с убогими «музеями религии и атеизма», неизменно располагавшимися в храмах.

Вторая тенденция — популистская. Ее представители напрочь отрицают идеологические догмы, но одновременно с легкостью отказываются и от бремени культуры. Они особенно рьяно требуют отдать сразу все храмы верующим. Далее обычно следуют призывы к немедленной «конфискации у государства» церковных ценностей.

Большинство работников музеев, так или иначе связанных с церковным наследием, считают наоборот, что все, что можно, надо оставить государству: восстановить, превратить в новые музеи и хранить сокровища для потомков. Церковь и общество должны лишь помочь культурному собиранию. Выглядит этот принцип очень привлекательно. Не верится только в светлое будущее культуры, достижению которого должна служить советская власть плюс музеефикация всей страны.

К счастью, это не доминирующая точка зрения. Поиск взаимодействия между церковью и государственными органами культуры наметился

еще несколько лет назад. Но катастрофическая ситуация требует, должно быть, и принятия чрезвычайных решений со стороны государства. В рамках нового Закона СССР о свободе совести церкви наконец возвращены юридические права, обеспечены демократические свободы. Но, очевидно, для нее должен быть создан режим наибольшего благоприятствования и в экономической, и общественной деятельности, особенно в России, с ее специфическими проблемами. Можно было бы, например, вовсе отменить, как во всех цивилизованных государствах, налог на церковные доходы, который отнимает 38 процентов прибыли.

В рамках российского закона о собственности можно было бы особо оговорить статус церковной собственности на все имевшиеся в распоряжении церкви до революции городские и сельские территории, на которых храмы были некогда снесены: часть этих земель до сих пор пустует, часть застроена «временкой»... Стоит, должно быть, и восстановить право церкви на владение всеми ранее изъятыми в пользу государства «музейными» ценностями или хотя бы де-юре утвердить это право за всей Русской православной церковью. Это поможет защитить религиозные святыни от продолжающегося, пусть невольного, ополчения, позволит сохранить целостность церковной культуры. По актам конфискации начиная с 1918 года эти ценности принимались государственными органами лишь на хранение. Когда же истечет его срок? Кстати, возвращая церкви все то, что ей раньше принадлежало, не придется даже ломать нашу устоявшуюся психологию социалистического собственника. Ведь само понятие коллективной, народной собственности родилось как раз в церкви, в недрах раннехристианских об-

щин. В России собственность монастырей, например, всегда воспринималась как общенародное достояние. В. Даль приводит такую поговорку: «Монастырей богатство — бедных богатство».

Как могли бы в будущем строиться отношения с церковью при передаче в ее ведение не только обычных рядовых храмов, но и крупнейших музеев страны? Попробую нарисовать одну из возможных схем. Во-первых, обеими сторонами должны быть согласованы сроки и последовательность возвращения памятников. Во-вторых, государство должно заверить, что оно не снимает с себя ответственности за сохранение передаваемой собственности, которая и в ведении церкви остается общенародным культурным достоянием. В-третьих, государство сохраняет за собой функции научно-экспертного контроля за правильностью реставрации и использования памятника — этот вопрос не может вызывать споров ни у одной из сторон. Первым шагом может стать передача алтарных частей музейных храмов, восстановление иконостасов, клиросов, освобождение от экспонатов и реквизиции всех интерьеров. После этого в храме могут проводиться отдельные праздничные богослужения. Конечно, я допускаю мысль, что и для церкви такой переходный этап будет весьма болезненным. Ведь сказано Христом: «...дом Мой домом молитвы наречется». Но, видимо, и для церкви, и для верующих важно понять, что такое положение временно.

А постепенно пусть все русские храмы перейдут в ведение церкви. Только тогда они вновь оживут и станут нашим национальным достоянием, а не национальным позором.

Валерий Байдин

Alitalia

Новые рейсы
каждый день —
в Италию

понедельник, среда,
четверг, суббота:

Москва	Рим
16.55	19.40

Ежедневно:

Москва	Милан	Рим
18.00	20.40	22.35

Любую информацию Вы можете получить
в офисе Алиталии в Москве:
103031 Москва, Пушкинская ул., 7. Телефоны: 923-98-40, 923-98-56

Санкт-Петербург

Город, который построил Петр

Юрий Соколов

Прекрасно жить
в северной нашей столице
— в граде,
который построил Петр.

И надо ж
такому курьезу случиться,
что стали
Петровы потомки резвиться,
и Ленина имя теперь серебрится
на гербе у северной нашей столицы
— града, который построил Петр.

Вот Ленина памятник
к небу стремится,
чье имя достойно теперь серебрится
на гербе у северной нашей столицы
— града, который построил Петр.

Вот Ленина площадь
в движеньи клубится,
где Ленина памятник
к небу стремится,
чье имя достойно теперь серебрится
на гербе у северной нашей столицы
— града, который построил Петр.

А рядышком, тут же,
чтоб мне провалиться,
подземная станция уж копошится,
и именем Ленина тоже гордится,
того же,
чья площадь в движеньи клубится,
где Ленину памятник
в небо стремится,
чье имя достойно теперь серебрится
на гербе у северной нашей столицы
— града, который построил Петр.

А вот и метро
под Невою струится,
и здесь от него не могли уклониться,
как в станции Ленина,
той, что гордится
на площади,
там, где движенье клубится,

где Ленину памятник
в небо стремится,
чье имя достойно теперь серебрится
на гербе у северной нашей столицы
— града, который построил Петр.

И Ленина орден,
как роза в петлице
метро,
что под гордой Невою струится
и где от него не могли уклониться,
как в станции Ленина,
что копошится
на площади той,
что движеньем клубится,
где Ленину памятник
в небо стремится,
чье имя достойно теперь серебрится
на гербе у северной нашей столицы
— града, который построил Петр.

А время бежит,
как Фонтанки водица,
и даже в бреду
нам не может присниться,
и тем,
кто в семнадцатом начал резвиться,
чем кончится,
мягко сказать, ламца-дрица,
что начата
в северной нашей столице
— града, который построил Петр.

(С подачи Юрия Мурзина)

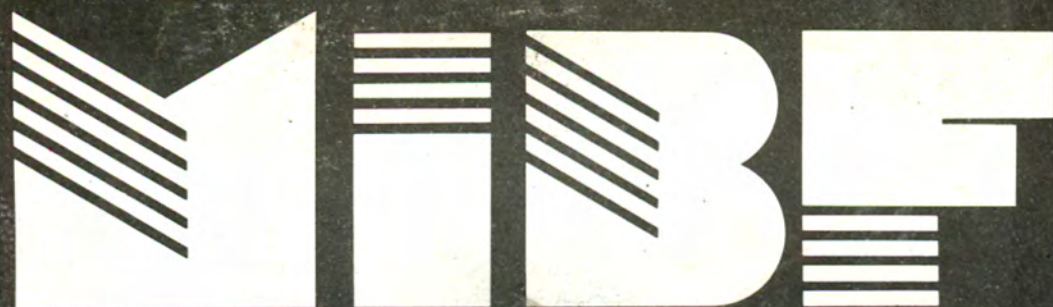
Рисунок Виктора Кудина

ЛЕС ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ОБМЕН НА ДРЕВЕСИНУ

Предприятие «Волокнор»
заинтересовано в обмене
товаров народного
потребления, продуктов
питания на поставки
древесины.
Инофирмам предлагаем
изделия из дерева,
металлов, пластмасс,
композиционных
материалов.

Коммерческие предложения
присылать по адресу: 129090,
Москва, ул. Троицкая, 15.
«Волокнор». Факс (095) 3952602.
Телекс 411700 OPUS 001067.
Факс международный: 200 22 16
OPUS 001067.
Телефоны для справок в Москве:
210-38-28, 941-08-05.
Телефон для инофирм 354-95-18.

Moscow International Book Fair

Внимание организаций
и фирм,
заинтересованных в
широкой рекламе своей
деятельности и своей
продукции!

Раз в два года в Москве традиционно устраивается Московская международная книжная ярмарка, проходящая под девизом: «Книга на службе мира и прогресса».

В ярмарке принимают участие книгоиздательские и книготорговые организации и фирмы, международные и национальные ассоциации издателей и книгораспространителей, авторско-правовые организации, литературные и информационные агентства и общества, а также другие международные, региональные и национальные организации и объединения.

VIII Московская международная книжная ярмарка будет проводиться с 3 по 9 сентября 1991 г. на территории ВДНХ СССР и предоставит широкие возможности для установления деловых контактов и для рекламирования своей деятельности и своей продукции.

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Московские
книжные ярмарки, а
также выставки
книг, журналов и
другой печатной
продукции,
редакционно-
издательской

техники в СССР и за
рубежом организует
и проводит
Генеральная
дирекция
международных
книжных выставок
и ярмарок

(СССР,
103006, Москва,
ул. Чехова, 16.
Телефон: 299-40-34.
Телеграф:
Москва Экспокнига.
Факс: 2992219).